

КАК
ПРИРУЧИТЬ
ТРЕХ МУЖЕЙ
И ВЫЖИТЬ ПРИ ЭТОМ

18+

Илана Ветреная

Как приручить трех мужей и выжить при этом

<https://litres.ru/74114063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шиара просыпается в чужом теле и быстро понимает: новая жизнь досталась ей с тремя мужьями, брачным контрактом и репутацией женщины, которую в этом доме привыкли ненавидеть.

Они — как стихии, с которыми нельзя обращаться неосторожно.

Чтобы выжить, ей придётся раскрыть тайны чужой жизни, приручить трёх мужей — и не сгореть в чувствах, которые окажутся опаснее ненависти.

Содержание

Глава 1 - Много вопросов, но не когда на них отвечать	4
Глава 2 - Дух Древа	55
Глава 3 - После чуда	70
Глава 4 - После невозможного	89
Глава 5 - Зов леса	125
Глава 6 - Чужой след	176
Глава 7 Красные искры	195

Илана Ветренная

Как приручить трех мужей и выжить при этом

Глава 1 - Много вопросов, но не когда на них отвечать

Тишина.

Не та, что приходит с ночью, когда за окном затихает ветер, и не та, что остаётся после дождя. Эта была иной — неподвижной, бесконечной, лишённой самого течения времени. Казалось, здесь никогда не существовало ни света, ни тьмы. Лишь пустота, в которой медленно растворялось всё: мысли, воспоминания, ощущение собственного тела.

Девушка не чувствовала, дышит ли. Не могла вспомнить, кто она.

Только где-то на самой границе исчезающего сознания теплилось странное чувство — будто она забыла нечто очень важное. Стоило лишь протянуть руку, и память откликнулась бы... Но рук больше не существовало. Как и её самой. Сколько это продолжалось, трудно сказать. А потом тишина дрогнула.

Сначала едва заметно, словно по гладкой воде прошёл лёгкий ветер. Потом всё сильнее. Где-то далеко прозвучал голос. Он был ещё неразборчив, терялся в безбрежной пустоте, но с каждым мгновением становился всё ближе, всё отчётливее, пока наконец не разорвал безмолвие.

— Шиара, я люблю Эризку, а не такую злобную суку, как ты!

Слова ударили неожиданно резко. Шиара?.. Кто это?

В душе девушки проступило недоумение, а следом — беспокойство, словно волна от камня, брошенного в воду.

По пустоте побежала рябь, и вместе с ней вернулось ощущение собственного тела. Сначала — тяжесть, словно каждая мышца наливалась свинцом. Затем холод, медленно проникающий под кожу. И только потом пришла боль.

Она вспыхнула сразу везде.

Не острая, не режущая — глухая, глубокая, будто тело слишком долго молчало и теперь вспоминало, каково это — чувствовать.

Девушка судорожно вдохнула. Но прежде чем боль успела отступить, раздался второй голос.

— Шиара, ты сама виновата в своём изгнании. Я лучше лишусь половины своей силы, чем останусь рядом с тобой.

Он не кричал. Не обвинял. Спокойствие, с которым были произнесены эти слова, оказалось страшнее любой ярости. В нём не было вспышки гнева — только усталость человека, который однажды принял решение и больше не собирался

его менять.

Тишина снова треснула. Теперь уже глубже. Последний голос прозвучал совсем рядом.

— Даже влияние твоего рода не заставило бы меня добровольно стать твоим супругом.

После этих слов мир вокруг рассыпался. Пустота потеряла форму, звёзды вспыхнули и исчезли, незнакомые созвездия пронесли мимо, словно их сорвал неведомый поток. Всё вокруг закружилось, смешалось, а потом реальность оборвалась так резко, что девушка невольно распахнула глаза.

Первый вдох обжёг лёгкие.

Воздух показался неожиданно тяжёлым после той бездонной пустоты. Она закашлялась, жадно хватая его ртом, словно вместе с каждым вдохом возвращалась к жизни. Под ладонями ощущалась грубая ткань простыни, прохладная и шероховатая, а где-то совсем рядом тихо поскрипывало старое дерево.

Она медленно села. Несколько мгновений просто сидела, пытаясь успокоить дыхание и прислушиваясь к собственным ощущениям. Мир больше не кружился, но голова оставалась тяжёлой, будто внутри всё ещё эхом отзывались чужие голоса.

Комната была маленькой. Запах сырого дерева смешивался с ароматом сушёных трав, развешанных где-то под потолком. Сквозь мутное окно в комнату проникал тусклый дневной свет, ложась на потрескавшиеся стены и старую мебель.

Здесь не было ничего лишнего — только самое необходимое, и даже это выглядело так, словно служило своим хозяевам уже долгие годы.

Это место было ей совершенно незнакомо.

Именно тогда она заметила, что находится в комнате не одна.

Возле кровати на коленях стоял мужчина. Он не двигался. Лишь когда их взгляды на короткое мгновение встретились, спокойно опустил голову, словно её пробуждение ничего не меняло.

— Жена пострадала, — произнёс он. — Это моя вина.

Его голос был низким и удивительно ровным. Не мягким — скорее холодным, лишённым каких-либо интонаций. Так говорят люди, которые давно привыкли держать свои чувства под замком. В этих словах не слышалось ни оправдания, ни надежды на прощение. Он просто произнёс их как неоспоримый факт.

Она невольно задержала на нём взгляд.

Даже стоя на коленях, мужчина не казался сломленным. Спина оставалась прямой, плечи — расправленными, а в неподвижной фигуре чувствовалось спокойное достоинство, которое не могла унижить даже эта поза. Несколько прядей тёмных волос падали ему на лицо, скрывая глаза, зато на открытой шее и руках отчётливо виднелись свежие синяки. Следы ударов уже начали темнеть, но были ещё слишком свежими, чтобы их не заметить.

Она ничего не понимала. Кто этот человек? Почему он стоит перед ней на коленях? И почему избит именно он? Вопросы роились в голове, не давая ухватиться ни за один ответ.

— Жена... — после короткой паузы снова заговорил мужчина. — Ты сердишься?

Девушка уже открыла рот, чтобы ответить, но резкая боль пронзила виски. Перед глазами потемнело, мир качнулся, и она невольно прижала ладонь ко лбу. Вместе с болью в сознание хлынули чужие воспоминания.

Она крепче прижала ладонь к виску. Боль не отпускала. Напротив, с каждым ударом сердца она становилась глубже, будто что-то настойчиво пробивалось сквозь чужое сознание. Перед глазами поплыли смазанные тени. Они вспыхивали и исчезали прежде чем взгляд успевал за них зацепиться: каменные стены, багряные знамёна, женский смех, запах весенних цветов...

А потом всё исчезло. На короткое мгновение наступила темнота. И снова пришёл свет — яркий, почти ослепительный. Она стояла посреди широкой площади. Под ногами белел гладкий камень, отполированный тысячами шагов, а впереди, высоко над толпой, возвышался помост. Люди что-то кричали, но слова тонули в оглушительном гуле, словно память нарочно скрывала их.

Она видела только одного человека — высокого мужчину в тяжёлых цепях. Седина серебрилась в тёмных волосах,

одежда была разорвана, но держался он так прямо, словно перед ним собрался не народ, ожидающий кровавого зрелища, а почётный караул.

Он медленно повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза. В его глазах не было страха. Только тихая печаль. Он улыбнулся — совсем немного, будто хотел сказать что-то важное. Но не успел.

Лезвие опустилось стремительно.

Мир качнулся.

Девушка судорожно втянула воздух. Перед глазами снова возник потолок маленькой комнаты, но ощущение чужой боли никуда не исчезло. Оно тяжёлым камнем легло в груди, заставив сердце сжаться.

— Отец...

Слово сорвалось с губ раньше, чем она успела понять, кому оно принадлежит. Она испуганно замолчала. Это был не её отец. Она никогда не видела этого человека. И всё же внутри осталось чувство утраты, настолько настоящее, что на глаза невольно навернулись слёзы.

Она быстро сморгнула их.

«Нет...»

Мысль прозвучала почти отчаянно.

«Это не мои воспоминания.»

Но память уже не спрашивала разрешения. Она раскрылась медленно, слой за слоем. Большой дом, залитый солнечным светом. Длинная галерея с распахнутыми окнами.

Тонкий аромат цветущей сливы, который приносил весенний ветер. Маленькая девочка бежала по каменной дорожке, звонко смеясь, а мужчина, ещё молодой, подхватил её на руки так легко, словно она ничего не весила.

— Шиара, медленнее, — смеясь, произнесла женщина, догоняя их. — Ты опять заставишь отца нарушить все правила приличия.

Он только улыбнулся — тепло, спокойно.

И в этот миг воспоминание рассыпалось, будто его разорвал внезапный порыв ветра. На смену солнечному дню пришла ночь: запах дыма, тяжёлые шаги, чьи-то крики, закрывающиеся ворота, чёрные траурные одежды и белая лента на древке родового знамени.

Потом...

Пустота.

Шиара медленно открыла глаза.

Комната снова обрела очертания.

За окном всё так же покачивались ветви старого дерева, а где-то под крышей негромко стрекотало насекомое. Мир жил своей обычной жизнью, будто ничего не произошло. Только её собственная уже никогда не станет прежней. Она осторожно посмотрела на свои ладони.

Тонкие. Незнакомые. Память больше не оставляла сомнений: эти руки принадлежали другой женщине. И вместе с ними ей досталась чужая жизнь.

Она долго не решалась поднять голову. Казалось, стоит

снова посмотреть вокруг — и воспоминания исчезнут, словно их никогда не было. Но вместе с ними исчезнет и единственное объяснение происходящему.

Шиара медленно выдохнула.

Воздух всё ещё пах сушёными травами и старым деревом. Где-то за стеной негромко скрипнула половица, потом всё стихло. Мир жил своей жизнью, равнодушный к тому, что внутри неё только что разрушилась чья-то судьба.

«Нет. Не чья-то. Её».

От этой мысли по спине пробежал холод.

Она больше не могла отделить собственные воспоминания от чужих. Одни казались настоящими, другие — такими же живыми. Они переплетались, сталкивались, спорили друг с другом, и всё труднее становилось понять, где заканчивается одна жизнь и начинается другая.

Перед глазами снова вспыхнуло лицо мужчины на площади. Потом — улыбка женщины. Смех маленькой девочки. Запах цветущей сливы. И всё оборвалось.

Осталась только пустота.

Шиара медленно подняла взгляд. Мужчина всё ещё стоял на коленях. За всё это время он почти не пошевелился. Только опущенные плечи едва заметно поднялись, когда он сделал спокойный вдох. Он ждал. Не торопил её. Не пытался заговорить снова. Именно это молчание вдруг показалось ей странным. Большинство людей не выдержали бы такой паузы: начали бы оправдываться, объяснять, просить.

Он — нет. Он просто ждал её слов. Шиара осторожно всмотрелась в его лицо. Теперь она заметила то, что раньше ускользнуло от взгляда.

Усталость.

Не ту, что приходит после бессонной ночи, а другую — глубоко затаившуюся, почти ставшую частью человека. Она скрывалась в резких тенях под глазами, в чуть заострившихся чертах лица, в неподвижности, которая казалась слишком привычной.

И всё же...

Несмотря на следы побоев, на кровь, запёкшуюся у виска, на простую одежду и коленопреклонённую позу, он не вызывал жалости. Перед ней стоял человек, которого можно было избить, можно было заставить преклонить колени, но невозможно было заставить потерять достоинство. Эта мысль пришла неожиданно. Шиара даже не сразу поняла почему: память, принадлежавшая прежней хозяйке этого тела, говорила совсем другое.

Она должна была видеть перед собой виноватого слугу. Человека, которого следовало наказать. Но вместо этого почему-то чувствовала лишь неловкость. Будто сама оказалась там, где быть не должна.

— Встаньте.

Слово сорвалось почти шёпотом. Она не успела подумать, прежде чем произнесла его. Мужчина не пошевелился. Лишь спустя несколько ударов сердца спокойно ответил:

— Пока жена не простит меня, я не имею права подняться.

Шиара замерла. Снова это слово.

Жена.

Оно звучало так естественно, словно между ними не существовало ни расстояния, ни долгих лет взаимной неприязни.

Память снова качнулась. На этот раз без боли. Словно кто-то осторожно приоткрыл дверь, позволяя заглянуть внутрь чужой жизни.

Во дворе было непривычно тихо. Даже слуги, обычно сновавшие между хозяйственными постройками, теперь держались в стороне, украдкой поглядывая в сторону главных ворот. Воздух пах прогретым камнем и молодой листвой, а лёгкий ветер лениво перебирал листья старых слив, растущих вдоль дорожки.

Шиара, которой тогда едва исполнилось шестнадцать, недовольно выглянула из беседки.

— Почему отец задерживается?

Она уже собиралась вернуться к книге, когда тяжёлые ворота медленно распахнулись. Во двор въехала всего одна повозка — не парадная, а самая обычная. Следом шагал её отец, и рядом с ним шёл незнакомый юноша.

На вид он был всего на несколько лет старше самой Шиары. Простая дорожная одежда потемнела от пыли, на рукаве виднелся свежий порез, а на скуле проступал почти сошед-

ший синяк. Он двигался спокойно, не разглядывая дом и не оглядываясь по сторонам, словно всё происходящее не вызывало у него ни любопытства, ни тревоги.

Шиара невольно нахмурилась. Такого человека невозможно было принять за слугу, но и на гостя он не походил. Слишком молчаливый. Слишком собранный. Казалось, всё лишнее он оставил далеко за воротами этого дома.

Отец остановился посреди двора и коротко произнёс:

— Подойди.

Юноша без лишних слов сделал шаг вперёд.

— Как тебя зовут?

— Сахан.

Голос прозвучал спокойно — ровно настолько, чтобы его услышали все, кто стоял во дворе. Ни тише. Ни громче.

— Подними голову.

Он подчинился. Лишь тогда Шиара впервые увидела его глаза — светлые, холодные, но удивительно спокойные. Они вовсе не казались злыми. Скорее напоминали зимнее небо перед снегопадом: ясное, неподвижное и бесконечно далёкое.

Отец долго смотрел на него, настолько долго, что даже слуги начали переглядываться.

— Почему ты не попытался оправдаться? — неожиданно спросил он.

Во дворе стало совсем тихо. Шиара непонимающе перевела взгляд с отца на незнакомца. Она не знала, о чём идёт

речь, но чувствовала, что ответ почему-то очень важен.

Сахан молчал несколько мгновений.

— Потому что тот, кто уже решил не верить, не услышит никаких оправданий.

Он произнёс это без обиды и без горечи, словно говорил о давно свершившемся событии, которое уже невозможно изменить.

Отец едва заметно кивнул. В его глазах мелькнуло уважение.

— А если бы тебе дали возможность вернуться?

Несколько мгновений Сахан молчал. Лёгкий ветер шевельнул тёмные волосы, упавшие ему на лоб.

— Нет. Если люди однажды отвернулись от меня, значит, моё место больше не рядом с ними.

Шиара помнила, как тогда удивилась. Станный человек. Любой другой стал бы умолять, оправдываться, искать виноватых. Этот же говорил так спокойно, будто потерял не дом, а вещь, без которой давно научился жить.

Отец неожиданно улыбнулся — едва заметно, уголками губ.

— Хороший ответ.

Он медленно обернулся к управляющему.

— Подготовьте для него комнату.

По двору словно прошёл невидимый шёпот. Даже слуги не сумели скрыть удивления. Отец редко приглашал в дом посторонних, а человека без имени рода — никогда. Но и

этим он не ограничился.

Сделав ещё несколько шагов, глава рода негромко произнёс, словно решение созрело задолго до сегодняшнего дня:

— С этого дня ты останешься здесь.

Сахан молча склонил голову.

— Благодарю.

И только одно это слово. Без облегчения, без радости, без громких обещаний. Лишь спокойная благодарность человека, привыкшего платить за добро не речами, а поступками. Почему-то именно этот момент память сохранила особенно отчётливо.

Воспоминание исчезло так же незаметно, как и появилось.

Не оборвалось, не рассыпалось на осколки — просто растворилось, оставив после себя лёгкую пустоту и странную тяжесть в груди. Шиара медленно открыла глаза и несколько мгновений неподвижно смотрела перед собой, словно пыталась убедиться, что снова находится в той самой маленькой комнате.

Запах старого дерева никуда не исчез. Сквозь мутное окно по-прежнему лился мягкий дневной свет, а где-то за стеной негромко поскрипывали половицы. Мир вокруг оставался удивительно обычным, и именно эта обыденность казалась сейчас почти невероятной после столь яркого воспоминания.

Сахан всё ещё стоял на коленях. За всё это время он почти не изменил позы. Только дыхание едва заметно припод-

нимало плечи, да лёгкий ветерок, пробравшийся в комнату через приоткрытое окно, шевелил тёмные пряди, упавшие ему на лоб.

Шиара долго смотрела на него. Теперь она видела уже не просто незнакомца с синяками на руках. Перед ней стоял тот самый юноша, которого когда-то отец привёл в их дом. Прошли годы, черты лица стали взрослее и жёстче, но в нём почти ничего не изменилось. Всё та же спокойная осанка. Всё та же привычка молчать дольше, чем большинство людей способны выдержать. Всё то же чувство внутреннего достоинства, которое невозможно было отнять ни ударами, ни унижением.

И всё же...

Это был чужой человек. Она помнила его, но не знала. Это ощущение оказалось самым странным. Память настойчиво подсказывала, что этот человек уже давно стал частью её жизни, что когда-то она ежедневно слышала его голос и не задумывалась о его присутствии. Но сердце молчало, не узнавая ни лица, ни взгляда. Казалось, внутри неё встретились две совершенно разные Шиары, и каждая смотрела на Сахана по-своему.

Одна хранила воспоминания. Другая видела перед собой незнакомца. От этой двойственности становилось не по себе.

Шиара медленно отвела взгляд. На грубом деревянном полу возле кровати тянулась неглубокая царапина, будто когда-то здесь неосторожно передвинули тяжёлый стол. Поче-

му-то именно эта случайная деталь помогла ей окончательно вернуться в настоящее. Она глубоко вдохнула, собираясь с мыслями, и лишь потом снова посмотрела на мужчину.

— Встаньте.

Собственный голос прозвучал тише, чем ей хотелось, но в комнате, где каждый звук словно становился отчётливее, этого оказалось достаточно. Сахан не пошевелился. Он не колебался и не ждал, что она повторит просьбу. Просто остался стоять на коленях, будто другого ответа для него не существовало.

— Я не могу.

Эти слова прозвучали спокойно, без тени упрямства или вызова. Он не спорил с ней и не пытался настоять на своём — лишь произнёс то, что считал очевидным.

Шиара невольно нахмурилась.

— Почему?

Только теперь Сахан поднял голову. Их взгляды встретились всего на несколько мгновений, но ей этого оказалось достаточно, чтобы заметить странную деталь. В его глазах не было ни страха перед наказанием, ни надежды вызвать жалость. Он не искал оправданий и не пытался угадать её настроение. Перед ней сидел человек, который давно принял последствия собственного выбора и теперь просто следовал ему, не ожидая ни снисхождения, ни награды.

— Пока жена не простит меня, я не имею права подняться.

После этих слов в комнате снова воцарилась тишина. Но теперь она уже не давила. Она будто заполнила собой всё пространство между ними, оставляя слишком много невысказанного.

Шиара медленно, неловко опустила взгляд. Она не знала, за что должна его простить. Не помнила, в чём он виноват. И всё же чем дольше смотрела на этого человека, тем труднее ей становилось поверить, что тот самый юноша, которого отец однажды привёл в дом, мог совершить нечто настолько ужасное, чтобы безропотно принять подобное наказание.

Эта мысль возникла неожиданно и так же неожиданно заставила её насторожиться. Она не имела права делать выводы. Чужая память уже однажды обманула её, показав лишь крошечный осколок прошлого. За ним могли скрываться события, о которых она пока не знала. И всё же где-то глубоко внутри крепло странное чувство, что правда окажется совсем не такой, какой её привыкла видеть прежняя Шиара.

Она ещё некоторое время сидела молча. Комната снова стала удивительно обычной. Скрип старого дерева, тонкий запах сушёных трав, доносившийся откуда-то из-под потолка, тихий шелест листвы за окном — всё это существовало и прежде, но только сейчас она по-настоящему начала замечать окружающий мир. После чужих воспоминаний реальность казалась почти хрупкой, словно стоило отвлечься, и она вновь растворилась бы, уступив место прошлому.

Но ничего не происходило. Мир не менялся. За окном

всё так же качались ветви старого дерева, где-то под крышей негромко стрекотало насекомое, а сидевший перед ней мужчина продолжал терпеливо ждать, не нарушая тишины.

Именно это удивляло сильнее всего. Любой другой давно начал бы говорить. Попытался бы объяснить, оправдаться или хотя бы напомнить о своём присутствии. Сахан не сделал ничего. Он будто чувствовал, что сейчас слова только разрушат то хрупкое равновесие, которое постепенно возвращало её к реальности.

Шиара неожиданно поймала себя на мысли, что рядом с ним ей спокойно. Не потому, что она ему доверяла. Для доверия не было причин. Просто рядом с этим человеком не возникало ощущения опасности. Он ничего не требовал, не пытался воспользоваться её слабостью, не искал возможности направить разговор в нужную ему сторону. Лишь ждал, оставляя право сделать следующий шаг ей самой.

Она медленно провела ладонью по покрывалу, ощущая шероховатую ткань под пальцами.

Воспоминания чужой жизни постепенно занимали своё место, складываясь в отдельные образы, но между ними по-прежнему оставались пустоты. Слишком много пустот. Настолько много, что любое неосторожное слово могло выдать её прежде чем она сама успеет разобраться в происходящем.

Лучше слушать. Смотреть. Запоминать.

Она подняла голову.

— Как долго я была без сознания?

Вопрос прозвучал спокойно, почти буднично, словно её интересовало лишь собственное состояние.

— Три дня, — ответил Сахан.

И снова наступила тишина. Она не казалась неловкой. Наоборот. Каждый из них будто спокойно ждал, пока другой заговорит первым.

Шиара медленно кивнула.

Три дня...

Значит, всё это время вокруг неё жили люди, знавшие настоящую Шиару. Они разговаривали с ней, исполняли её распоряжения, видели её каждый день. Для них она не была чужой.

Эта мысль заставила её невольно напрячься. Любая ошибка могла оказаться слишком заметной. Словно угадав ход её мыслей, Сахан негромко произнёс:

— Лекарь сказал, что после таких ударов память иногда возвращается не сразу.

Он говорил всё тем же спокойным голосом, не пытаясь её утешить. Просто сообщал то, что считал важным.

— Некоторые забывают отдельные события. Иногда лица. Иногда целые дни. Но со временем воспоминания обычно возвращаются.

Шиара медленно опустила взгляд. Пальцы всё ещё лежали на покрывале. Она осторожно провела ими по плотной ткани ещё раз, словно проверяя, действительно ли находится здесь, а не внутри очередного воспоминания. Если судьба подарила

ей такое объяснение...

Значит, пока не нужно искать ответы. Достаточно научиться задавать правильные вопросы. За окном тихо качнулись ветви дерева. Ветер принёс в комнату едва уловимый аромат цветущего сада, и впервые с момента пробуждения Шиара позволила себе сделать глубокий, спокойный вдох.

Шиара ещё некоторое время сидела неподвижно, прислушиваясь к тишине. Мысли понемногу переставали метаться, складываясь в осторожный, ещё хрупкий порядок. Прошное оставило после себя слишком много белых пятен, но одно она понимала совершенно ясно: сейчас нельзя позволить себе растерянность. Этот мир жил по своим правилам, которых она ещё не знала, а значит, единственным союзником оставалась внимательность.

Она вновь посмотрела на Сахана.

Он по-прежнему не двигался. Казалось, ожидание вовсе не тяготило его. Оно было таким же естественным, как дыхание или смена дня и ночи. В этом человеке вообще не чувствовалось внутренней суеты, словно всё лишнее он давно научился оставлять за пределами собственного сердца.

Шиара невольно подумала, что именно так, должно быть, выглядит зимний лес. Внешне неподвижный, почти безжизненный, но стоит задержаться в нём чуть дольше — и начинаешь замечать тихий скрип ветвей, след зверя на снегу, дыхание ветра между елями. За внешним спокойствием скрывалась жизнь, просто она не спешила открываться каждому.

Она тут же мысленно одёрнула себя. Странно сравнивать незнакомого человека с лесом. Хотя... он действительно вызывал именно такое ощущение.

— Вы всё это время были здесь? — спросила она наконец. Сахан едва заметно кивнул.

— Да.

— Не уходили?

— Нет.

Ответ снова оказался коротким, но на этот раз Шиара не почувствовала раздражения. Наоборот, ей вдруг стало любопытно.

— Почему?

Он ответил не сразу.

Не потому, что подбирал слова. Скорее, словно сначала пытался понять, что именно она хочет узнать.

— Жена могла проснуться.

Будто этим объяснялось всё. Шиара опустила взгляд. Всего три слова — и в них не было ни упрёка, ни желания заслужить благодарность. Он даже не пытался представить себя в лучшем свете. Просто сказал правду, такой, какой видел её сам. И почему-то именно эта простота смущала сильнее любых красивых речей.

Она вспомнила людей из своей прошлой жизни. Каждый из них обязательно добавил бы что-нибудь ещё: пожаловался бы на усталость, намекнул на бессонные ночи, напомнил, сколько сил потратил ради другого человека. Иногда

даже искреннее добро сопровождалось ожиданием хотя бы нескольких слов благодарности.

Сахан ничего не ждал. Он вообще не производил впечатления человека, который привык ждать что-то для себя.

За окном негромко зашелестела листва. Комнату снова наполнил ветер — прохладный, пахнувший молодой травой и влажной землёй после недавнего дождя. Он коснулся занавески, осторожно качнул её край и так же незаметно исчез. Шиара перевела взгляд к окну. Весна.

Почему-то именно сейчас ей вдруг захотелось выйти наружу. Просто вдохнуть этот воздух полной грудью, почувствовать под ногами землю, убедиться, что мир действительно существует и не исчезнет, стоит лишь закрыть глаза.

Но тело ещё оставалось слишком слабым. Она только крепче сжала пальцами край покрывала. Это движение не укрылось от Сахана. Он не стал спрашивать, что случилось, не предложил помощь и не бросился поддерживать её. Лишь внимательно посмотрел, будто оценивая, достаточно ли у неё сил сидеть самостоятельно.

И именно эта сдержанность неожиданно вызвала у Шиары уважение. Он не обращался с ней как с беспомощной, не навязывал заботу. Он просто был рядом. И почему-то рядом с ним становилось легче дышать.

Тишину нарушил негромкий стук.

Он прозвучал так ненавязчиво, словно человек за дверью

уже заранее знал, что войдёт независимо от ответа. Дверь приоткрылась почти сразу, впуская в комнату поток тёплого воздуха, пахнувшего нагретым деревом и молодой листвой.

— Вижу, я всё-таки опоздал.

Голос оказался неожиданно лёгким, с едва уловимой насмешкой, будто сказанное было обращено скорее к самому себе, чем к тем, кто находился в комнате. Шиара подняла взгляд.

Мужчина выглядел почти ровесником Сахана, но на этом их сходство заканчивалось. Если рядом с одним всё невольно замирало, то рядом с другим воздух словно приходил в движение. Он вошёл без спешки, однако в каждом его шаге чувствовалась живая, свободная энергия. Казалось, этот человек просто не умел быть неподвижным.

Закрыв за собой дверь, он привычным жестом провёл ладонью по волосам и только после этого перевёл взгляд на Шиару. Улыбка не исчезла. Она лежала на лице легко и естественно, словно была его давней привычкой. Но длилась лишь одно короткое мгновение. Ровно столько, сколько требовали приличия.

— Старик-лекарь теперь наверняка решит, что сумел договориться даже со смертью, — сказал он с тихим смешком. — Придётся слушать его рассказы до самой осени.

Он говорил легко, почти беспечно, однако сам уже смотрел не на Шиару, а на Сахана, который молча стоял рядом с кроватью, сохраняя прежнее спокойствие.

— А ты, как всегда, решил исполнить всё, что тебе велели?

Вопрос прозвучал с той дружеской насмешкой, которая появляется лишь между людьми, давно знающими друг друга. Сахан ответил не сразу.

— Да.

Риис коротко усмехнулся и едва заметно покачал головой.

— Когда-нибудь твоё упрямство станет отдельной легендой.

Это было сказано почти тепло. Почти.

Шиара неожиданно заметила, что с Саханом он разговаривает совсем иначе: шутит легко, не задумываясь над словами, словно между ними давно установилось молчаливое взаимопонимание. Когда же его взгляд вновь остановился на ней, что-то неуловимо изменилось. Улыбка осталась. Только стала спокойнее. Правильнее. Словно теперь она принадлежала не человеку, а хорошо знакомой маске.

— Простите, — произнёс он с безукоризненной вежливостью. — Похоже, я совсем забыл представиться.

Он слегка склонил голову. Жест выглядел настолько естественным, что в нём трудно было заметить хоть каплю неискренности. И всё же...

Почему-то именно сейчас Шиара впервые подумала, что самые искренние люди редко бывают настолько безупречны.

— Риис.

Он назвал только своё имя и выпрямился. Ни одного лиш-

него слова. Ни расспросов о её самочувствии. Ни привычных в подобных случаях пожеланий скорейшего выздоровления. Наступившая тишина не была неловкой — скорее выжидательной. Риис смотрел на неё спокойно, чуть склонив голову набок, словно чего-то ожидал. Не ответа. И не благодарности. Чего-то другого, чему Шиара пока не могла подобрать названия.

Она выдержала этот взгляд всего несколько мгновений и неожиданно отвела глаза первой. Совсем лёгкое движение. Почти незаметное. Но почему-то ей показалось, что Риис именно этого и ждал. Уголок его губ едва заметно дрогнул. Так быстро, что она уже не была уверена, произошло ли это на самом деле.

Риис не спешил нарушать молчание. Остановившись у окна, он легко опёрся ладонью о деревянный подоконник и на мгновение задержал взгляд на саде. День клонился к вечеру. Солнечный свет уже не заливал двор целиком, а дробился в листве, ложась на землю подвижными золотистыми пятнами. Где-то в глубине сада перекликались птицы, и этот едва различимый звук удивительно не вязался с тем напряжением, которое ещё недавно наполняло комнату.

Шиара смотрела на мужчин, почти не замечая этого. Она вдруг поняла, что тишина тоже может быть разной.

Рядом с Саханом она казалась глубокой, как замёрзшее озеро. Не хотелось нарушать её без необходимости. В ней не было неловкости, только странное ощущение надёжности,

словно молчание этого человека способно выдержать гораздо больше слов, чем любые разговоры.

У Рииса тишина была иной. Она не успокаивала. Она ждала. Даже стоя к ней вполоборота, он не переставал ощущаться частью происходящего. Казалось, достаточно было одному неосторожному слову прозвучать в комнате — и он сразу его заметит.

Шиара невольно коснулась виска. Тупая боль почти исчезла, оставив после себя лишь лёгкую тяжесть, напоминавшую о бессонной ночи.

— Лекарь говорил, что память может вернуться не сразу?

Она произнесла это тихо, скорее размышляя вслух, чем задавая вопрос.

— Да, — ответил Сахан.

И снова этого оказалось достаточно. Его голос не успокаивал и не убеждал. Он просто оставался тем, на что можно было опереться. Шиара медленно опустила взгляд на свои руки — такие привычные с виду и совершенно чужие.

Как странно...

Оказывается, можно помнить, как держат чашку или заплетают волосы, и совсем не помнить людей, рядом с которыми прожил годы.

За окном шелохнулась занавеска. В комнату вошёл ветер — тёплый, пахнущий молодой листвой и нагретой солнцем землёй.

— Лекарь велел не ждать слишком многого, — произнёс

Риис. — Сказал, что память возвращается своим путём и не любит, когда её торопят.

Она подняла голову. Он всё ещё стоял у окна, не глядя на неё. В его голосе не было привычной усмешки. Наверное, поэтому эти слова прозвучали неожиданно искренне. Шиара долго молчала, прислушиваясь не столько к словам, сколько к тому, что оставалось после них. За последние несколько минут она впервые почувствовала, что разговор перестал быть похож на осторожное ощупывание незнакомой дороги. В нём появилась тихая естественность — ещё хрупкая, ещё неуверенная, но уже способная удержать их троих в одном пространстве, не заставляя каждого прятаться за собственным молчанием.

Она медленно подняла взгляд.

— Значит... нам всем придётся привыкать друг к другу заново.

Слова прозвучали почти незаметно, словно она произнесла их скорее для себя, чем для мужчин, стоявших рядом. В них не было ни сожаления, ни надежды. Только простое признание того, что изменить уже невозможно.

За окном мягко качнулись ветви раскидистого дерева. Несколько лепестков сорвались с них и, подхваченные лёгким ветром, долго кружили в тёплом воздухе, прежде чем медленно опуститься на каменную дорожку.

Риис наконец обернулся. Он посмотрел на Шиару внимательно, без прежней рассеянной лёгкости, словно впервые

позволил себе увидеть её не через воспоминания о женщине, которую знал раньше, а такой, какой она сидела перед ним сейчас. Этот взгляд длился всего несколько мгновений, но в нём было слишком много невысказанного, чтобы его можно было принять за случайность.

Уголки его губ едва заметно дрогнули. Трудно было понять, хотел ли он улыбнуться или, наоборот, удержал эту улыбку.

— Возможно, — негромко произнёс он.

И снова замолчал. Никто не спешил продолжать разговор. Комната постепенно наполнялась вечерним светом. Он ложился на деревянный пол длинными золотистыми полосами, скользил по спинке старого стула, задерживался на складках светлого покрывала и незаметно касался лиц, делая их мягче, чем всего несколько минут назад.

Ветер приносил аромат молодой травы, цветов и ещё чего-то едва уловимого, чтобывает только в самом начале весны, когда воздух уже согрелся, но земля ещё хранит прохладу прошедшей зимы.

Шиара медленно вдохнула. Ей всё ещё казалось, что этот дом принадлежит кому-то другому. Что эти люди знают её лучше, чем она сама. Что память однажды непременно вернётся и заполнит пустоты, которых сейчас так много.

Но вместе с этим впервые появилось другое чувство — спокойное и неожиданно ясное. Ей больше не хотелось торопить этот момент. Если прошлое действительно захочет

вернуться, оно найдёт дорогу само.

А пока перед ней был тихий вечер, запах весны за открытым окном и двое мужчин, которых судьба почему-то вновь сделала незнакомцами. И, может быть, именно с этого всё и должно было начаться.

Негромкий стук в дверь прозвучал неожиданно, заставив всех троих обернуться.

Не дожидаясь ответа, дверь плавно отворилась. На пороге появился лекарь. На первый взгляд было трудно определить его возраст. В светлых волосах уже заметно проступила седина, но лицо почти не тронули глубокие морщины, а прямая осанка и уверенные движения выдавали человека, в котором духовная сила ещё текла свободно. Простая светлая мантия была безукоризненно опрятной, широкие рукава мягко качнулись, когда он переступил порог, а длинные волосы, собранные на затылке тёмной лентой, аккуратно спадали на спину.

Спокойное лицо с тонкими, правильными чертами не выражало ни тревоги, ни любопытства. Лишь внимательный взгляд серых глаз невольно заставлял выпрямиться, словно от него трудно было скрыть даже то, о чём человек предпочёл бы промолчать.

Лекарь неторопливо подошёл к кровати. Его взгляд спокойно скользнул по комнате, на мгновение задержавшись на Шиаре, затем на Сахане и Риисе. Казалось, многолетняя практика приучила его замечать то, что другие упускали из

виду.

— Уже сидите, — негромко произнёс он, вернув свой взгляд к девушке.

В его голосе не было ни удивления, ни недовольства. Лишь спокойная уверенность человека, привыкшего сначала увидеть собственными глазами и лишь потом делать выводы.

— Позвольте.

Шиара молча протянула руку. Его пальцы едва коснулись запястья, и в то же мгновение между ладонью лекаря и её кожей вспыхнуло мягкое голубоватое сияние. Оно было едва различимым, словно тонкая дымка утреннего света, и почти сразу по руке разлилось лёгкое покалывание. Не болезненное, скорее непривычное. Будто множество крошечных искр осторожно касались кожи, не обжигая её. Волна этого ощущения медленно поднялась к плечу, прошла через грудь и растворилась где-то глубоко внутри, оставляя после себя приятную лёгкость.

В воздухе появился тонкий запах озона — чистый, свежий и насыщенный. Так пахнет после первой весенней грозы, когда дождь уже закончился, а ветер ещё хранит её дыхание. Шиара невольно прикрыла глаза и украдкой глубже втянула в себя этот приятный воздух.

Духовная сила двигалась спокойно и удивительно бережно. Она не вторгалась в тело, не причиняла дискомфорта, а словно осторожно проходила по невидимым нитям, при-

слушиваясь к ним, как опытный мастер прислушивается к звучанию хорошо знакомого инструмента. Прошло несколько долгих мгновений, и свечение медленно угасло. Лекарь убрал руку и, немного помолчав, удовлетворённо кивнул.

— Намного лучше.

Он произнёс это негромко, будто разговаривал скорее с самим собой, чем с окружающими. Ещё раз внимательно посмотрев на Шиару, он задержал взгляд на её лице.

— Головная боль?

— Почти прошла.

— Тошнота? Головокружение?

Она ненадолго прислушалась к себе и отрицательно покачала головой. Лекарь едва заметно, удовлетворённо кивнул.

— Хорошо. Значит, духовные каналы начинают восстанавливаться.

Он сказал это так буднично, словно речь шла о чём-то совершенно обычном. Подойдя к небольшому столику у стены, лекарь открыл деревянную шкатулку, стоявшую рядом с кувшином воды. Внутри лежали аккуратно перевязанные пучки сушёных трав и несколько небольших керамических флаконов. Выбрав один из них, он высыпал в чашу щепоть серебристого порошка, добавил немного тёплой воды и медленно размешал деревянной ложечкой.

Комнату почти сразу наполнил тонкий аромат мяты, молодой хвои и чего-то терпкого, незнакомого Шиаре. Она молча с интересом наблюдала за его уверенными движения-

ми. В них не было ни показной важности, ни желания произвести впечатление. Так работают люди, которые давно перестали задумываться о каждом своём действии. Руки сами помнили то, чему их учили долгие годы. Лекарь поставил чашу на край стола и только после этого обернулся.

— Выпьете перед сном. Завтра боль станет слабее.

Он говорил спокойно, не повышая голоса, но в этой спокойной уверенности не оставалось места для возражений. Затем его взгляд переместился на Сахана.

— А ты когда собираешься заняться собственными ранами?

В комнате на мгновение стало тихо. Сахан поднял глаза.

— Позже.

Лекарь тихо вздохнул, словно услышал именно тот ответ, которого ожидал.

— Ты говоришь это уже третий день.

Риис негромко усмехнулся.

— Я же предупреждал вас, мастер, это бесполезно.

Сахан никак не отреагировал. Лишь привычно отвёл взгляд, будто разговор касался вовсе не его. Лекарь покачал головой. В уголках его глаз появилась едва заметная усталая улыбка — не насмешливая, а скорее примирившаяся с тем, что некоторых людей невозможно переубедить.

— Упрямство, конечно, помогает выжить, — произнёс он, убирая флакон обратно в шкатулку. — Но раны заживают быстрее, когда им не мешают.

Сахан молча кивнул. Он поднялся с колен одним плавным движением, словно несколько бессонных ночей и покрывавшие руки синяки никак не могли повлиять на его привычную сдержанность. Поправив складку тёмной одежды, он спокойно отступил на шаг, освобождая место возле кровати.

Риис тоже посторонился. На этот раз он не пошутил. Лишь коротко взглянул на лекаря, затем на Шиару и направился к двери. У самого порога он ненадолго остановился.

— Если что-нибудь понадобится, просто позовите.

Слова прозвучали спокойно, без привычной насмешки. В них не было ни особой теплоты, ни холодности — лишь вежливость человека, который считает необходимым сказать именно это.

Не дожидаясь ответа, он открыл дверь. Сахан задержался всего на одно мгновение. Их взгляды встретились. Он ничего не сказал, только едва заметно склонил голову — спокойно и с тем достоинством, которое, казалось, не зависело ни от обстоятельств, ни от отношения окружающих.

Потом молча вышел вслед за Риисом. Дверь закрылась почти бесшумно. В комнате сразу стало просторнее. Не тише, а именно просторнее.

Только теперь Шиара поняла, насколько по-разному ощущалось присутствие этих двоих. Сахан приносил с собой спокойствие, похожее на морозное утро, когда даже ветер не решается нарушить тишину. Риис, напротив, оставлял после себя едва уловимое движение, словно в комнате ещё не успел

улечься воздух, потревоженный его шагами.

Лекарь неторопливо придвинул к кровати деревянный стул и сел. Несколько секунд он молчал, позволяя тишине вновь наполнить комнату, и только потом спокойно произнёс:

— Теперь мы можем поговорить.

Лекарь замолчал не потому, что подбирал слова. Скорее давал Шиаре возможность спокойно перевести дыхание после осмотра. В комнате становилось прохладнее. За открытым окном постепенно сгущались сумерки, где-то неподалёку негромко стрекотали первые сверчки, а деревянные стены дома понемногу отдавали накопленное за день тепло.

Шиара первой нарушила молчание.

— Я действительно ничего не помню.

Она произнесла это спокойно. За то время, что прошло после пробуждения, эти слова перестали казаться чужими. Они ещё отзывались внутри тяжестью, но уже не вызывали прежнего страха. Лекарь слегка кивнул.

— Это неудивительно.

Он говорил негромко, не пытаясь ни утешить её, ни смягчить услышанное.

— После такого удара духовные каналы восстанавливаются медленно. Иногда вместе с ними возвращается и память. Иногда ей требуется гораздо больше времени.

Шиара опустила взгляд на свои ладони. Они лежали на покрывале спокойно, будто принадлежали человеку, который

давно привык к этой жизни. Только она сама знала, насколько обманчивым было это спокойствие.

— Значит... я могу не вспомнить?

В комнате ненадолго стало тихо. Лекарь не спешил отвечать. Он смотрел на неё внимательно, словно гораздо важнее самих слов было понять, готова ли она услышать правду. Наконец он едва заметно кивнул.

— Это возможно.

Ответ прозвучал просто. Без попытки смягчить его или, наоборот, сделать страшнее.

— Но это не значит, что так и будет. За свою жизнь я видел разное. Одни вспоминали прошлое через несколько дней, другим требовались месяцы. Бывали и те, к кому память возвращалась неожиданно — после случайного слова, запаха или встречи с человеком, которого они когда-то хорошо знали.

Он ненадолго замолчал, позволив ей самой осмыслить услышанное.

— Не пытайтесь заставить себя вспомнить. Иногда разум защищает человека лучше, чем мы способны понять.

Шиара медленно кивнула. От его слов она не испытывала разочарования. Наверное, потому что ещё не успела почувствовать эту жизнь своей настолько, чтобы бояться потерять её во второй раз.

— Тогда... с чего мне начать?

Вопрос сорвался с губ сам собой. Лекарь слегка улыбнул-

ся. Не ободряюще, скорее с пониманием человека, который ожидал услышать именно это.

— С настоящего.

Шиара подняла на него удивлённый взгляд.

— Прошное никуда не исчезло. Оно либо вернётся само, либо останется частью вашей жизни, о которой расскажут другие. Но жить вам всё равно придётся сегодняшним днём.

Он поднялся со стула и медленно прошёлся по комнате. Его ладонь ненадолго коснулась деревянного подоконника, словно он проверял, насколько остыл дом с наступлением вечера.

— Не пытайтесь за один день узнать всё о себе. Это только сильнее утомит разум. Лучше задавайте вопросы тогда, когда они действительно появляются.

Шиара задумалась. Странно, но эти слова принесли облегчение. Ей не нужно было прямо сейчас придумывать объяснение своему незнанию этого мира или тому, как изменилось её поведение. В глазах тех, кто помнил Шиару до травмы, у неё появилось право не помнить. Право начинать заново. Лекарь, словно почувствовав перемену в её настроении, вновь повернулся к кровати.

— Сегодня вам достаточно одного.

Он сделал короткую паузу.

— Вы в безопасности.

В комнате снова стало тихо. Шиара медленно, облегчённо вдохнула. Она не могла объяснить почему, но именно эти

три слова прозвучали убедительнее всего, что ей довелось услышать после пробуждения. Не потому, что исчезли вопросы — наоборот, их становилось всё больше, — но впервые среди них не было страха. Лишь спокойная неизвестность, с которой, как ей вдруг показалось, она сможет справиться.

За дверью слышались приглушённые голоса. Кто-то прошёл по коридору, негромко переговариваясь, затем скрипнули половицы, и дом снова погрузился в привычную вечернюю тишину. Лекарь перевёл взгляд на дверь.

— Думаю, скоро вам нужно будет поесть. Постарайтесь, даже если не хочется. Организму понадобятся силы.

Он подошёл к столу, забрал пустую чашу и уже у самого выхода ненадолго остановился.

— И ещё...

Шиара вопросительно посмотрела на него.

— Не бойтесь задавать вопросы своим мужьям.

Он произнёс это спокойно, без тени неловкости.

— За последний год им пришлось пережить гораздо больше, чем следовало бы. Но если кто-то и сможет помочь вам собрать прошлое по крупицам, то именно они.

Лекарь слегка склонил голову и, больше ничего не добавив, вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. Шиара осталась одна. Она прислушалась к наступившей тишине: теперь та уже не казалась пустой. Скорее похожей на чистый лист, на котором ещё не было ни одной строчки, но

первая уже ждала своего часа. Всё, что осталось позади, было скрыто плотной завесой забвения, зато впереди — впервые с момента пробуждения — появился завтрашний день.

Лекарь уже собирался уйти из их дома, когда тишину нарушил глухой удар закрывшихся ворот. Следом послышались торопливые шаги. Несколько человек быстро пересекли двор, кто-то громко окликнул хозяев, и привычная вечерняя тишина рассыпалась, словно её разорвал внезапный порыв ветра.

Лекарь вскинул голову и прислушался. В его лице что-то едва заметно изменилось. Он уже сделал шаг к двери, чтобы посмотреть, что случилось, когда снаружи раздался знакомый голос Рииса.

Не громкий. Но такой, каким люди говорят лишь тогда, когда каждая потерянная секунда имеет значение.

— Скорее!

Больше он ничего не сказал. Этого оказалось достаточно. Лекарь распахнул дверь и быстро вышел в коридор.

Шиара услышала, как почти сразу закрипели ступени крыльца, затем голоса стали громче, смешались, и стало ясно: всё происходит не в доме, а во дворе. Она поднялась раньше, чем успела подумать, правильно ли поступает. Голова ещё оставалась тяжёлой, но слабость уже не могла удержать её в постели.

Подойдя к двери своей комнаты, Шиара осторожно выглянула наружу. В коридоре было пусто. Стараясь ступать ак-

куратно, она спустилась вниз по ступеням. Приоткрыв входную дверь, девушка украдкой выглянула во двор. Там царило непривычное оживление, и увиденное не на шутку поразило её.

Возле самого крыльца, занимая почти всё свободное пространство, лежал огромный змей-дракон. Его длинное гибкое тело, покрытое плотной чешуёй, тяжёлыми кольцами тянулось через весь двор. Почти чёрная чешуя под вечерним светом отливала глубокими зелёными переливами, словно в каждой пластине был заключён отблеск густого леса после дождя. Даже сейчас, покрытая кровью и пылью, она казалась почти неуязвимой.

Но защитить от всего не могла. Между прочными пластинами темнели глубокие рваные раны, из которых медленно сочилась кровь, собираясь тёмными лужицами в выбоинах земли. Шея плавной дугой поднималась над землёй, переходя в голову, в которой удивительным образом соединялись черты дракона и змеи. Вытянутая морда была покрыта той же тёмной чешуёй, а мощные челюсти скрывали ряды острых зубов. Над головой изгибались длинные рога, уходящие назад вдоль шеи, придавая облику величественность, которой не смогли лишить даже многочисленные раны.

Это был хищник — древний, сильный, и от этого сердце девушки инстинктивно забилось чаще, тревожнее. Она крепче сжала ручку двери, за которой пряталась.

Присмотревшись, она заметила, что сейчас вся эта сила

казалась почти исчерпанной. Он тяжело дышал, и с каждым медленным выдохом огромное тело едва заметно вздрагивало. Только глаза оставались прежними — большие, спокойные, удивительно ясные. В них не было ни ярости, ни животного страха. Лишь бесконечная усталость и тихое терпение человека, который привык переносить боль молча.

Лекарь медленно опустился рядом с огромным змеем-драконом и, не говоря ни слова, положил ладонь на тёмную чешую у основания шеи, туда, где под прочной бронёй ещё ощущалось биение сердца.

Голубоватое сияние духовной силы мягко вспыхнуло под его пальцами. Оно разливалось, без резких всплесков, словно чистый ручей, постепенно проникающий сквозь толщу камня. Воздух почти сразу наполнился знакомым запахом озона, а по чешуе побежали тонкие светящиеся нити и искры, исчезая между тёмными пластинами.

Все замерли, напряжённо наблюдая. Даже Риис, ещё мгновение назад торопивший лекаря, теперь не произносил ни слова. Его взгляд был прикован к огромному телу Эсхиана, словно любое неосторожное движение могло нарушить то хрупкое равновесие, на котором ещё держалась жизнь.

Время тянулось мучительно медленно. Шиара не понимала, что именно делает лекарь, но чувствовала, с каким напряжением тот направляет духовную силу. Казалось, сама земля вокруг замерла в ожидании, а вечерний воздух сделался неожиданно тяжёлым.

Внезапно голубоватое сияние дрогнуло. Тонкие нити света вспыхнули ярче, словно натолкнулись на невидимую преграду, и в следующее мгновение рассыпались дождём крошечных искр.

Лекарь едва заметно вздрогнул. Его ладонь всё ещё лежала на чешуе, но лицо постепенно теряло привычное спокойствие. Между бровями залегла глубокая складка, дыхание стало тяжелее, а на висках выступили мелкие капли пота.

Он не прекращал попыток. Снова и снова направлял духовную силу внутрь тела зверя, однако всякий раз происходило одно и то же. Целительная энергия будто исчезала, едва коснувшись духовного моря Эсхиана, словно её мгновенно поглощал невидимый водоворот.

Прошло ещё несколько долгих мгновений. Наконец лекарь медленно убрал руку. Сияние погасло. Он тяжело выдохнул, будто за эти несколько минут истратил гораздо больше сил, чем хотел показать окружающим.

Риис первым нарушил молчание.

— Что с ним?

Лекарь ещё несколько секунд не отвечал. Его взгляд оставался прикован к огромному змею-дракону, а пальцы едва заметно дрожали от только что пережитого духовного напряжения.

— Раны... не самое страшное.

Он произнёс это негромко, но в наступившей тишине каждое слово прозвучало особенно отчётливо.

— Тело ещё можно исцелить.

Он ненадолго замолчал, обдумывая ситуацию, будто сам не хотел верить в то, что собирался сказать.

— Но духовное море полностью потеряло равновесие.

Сахан, всё это время поддерживавший тяжёлую голову Эсхиана, медленно поднял на лекаря взгляд. Его лицо осталось таким же спокойным, однако в серых глазах впервые мелькнуло напряжение.

— Что это значит?

Лекарь устало провёл ладонью по лбу.

— Сейчас любая духовная сила, которую я пытаюсь в него направить, только усиливает смятение. Его духовное море больше не принимает мужскую духовную энергию.

Во дворе стало тихо. Сахан медленно моргнул, будто переваривая слова, которые прозвучали словно приговор.

— Значит...

Лекарь коротко кивнул.

— Его духовное море должна успокоить жена.

Он произнёс это так спокойно, будто говорил о чём-то само собой разумеющемся. Так оно и было. Каждый ребёнок в Империи знал: когда духовное море мужчины приходит в смятение, только духовная сила его жены способна вернуть ему равновесие. Ни один лекарь, каким бы искусным он ни был, не мог заменить ту связь, которую между супругами создавала сама природа.

Тяжёлое молчание затянулось. Лекарь перевёл взгляд на

Шиару, затем на Сахана, потом на Рииса. В его глазах не было упрёка, лишь сомнение. Он слишком хорошо помнил прошедший год. Помнил, что за всё это время Шиара ни разу не пожелала разделить духовную связь ни с одним из своих мужей. Даже когда они возвращались ранеными, она неизменно оставалась в стороне, предоставляя заботу лекарю.

Сейчас всё изменилось. Но изменилась ли настолько сама Шиара?

Этого не знал никто. Риис медленно отвёл взгляд. На мгновение его лицо стало совершенно непроницаемым.

— Она ничего не помнит, — негромко произнёс он. — Не стоит...

Он не договорил. Потому что сам не знал, что хотел сказать дальше.

Не стоит заставлять?

Не стоит надеяться?

Или не стоит снова ждать того, чего однажды уже не случилось?

Сахан молчал. Он даже не посмотрел в сторону Шиары. Только продолжал поддерживать тяжёлую голову Эсхиана, словно всё остальное сейчас перестало существовать.

Во дворе повисла тишина, густая и почти физически ощутимая, будто даже воздух стал тяжелее от того, что сейчас было произнесено. Слова лекаря не требовали объяснений. Каждый здесь знал это правило с детства — не как редкое знание, а как часть самого устройства мира: духовное море

мужчины может быть успокоено только женщиной, связанной с ним. Это не искусство и не техника, а естественный порядок вещей, в котором не было исключений... или почти не было.

И всё же сейчас этот порядок не работал. Потому что Эс-хиан не мог принять человеческий облик. Потому что его духовное море было не просто встревожено — оно было разорвано и затоплено хаосом, в котором любая чужая духовная сила лишь терялась, не находя опоры. Лекарь медленно отступил от огромного тела змея-дракона, и на мгновение стало видно, что даже ему, привыкшему к чужой боли, не хватает уверенности.

— Если сейчас вмешаться напрямую... — он не договорил.

Смысл повис в воздухе сам по себе. Риис сжал пальцы, словно пытаясь удержать раздражение, которое обычно прятал за лёгкой усмешкой, но сейчас оно не находило выхода. Сахан продолжал сидеть неподвижно. Только взгляд его стал чуть темнее, сосредоточеннее, как перед боем, в котором уже поздно выбирать, с кем сражаться.

И тогда Шиара сделала шаг вперёд. Не резко, не решительно, как делают люди, уверенные в себе. Скорее так, как будто что-то внутри неё просто перестало позволять оставаться на месте. Её присутствие в этот момент не привлекло внимания сразу — и это было странно, потому что именно в таких мгновениях обычно замечают всё. Но сейчас всё

внимание было приковано к телу Эсхиана, к его тяжёлому, прерывистому дыханию, к едва заметным судорогам силы, которые проходили по огромным кольцам его тела.

И всё же, когда она приблизилась ещё на шаг, воздух вокруг неё изменился. Сначала едва заметно. Как лёгкое смещение давления. Как дрожь в тишине, которую невозможно услышать, но можно почувствовать кожей.

Шиара остановилась. Она не понимала, что происходит. Не знала ни правил, ни способов, ни даже того, что именно она должна сделать. Но где-то глубоко внутри — там, где до этого была только пустота и обрывки чужих ощущений — что-то откликнулось на присутствие Эсхиана.

Тихо.

Сначала почти незаметно. Как корень, коснувшийся воды под землёй. И в следующий миг это ощущение стало ростком. Затем — движением. И прежде чем она успела испугаться или осознать, что именно происходит, из глубины её духовного моря поднялось нечто древнее, давно спящее и не знавшее формы.

Мир вокруг неё словно на мгновение потерял чёткость. Линии пространства стали мягче. Воздух — плотнее. А затем через эту границу, которую никто из присутствующих не видел, но все почувствовали, впервые проросла сила.

Живая. Тихая. Не похожая ни на одну из известных духовных энергий. И именно в этот момент Шиара перестала быть просто женщиной, стоящей во дворе рядом с умираю-

щим духовным зверем. В этот миг она забыла обо всём.

Не осталось ни страха, ни сомнений, ни даже мысли о том, насколько чудовищным мог выглядеть он в зверином облике. Всё, что ещё мгновение назад удерживало её на расстоянии, рассыпалось, словно не имело никакого веса перед внезапно возникшим внутренним порывом.

Шиара стремительно приблизилась и, не позволяя себе остановиться даже на долю секунды, протянула руку к огромному змеиному телу.

Ладонь легла на чешую.

И вместо ожидаемого холода отторжения она почувствовала другое — гладкую, почти живую прохладу, словно поверхность под её пальцами была не бронёй, а чем-то, что помнило прикосновение времени. Чешуя оказалась удивительно ровной, отполированной до мягкого блеска, и в этом ощущении было нечто странно успокаивающее, будто сама природа позволила ей коснуться того, что обычно скрыто от чужих рук.

Под этой твёрдой оболочкой она сразу ощутила движение. Слабое и рваное. Каждый вдох огромного существа проходил тяжело, будто тело вспоминало, как нужно жить, и с трудом удерживало этот ритм.

И в этот момент всё внешнее перестало для неё существовать. Остался только он и тонкая, почти невидимая нить, к которой она тянулась внутри себя всё это время. Двор исчез не постепенно, а так, словно его никогда и не существовало

— без звука, без перехода, без границы. Вместо него возникло иное пространство, тихое и прозрачное, словно мираж. И в этой тишине не было пустоты — наоборот, она была наполнена дыханием жизни, настолько тонким, что его можно было почувствовать только изнутри.

Пока она осматривалась, перед её внутренним взором медленно проявилась тонкая зелёная нить. Она тянулась из самой глубины её существа, из того места, которое она не могла назвать словами, но которое безошибочно узнавала как своё.

Нить слабо светилась, пульсируя живым, упрямым светом. Она дрожала, подчиняясь тяжести мира, словно каждое мгновение боролась за право не исчезнуть, но не рвалась. И это ощущение вдруг дало Шиаре странную уверенность. Не мысль. Не решение. Скорее внутренний отклик.

Она потянулась к ней. И в тот же миг по её телу прокатилась прохладная волна, словно кровь на мгновение сменила природу, превратившись в движение самой земли, самой лесной жизни — глубокой, древней, терпеливой.

И тогда граница исчезла окончательно. Её сознание больше не оставалось снаружи. Оно вошло внутрь, в духовное море существа, лежавшего раненым во дворе их дома.

Перед ней раскрылась бамбуковая роща — высокая, стройная, уходящая в бесконечность. Стволы поднимались вверх, теряясь в мягком свете, у которого не было источника, и казалось, что сам воздух здесь соткан из свежести и влаж-

ного дыхания земли после дождя.

И среди этих живых колонн, на огромном камне, покрытом мягким мхом, лежал змей-дракон. Эсхиан. Но не тот, что лежал во дворе, разрываемый болью и кровью. Здесь, в этом неземном пространстве, он был иным.

Его тело всё так же было огромным, кольца змеиного туловища спокойно обвивали камень, а чешуя переливалась глубокими оттенками чёрного и тёмно-зелёного, будто в ней соединились ночная тень и свет лесной листвы. Узоры на ней казались не просто природными линиями — они напоминали следы времени, вырезанные самой вечностью.

Но глаза его были потускневшими. И по духовной форме тела, сквозь мерцающую целостность, проходили тонкие алые нити — не кровь в привычном смысле, а следы разрушения, растворяющиеся в воздухе, словно само его существование постепенно теряло опору. Он медленно открыл глаза и поднял взгляд. И в этом взгляде не было страха. Не было гнева. Только усталость — глубокая, почти спокойная. И тихое узнавание.

— Жена? — прошелестел его голос.

Тихо. Так, будто он не удивлялся её появлению, а просто подтверждал то, что уже знал. И даже сейчас, на грани распада, в нём не было ни резкости, ни отчаяния. Лишь мягкость. Та самая, которая всегда сопровождала его — не как слабость, а как способ существования. Он смотрел на неё так, словно её присутствие было единственным, что всё ещё

удерживало его здесь. И это ощущение было сильнее боли.

Шиара медленно подошла ближе.

Каждый шаг по мягкой траве отдавался внутри странным, едва слышным откликом, словно пространство вокруг Эс-хиана уже не сопротивлялось её приближению, а осторожно расступалось перед ней. Не приглашало — нет. Скорее признавало её право быть здесь.

Она протянула руку.

На короткое мгновение пальцы замерли над тёмной чешуёй. Перед ней было огромное, чуждое человеческому пониманию тело змея-дракона, тяжёлое от боли и неподвижности, но Шиара вдруг перестала видеть в нём только зверя. За этой бронёй, за слабыми судорогами силы, за прерывистым дыханием было нечто живое. Израненное. Уставшее.

Она коснулась его.

И в тот же миг мир между ними дрогнул.

Не вспышкой.

Дыханием.

Тонкая зелёная искра прошла по границе соприкосновения — не как удар силы, а как согласие самой природы на этот невозможный контакт. Следом за ней потекла энергия. Мягкая, прохладная, глубокая. Она не вторгалась и не ломала сопротивление, а проникала осторожно, как дождь проникает в иссохшую землю, не спрашивая разрешения, но и не причиняя боли.

Сила пахла лесом после грозы, влажной корой и землёй, в

которой под слоем тьмы уже начинает просыпаться корень.

Шиара не понимала, что делает.

Она не направляла духовную силу так, как, должно быть, направляли её те, кого этому учили. Не выстраивала потоки, не искала путь сознательно, не пыталась подчинить себе чужое духовное море. Всё происходило иначе. Будто что-то древнее внутри неё само узнало боль Эсхиана и потянулось к ней, минуя разум.

Сначала она почувствовала только тьму.

Не пустоту, а именно тьму — густую, беспокойную, живую. В ней не было покоя. Она двигалась рваными потоками, сталкивалась сама с собой, сжималась и снова распадалась, словно духовное море Эсхиана давно перестало быть морем и превратилось в бурю, запертую в слишком тесных берегах.

Раны внутри этой бури не исчезали.

Они не могли исчезнуть от одного прикосновения.

Но что-то изменилось.

Там, где сила Шиары касалась хаоса, тот переставал метаться вслепую. Не успокаивался полностью, не исцелялся сразу, но словно начинал прислушиваться. В бесконечной темноте проступали едва заметные линии — ещё не формы, ещё не порядок, а только обещание того, что порядок возможен.

И тогда она почувствовала его сильнее.

Эсхиана.

Не как тело, лежащее перед ней на траве.

Не как огромного змея-дракона, чья чешуя холодила ладонь.

А как сознание, разорванное изнутри собственной болью.

В этой боли не было ярости. Не было желания разрушать. Только усталость — глубокая, древняя, почти неподъёмная. Так могло устать существо, которое слишком долго удерживало в себе то, что не должно было быть удержано одним.

Шиара невольно задержала дыхание.

Где-то на самой границе её сознания появился отклик.

Не слова.

Не голос.

И даже не мысль.

Ощущение.

Слабое, едва различимое, похожее на первый вдох после долгой борьбы. В этом дыхании ещё оставалась боль, но уже не было прежнего отчаянного сопротивления. Хаос не оттолкнул её силу. Не принял полностью — пока нет. Но узнал.

И это узнавание оказалось глубже благодарности.

В нём было что-то древнее, почти инстинктивное, словно духовное море Эсхиана помнило то, чего не могла помнить сама Шиара. Не её лицо. Не её имя. А саму природу силы, пришедшей к нему сейчас.

Живую.

Тихую.

Свою.

В глубине тьмы что-то дрогнуло снова — уже иначе. Не

судорогой боли, не всплеском разрушения, а осторожным движением навстречу. Словно сквозь трещину в этом измученном пространстве впервые за долгое время пробились тонкая зелёная нить света.

Она была слабой.

Почти незаметной.

Но не чужой.

И эта нить тянулась к ней.



Глава 2 - Дух Древа

Глава 2. Дух Древа

Со стороны это выглядело почти безмолвно.

Шиара стояла на коленях у огромного тела змея-дракона, приложив ладонь к его тёмной чешуе. Ветер больше не метался по двору рваными порывами. Он будто остановился вокруг них, задержав дыхание вместе со всеми, кто находился рядом.

Сначала никто не понял, что именно изменилось. Только трава у коленей Шиары дрогнула — едва заметно. Несколько тонких стеблей выпрямились, словно почва под ними вдруг напиталась влагой, и по ним прошёл слабый зелёный отсвет. В другой миг его можно было бы принять за игру вечернего света, но следом воздух наполнился запахом леса.

Не сада и не травы во дворе — леса: глубокого, влажного, древнего, где под тёмной корой медленно движется сок, а корни помнят больше, чем люди способны произнести словами.

Лекарь первым сделал шаг назад. Не из страха — скорее так отступает человек, внезапно увидевший перед собой не больного и не болезнь, а силу, к которой нельзя прикасаться привычными мерками. Свет, до этого мягко мерцавший вокруг его ладоней, дрогнул и погас. Ещё мгновение назад он осторожно направлял духовную энергию к израненному телу

Эсхиана, но теперь эта сила казалась не слабой — слишком грубой.

Несколько секунд лекарь не моргал, глядя на зелёное сияние вокруг ладони Шиары, и в серых глазах впервые появилось нечто, похожее на потрясение.

— Этого не может быть, — произнёс он почти беззвучно.

Риис резко перевёл на него взгляд, но ничего не спросил. Впервые за всё это время с его лица исчезла привычная лёгкость. Ни улыбки, ни насмешки, ни той безупречной небрежности, за которой он обычно прятал всё лишнее. В янтарных глазах вспыхнуло напряжённое, почти хищное внимание.

Он смотрел на Шиару так, словно видел её впервые: не жену, с которой их связали чужие решения, не женщину, чьё имя слишком долго отзывалось в доме горечью, а нечто совершенно иное — живое, невозможное и в то же время странно тихое.

Риис сжал пальцы в кулак. На костяшках проступила белизна, но сам он не двинулся с места. Только вокруг него воздух стал теплее, суше, будто невидимое пламя поднялось где-то глубоко внутри и теперь едва сдерживалось под кожей.

— Сахан, — негромко сказал он.

Одного имени оказалось достаточно.

Сахан уже смотрел.

Он стоял неподвижно, почти так же, как всегда, но теперь эта неподвижность больше не казалась спокойствием. В

ней было напряжение льда, который выдерживает слишком большой вес и всё же не трескается. Его взгляд не отрывался от руки Шиары, от зелёного света, от того места, где её сила соприкасалась с хаосом Эсхиана.

На мгновение показалось, что он шагнёт вперёд. Сахан не шагнул — лишь едва заметно изменил положение тела, чтобы оказаться между Шиарой и всеми остальными, если кто-то вдруг попытается приблизиться.

Риис заметил это движение. Заметил и лекарь. Никто ничего не сказал.

Во дворе снова стало тихо.

Только дыхание Эсхиана изменилось.

До этого оно было тяжёлым, рваным, почти нечеловеческим. Каждое движение огромной грудной клетки отзывалось глухой судорогой в земле, будто зверь боролся не за вдох, а за право остаться в этом мире. Теперь же между мучительными вдохами появилась пауза.

Не слабость и не остановка — покой. Короткий, невозможный, но настоящий.

— Она не подавляет его духовное море, — произнёс лекарь тихо, словно боялся спугнуть происходящее. — И не входит в него силой.

Риис, не глядя на него, спросил:

— Тогда что она делает?

Лекарь долго молчал. Ответа у него, кажется, не было. Или был, но слишком невероятный, чтобы произнести его

сразу.

— Его хаос... принимает её.

Эти слова прозвучали тише шелеста листьев, но во дворе они показались громче крика.

Риис резко выдохнул. Сахан не изменился в лице, однако тень у его ног на мгновение стала темнее, а тонкий холод прошёл по траве вокруг него, оставив на кончиках стеблей серебристую росу. Это длилось всего миг и исчезло почти сразу, но лекарь всё же заметил.

Он заметил всё: как огонь Рииса дрогнул, готовый вспыхнуть; как лёд Сахана собрался в безмолвную защиту; как ветер вокруг Эсхиана, ещё недавно рвавшийся в стороны, начал кружить тише, будто прислушиваясь к дыханию женщины, стоящей рядом с ним на коленях. И главное — как сама Шиара оставалась совершенно неподвижной.

Она не выглядела властной или сильной в привычном смысле этого слова. Свет вокруг неё был слишком мягким для силы, которую привыкли бояться. В нём не было давления, приказа, желания подчинить. Он расходился от её ладони тонкими зелёными нитями, уходил в чешую Эсхиана, в траву под ними, в сам воздух двора — и всюду, куда прикасался, напряжение не исчезало сразу, но меняло форму.

Оно переставало быть только болью.

Лекарь вдохнул, и этот вдох дался ему заметно труднее прежних. В памяти, должно быть, поднимались древние тексты, забытые записи, осторожные намёки старых мастеров,

которые он когда-то считал красивыми легендами. Но ни одна легенда не должна была оживать посреди скромного двора, рядом с облупленной стеной дома, под вечерним небом, где всё ещё плыли обычные светлые облака.

— Дух Древа, — наконец выдохнул он.

Риис резко обернулся к нему.

— Что?

Лекарь не ответил сразу. Его взгляд оставался прикован к Шиаре.

— Я не утверждаю, — произнёс он после паузы, но голос его звучал так, будто он сам не верил в собственную осторожность. — Пока не утверждаю.

— Но думаете именно это.

Риис сказал это без улыбки.

Лекарь кивнул.

Сахан всё ещё молчал. И почему-то именно его молчание оказалось тяжелее всего.

Он смотрел на Шиару не с недоверием и не с потрясением. С чем-то гораздо более сложным. Как на человека, которого, возможно, слишком долго считал потерянным, не понимая, что тот всё это время был скрыт глубже, чем позволяла увидеть память.

В этот момент Эсхиан едва заметно шевельнулся. Огромное тело змея-дракона дрогнуло, и по двору прошла волна напряжения. Риис шагнул вперёд первым, резким, почти инстинктивным движением, но Сахан поднял руку — не глядя

на него, просто поднял. И Риис остановился.

Шиара не отняла ладони.

Зелёное свечение на мгновение стало ярче, но не ослепило. Оно разлилось по тёмной чешуе тонкими прожилками, похожими на молодые побеги, пробивающиеся сквозь камень. Эсхиан тяжело вдохнул.

На этот раз глубже и ровнее.

Ветер над двором наконец сдвинулся с места. Он прошёл между мужчинами, коснулся рукавов лекаря, поднял несколько сухих листьев у стены и мягко закружил их вокруг Шиары и Эсхиана. Не бурей. Не вихрем. Скорее осторожным кругом, похожим на защиту.

Риис смотрел на этот круг, и в его взгляде впервые появилась растерянность, которую он не успел спрятать. Сахан опустил руку.

Лекарь закрыл глаза всего на одно мгновение, будто хотел убедиться, что чувствует происходящее не зрением, а духовным восприятием. Когда он снова открыл их, прежнего спокойствия в нём стало меньше. Некоторые вещи нельзя увидеть — и остаться совсем прежним.

— Не мешайте ей, — тихо сказал он.

— Она сама понимает, что делает? — спросил Риис.

Лекарь посмотрел на Шиару. Та по-прежнему не двигалась. Лицо её было бледным, дыхание — слишком тихим, но в этом молчании чувствовалась не слабость, а странная сосредоточенность человека, который ушёл так глубоко внутрь

чужой боли, что двор, дом, вечер и все стоящие рядом на время перестали для него существовать.

— Нет, — ответил лекарь. — Но её дух понимает.

После этих слов никто больше не попытался приблизиться. Даже Риис. Он только медленно разжал пальцы, словно заставляя себя выпустить то напряжение, которое не могло ни помочь, ни защитить. Огонь внутри него всё ещё жил, быстрый и тревожный, готовый сорваться при первом неверном движении. Но сейчас ему оставалось только смотреть.

Сахан стоял рядом, неподвижный и холодный, как граница, за которую никому не позволено переступить.

Лекарь молчал, впервые за долгие годы не находя ни объяснений, ни советов.

А в центре двора, среди примятой травы и затихшего ветра, Шиара держала ладонь на чешуе Эсхиана, и тонкая зелёная нить света тянулась от неё всё глубже — туда, где чужое духовное море, измученное болью и хаосом, впервые за долгое время не сопротивлялось прикосновению.

Оно слушало — и отвечало.

Сначала это заметил лекарь.

Не по свету — зелёное сияние вокруг ладони Шиары всё ещё оставалось мягким, почти сдержанным, — а по тому, как изменилась сама рана на боку Эсхиана. Ещё мгновение назад разорванная чешуя расходилась неровными тёмными краями, между которыми проступала измученная плоть. Теперь же эти края едва заметно дрогнули.

Лекарь задержал дыхание.

Риис тоже увидел. Он сделал полшага вперёд, но остановился прежде, чем Сахан успел поднять руку. На этот раз его не нужно было удерживать.

Рана затягивалась.

Не мгновенно. Не так, как в красивых легендах, где плоть срастается под сиянием силы за один вдох. Всё происходило медленнее и оттого казалось ещё более невозможным. Тёмные рваные края понемногу сглаживались, будто невидимые пальцы осторожно расправляли разорванную ткань. Там, где ещё недавно зияла боль, проступала свежая, тонкая кожа, а поверх неё одна за другой начали появляться новые чешуйки.

Маленькие, бледнее прежних, но целые.

Лекарь опустил руки. Свет его собственной духовной силы давно погас, и теперь он не пытался вмешаться снова. Он только наблюдал, как сила Шиары делает то, чего не сумели сделать ни опыт, ни знания, ни осторожное лечение. И чем дольше он смотрел, тем яснее понимал: она не лечила раны отдельно от Эсхиана.

Она возвращала его к целостности.

Шиара не отнимала ладони. Её пальцы всё ещё лежали на тёмной чешуе, и связь между ней и Эсхианом становилась глубже. Зелёное сияние не ослепляло и не давило; оно будто подстраивалось под дыхание змея-дракона: тише на вдохе, мягче на выдохе, спокойной волной вдоль израненного тела.

Будто само Древо склонялось над ним и шептало без слов: терпи, сейчас станет легче.

Эсхиан услышал этот шёпот не ушами.

Где-то глубоко внутри, там, где до этого бушевало разорванное духовное море, боль начала отступать. Не исчезать сразу — она была слишком древней, слишком глубоко въевшейся в плоть и дух, — но её острые края сглаживались. То, что ещё недавно рвало его изнутри, теперь медленно расплеталось, слой за слоем, словно чьи-то терпеливые руки развязывали узлы, затянутые отчаянием.

Он снова почувствовал своё тело — не как тяжесть, не как клетку, а как часть себя.

Грудная клетка поднялась на вдохе — глубже, ровнее. Длинное тело, до этого напряжённое до болезненной неподвижности, медленно осело на траву. Кольца, сжатые в тугом изгибе, чуть расслабились, и по двору прокатилось едва слышное шуршание чешуи. Кончик хвоста, ещё недавно судорожно вздрагивавший у самой стены, неподвижно лёг на землю.

Ветер тоже начал меняться. Ещё недавно он кружил вокруг Эсхиана рваными потоками, взметал пыль у стен, гнул траву и заставлял ветви старого дерева тревожно биться друг о друга. Теперь порывы слабели, теряли ярость, будто кто-то постепенно снимал с них чужую боль.

Риис выдохнул. Только теперь стало ясно, что всё это время он почти не дышал.

— Она действительно... удерживает его, — произнёс он негромко.

В его голосе не было прежней насмешки. Даже удивление звучало осторожно, словно слишком громкое слово могло нарушить происходящее.

Лекарь не сразу ответил.

— Нет, — сказал он наконец. — Не удерживает.

Риис резко посмотрел на него.

— Удерживают силой. Подавляют. Стабилизируют извне. А она...

Он замолчал, подбирая слово, но ни одно из привычных лекарьских определений, кажется, не подходило.

— Она помогает ему вспомнить собственное равновесие.

Эти слова повисли во дворе тихо, но тяжело.

Эсхиан почти не слышал их. Слова доходили приглушённо, словно издалека, сквозь воду и листву. Он чувствовал другое: тепло, которое не обжигало; свет, от которого не нужно было защищаться; покой, не похожий на слабость. Эта сила не врывалась в него победителем, не ломала остатки сопротивления и не забирала боль себе. Она просто была рядом — настолько естественно, что духовное море, привыкшее встречать любое вмешательство как угрозу, перестало защищаться.

И в этом было самое невозможное.

Эсхиан знал, как должны действовать брачные узы. В их мире союз мужчины и женщины скреплялся не только сло-

вами, но и силой. Муж брал на себя долг защищать жену — телом, именем, жизнью. Жена принимала другой долг: когда духовное море мужа выходило из равновесия, именно она должна была вернуть его назад, не позволить звериному духу сорваться в дикость.

Таков был порядок. Так их учили. Так заключались контракты.

Но Шиара никогда не делала этого для него так.

Прежняя Шиара знала о долге. Знала слова, правила, церемонии, знала, что от неё требуется. Но долг, исполненный без сердца, оставался только действием — холодным, правильным, пустым.

А сейчас всё было иначе. Он чувствовал её не как жену, выполняющую обязанность, не как хозяйку, снисходительно протянувшую руку тому, кто ей принадлежит, и даже не как человека, решившего проявить милосердие. Её сила приходила к нему так, будто не знала иного пути. Будто исцелять было для неё так же естественно, как дышать.

В глубине сознания Эсхиана поднялось тихое, почти благоговейное удивление. Он чувствовал: её аура не изменилась. Пробудилась.

То, что прежде было скрыто под слоями холода, горечи и отчуждения, теперь проступало наружу — мягкое, тёплое, живое. Чем глубже зелёный свет входил в его духовное море, тем труднее было удержаться за старое представление о ней. Эсхиан выдохнул.

Ветер над двором почти стих. Несколько лёгких потоков ещё кружили рядом — не тревожные, а осторожные. Они касались волос Шиары, шевелили край её одежды, проходили по новой чешуе на боку змея-дракона и тихо растворялись в траве.

Одна из глубоких ран закрылась полностью.

Потом вторая.

Третья затянулась не до конца, оставив тонкую светлую линию, но кровь больше не проступала. Тёмная чешуя вокруг неё легла ровнее, и тело Эсхиана перестало вздрагивать от каждого движения силы.

Риис поднял руку к лицу, будто хотел провести ладонью по волосам, но остановился на полпути. Этот привычный жест вдруг показался ему неуместным. Он опустил руку и впервые за долгое время ничего не сказал.

Лекарь смотрел на Шиару так, как смотрят на редкое растение, выросшее там, где, по всем законам, могла быть только мёртвая земля.

Сахан стоял ближе всех, неподвижный и безмолвный. Только его молчание уже не было прежним: в нём оставалась настороженность, но рядом с ней появилось что-то ещё — едва различимое, глубокое, похожее на первый треск льда весной, когда снаружи всё ещё кажется неподвижным, но под толщей холода уже начинается движение воды.

Шиара этого не видела. Она была слишком глубоко в связи. Её дыхание стало медленнее. Лицо побледнело, на виске

проступила тонкая испарина, но ладонь по-прежнему лежала на чешуе Эсхиана. Связь между ними пульсировала ровно, как живая нить, и каждый новый её удар уносил из его тела ещё немного боли.

Эсхиан не знал, сколько прошло времени.

Мгновение. Вечность.

Всё сузилось до этого света, до её ладони, до странного чувства, будто после долгих лет битв, потерь и одиночества он наконец опустил голову под крону дерева, которое не требовало от него быть сильным.

Только живым.

И впервые за долгое время его духовное море не бушевало. Оно дышало глубоко и ровно.

Вместе с ней.

Когда последняя рана на боку Эсхиана закрылась, двор ещё несколько мгновений оставался неподвижным.

Новая чешуя легла ровно, гладко, чуть светлее прежней, будто на тёмном теле змея-дракона проступили свежие следы весеннего дождя. Там, где ещё недавно зияли разрывы, больше не было крови. Не осталось даже грубых рубцов — только тонкое различие в оттенке, едва заметное глазу, словно сама плоть помнила боль, но уже не позволяла ей говорить.

Шиара опустила руку.

Связь между ними не оборвалась сразу. Она ещё держалась — тонкая, пульсирующая, почти невесомая, как корень,

который не хочет отпускать воду, найденную глубоко под землёй. Зелёное сияние вокруг её пальцев стало тише, прозрачнее, потом растаяло, оставив на коже слабый отсвет, будто лес, прикоснувшись к ней, не сразу забрал своё дыхание обратно.

И только тогда слабость настигла её.

Не болью и не резким ударом — пустотой.

Такая тяжёлая и вязкая, словно из тела внезапно вынули невидимую опору, державшую её прямо. Мир перед глазами дрогнул. Очертания двора поплыли: тёмная чешуя, трава, бледное лицо лекаря, Риис, застывший слишком близко, Сахан, уже сделавший шаг вперёд. Всё смешалось в одну медленно вращающуюся тень.

Шиара попыталась вдохнуть, но воздух будто стал гуще. Звуки отдалились. Земля ушла из-под неё.

— Шиара!

Голос Рииса прорезал тишину, но до неё он дошёл уже издалека.

Она начала оседать.

Сахан двинулся первым — быстро, почти бесшумно, с той мгновенной собранностью, которая не нуждалась в решении. Риис рванулся следом, и в его движении вспыхнуло то самое живое, горячее беспокойство, которое он обычно прятал глубже любых улыбок.

Но Эсхиан оказался ближе.

Огромное тело змея-дракона, ещё недавно казавшееся

слишком слабым даже для движения, плавно сдвинулось. Одно из длинных колец скользнуло по траве и успело подхватить Шиару прежде, чем она коснулась земли.

Он не сжал её — лишь удержал.

Осторожно, почти бережно, так, как ветер удерживает падающий лепесток на мгновение дольше, чем позволяет тягость. Тёмная чешуя сомкнулась вокруг неё мягким изгибом, оставляя достаточно пространства, чтобы не причинить боли, но не позволяя её телу упасть.

Риис остановился так резко, что трава под его ногами примялась. Сахан замер в шаге от них. Лекарь тихо выдохнул.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова.

Эсхиан смотрел на Шиару сверху вниз. В звериных глазах, ещё сохранивших глубину духовной бури, мелькнуло что-то слишком ясное, слишком человеческое для существа в таком облике: спокойное, почти болезненно точное понимание.

Она удержала его.

Теперь настала его очередь удержать её.

Глава 3 - После чуда

Глава 3. После чуда

Ветер над двором окончательно стих.

Последние тонкие потоки ещё скользили по траве, касались края одежды Шиары, проходили по новой чешуе Эсхиана и исчезали, не оставляя после себя ничего, кроме влажной прохлады в воздухе. Тот рваный вихрь, что ещё недавно кружил вокруг дома, распался без следа.

Эсхиан медленно опустил голову.

На короткое мгновение его дыхание коснулось волос Шиары. Он будто прислушивался — к её сердцу, к её слабому дыханию, к тому, насколько глубоко ушла из неё сила. Затем его тело едва заметно дрогнуло.

По тёмной чешуе прошла серебристая дымка.

Она не вспыхнула и не разорвала форму, как это бывало у тех, кто превращался через боль и сопротивление. У Эсхиана всё происходило иначе. Границы огромного змеиного тела начали таять, словно ветер осторожно стирал их с воздуха. Кольца, удерживавшие Шиару, не исчезли сразу — они становились легче, прозрачнее, менялись, собираясь в новый силуэт, и в тот миг, когда опора должна была пропасть, две человеческие руки уже приняли её вес.

Переход был таким плавным, что казался не превращением, а продолжением движения.

Ещё мгновение назад рядом с ней лежал змей-дракон.

Теперь на примятой траве стоял мужчина.

Высокий. Прямой. Бледный от пережитой боли, но спокойный, словно само возвращение в человеческий облик не стоило ему усилий. На его лице не осталось следов звериной ярости. Только усталость, глубокая и сдержанная, и внимательность, от которой каждое движение становилось точным.

Он держал Шиару на руках.

Не прижимая слишком крепко. Не позволяя отстраниться. Так бережно, будто боялся, что после всего отданного ею света любое грубое прикосновение может причинить ей вред. Её голова бессильно лежала у него на плече, лицо казалось слишком бледным, ресницы отбрасывали на щёки тонкие тени.



Эсхиан посмотрел на лекаря.

— Она истощена? — спросил он.

Голос прозвучал низко и ровно. Но Риис, стоявший рядом, вдруг поднял на него взгляд. В этой ровности было слишком много удержанного напряжения.

Лекарь уже подошёл ближе. На этот раз он не торопился касаться Шиары духовной силой. Он поднял ладонь над ней и несколько мгновений прислушивался к тому, как её истощённая энергия медленно возвращается к собственному центру. Его сила коснулась воздуха рядом с ней почти невидимой волной — очень мягко, почти почтительно.

Словно после увиденного он больше не решался обращаться с её духом как с обычным духовным морем.

— Да, — произнёс он после короткой паузы. — Сила ушла слишком глубоко и слишком быстро. Тело не успело выдержать откат.

Риис выдохнул сквозь зубы.

— То есть она спасла его и сама едва не рухнула из-за этого?

В голосе снова появилась резкость, но теперь в ней слышалось не раздражение, а беспомощная тревога.

Лекарь не ответил сразу.

— Она не знала предела, — сказал он наконец. — И никто из нас не знал.

Эти слова оказались тяжелее упрёка.

Сахан молчал.

Он стоял ближе всех к Эсхиану и Шиаре, но не пытался забрать её на руки. Не потому, что не хотел. Его взгляд на мгновение остановился на лице Шиары, потом на руках Эсхиана, удерживающих её с почти болезненной осторожностью, и в этом коротком молчании было больше понимания, чем в любой реплике. Сейчас она была у того, кого только что вернула из хаоса. И никто не имел права нарушить этот миг без необходимости.

Эсхиан, казалось, понял это тоже. Он опустил взгляд на Шиару. В его спокойных глазах что-то дрогнуло — не открытое чувство, не мягкость, которую легко назвать и объяснить, а тихая перемена, едва заметная, как первый поворот ветра перед рассветом.

— Куда? — спросил он.

Всего одно слово.

Лекарь сразу понял.

— В дом. Ей нужен покой. Тёплая вода, сон и чтобы рядом никого лишнего.

Риис коротко усмехнулся, но усмешка вышла неровной.

— После такого, боюсь, лишними здесь будем все мы.

Никто не поддержал шутку. Да он, кажется, и сам этого не ждал.

Эсхиан осторожно поправил Шиару на руках, чтобы её голова легла удобнее. Движение было почти незаметным, но Сахан всё же проследил за ним взглядом — внимательно, холодно, как человек, привыкший замечать всё, что может

стать угрозой.

Эсхиан поднял глаза. Их взгляды встретились. Между ними не прозвучало ни слова. Но в этой тишине было достаточно смысла: Сахан спрашивал без вопроса, способен ли он идти; Эсхиан отвечал без ответа, что не уронит её, даже если сам едва стоит.

Первым отступил Сахан. Всего на полшага, не больше, но этого оказалось достаточно.

Эсхиан двинулся к дому. После звериного облика его человеческая походка казалась особенно лёгкой, почти текучей. В ней не было суеты, не было показной силы. Только собранная точность существа, привыкшего владеть каждым движением — будь то тело змея-дракона или человеческие руки, в которых сейчас лежала женщина, спасшая его духовное море.

Риис пошёл рядом, чуть позади. Он не пытался заговорить. Лишь один раз посмотрел на лицо Шиары, и в янтарных глазах мелькнуло выражение, которое он наверняка предпочёл бы скрыть: слишком много тревоги, слишком много вопросов и слишком мало привычной лёгкости, чтобы спрятаться за ней сразу.

Лекарь последовал за ними. На ходу он негромко перечислял, что понадобится: чистая вода, сухая ткань, отвар для восстановления сил, тёплое одеяло. Говорил спокойно, но теперь в этом спокойствии чувствовалась не прежняя уверенность, а собранность человека, который старается удер-

жаться за привычный порядок хотя бы в малом.

— Я принесу воду, — сказал Риис.

Слова прозвучали быстро, почти резко, будто ему необходимо было сделать хоть что-нибудь.

— Отвар у меня, — ответил лекарь. — Сахан, откройте окна в комнате. Воздух не должен быть тяжёлым.

Сахан коротко кивнул. Никто не спорил и не задавал лишних вопросов.

После того, что произошло во дворе, даже простые действия — принести воду, открыть окно, согреть постель — вдруг приобрели странную важность. Они возвращали мир на место и делали невозможное хоть немного похожим на обычный вечер, в котором больной нужен покой, лекарю — тишина, а тем, кто рядом, остаётся только не мешать.

Сахан задержался во дворе на одно мгновение. Он посмотрел на примятую траву, на место, где ещё недавно бушевал ветер, на следы огромного тела змея-дракона, оставленные на влажной земле. Потом перевёл взгляд на дверь, за которой исчез Эсхиан с Шиарой на руках.

Вечерний воздух был неподвижен. Только запах леса после грозы всё ещё держался над двором, хотя дождя не было.

Сахан медленно сжал пальцы. Затем разжал и пошёл следом.

Лекарь покинул дом только после того, как убедился, что Шиара спит ровно.

Он остановился у её кровати и поднял ладонь над её грудью, не касаясь тела. От его пальцев разошёлся едва заметный свет — не яркий, почти прозрачный, похожий на тонкую дымку над водой. Несколько мгновений он прислушивался не к дыханию и не к сердцу, а к тому, как её истощённая сила медленно возвращается к собственному центру.

Затем свет погас.

Он посмотрел на Эсхиана. Тот сидел у кровати, неподвижный, собранный, слишком бледный после собственной потери сил, но взгляд его оставался ясным.

— Позовите меня, если её духовное море снова станет нестабильным или сила начнёт уходить глубже, — сказал лекарь.

Эсхиан коротко кивнул.

Лекарь задержался у двери ещё на мгновение. Кажется, хотел добавить что-то о Духе Древа, о невозможном исцелении, о том, что никто из них сегодня не должен был увидеть. Но Шиара спала слишком тихо, и любые слова рядом с этим сном казались грубыми.

Он лишь прикрыл дверь за собой.

В комнате остались двое.

Шиара лежала неподвижно, укрытая светлым покрывалом. На её лице всё ещё держалась усталость, но боль ушла. Даже в забытии она казалась иной, чем утром: не холодной, не злой, не напряжённой, словно готовой в любую секунду сорваться криком. Сейчас в ней было что-то странно безза-

щитное. Почти детское.

Эсхиан смотрел на неё долго. Ветер за окном едва шевелил занавеску. Он протянул руку, но не коснулся её лица — только поправил край покрывала у самого плеча, осторожно, почти незаметно. После этого снова сел рядом и остался ждать.

Внизу, в большой общей комнате, было тише, чем обычно.

Дом словно ещё не пришёл в себя после случившегося во дворе. Старые деревянные стены хранили вечернюю прохладу, в очаге тлели последние угли, и слабый свет от них ложился на пол неровными рыжими пятнами. Пространство казалось слишком большим для двоих, но ни Сахан, ни Риис не спешили нарушать молчание.

Сахан стоял у окна.

Риис устроился у длинного стола, откинувшись на спинку стула с той непринуждённостью, которая обычно означала, что внутри у него всё совсем не так спокойно. Одной рукой он лениво перекачивал по столу пустую деревянную чашку. Туда-сюда. Туда-сюда. Край чашки каждый раз тихо касался его пальцев.

— Ну что ж, — произнёс он наконец. — День, надо признать, удался. С утра жена очнулась другой женщиной, днём исцелила Эсхиана силой из древних легенд, к вечеру свалилась без чувств. Боюсь представить, что она запланировала на ночь.

Сахан не обернулся.

— Она спит.

— Вот именно. Это и настораживает. Прежняя Шиара в такой ситуации уже разнесла бы половину дома, обвинила бы нас в недостаточной преданности, лекаря — в некомпетентности, а Эсхиана — в том, что он посмел нуждаться в помощи.

Чашка снова тихо стукнула о столешницу. Риис улыбался, но улыбка вышла слишком тонкой.

Сахан перевёл взгляд на тёмное окно. В стекле отражалась комната: стол, очаг, Риис, неподвижная тень его собственного силуэта.

— Она не помнит.

— Удобно, — легко сказал Риис. — Очень удобно. Проснуться без памяти как раз в тот день, когда всем становится проще пожалеть тебя, чем ненавидеть.

Сахан молчал. Риис поднял чашку, посмотрел внутрь, словно там мог найти ответ, и поставил обратно.

— Не смотри так. Я не говорю, что верю в это. Я говорю, что обязан подумать.

— Я не смотрю.

— Ты молчишь так, что это хуже любого взгляда.

На этот раз Сахан обернулся. Медленно. И в комнате словно стало холоднее, хотя огонь в очаге ещё не погас.

— Она не притворялась во дворе.

Риис на мгновение перестал улыбаться. Совсем. Потом

снова уголок его губ дрогнул.

— Ты теперь стал лекарем духовного моря?

— Нет.

— Тогда откуда такая уверенность?

Сахан ответил не сразу. Он посмотрел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, туда, где за закрытой дверью спала Шиара, а Эсхиан сидел у её кровати.

— Страх нельзя так подделывать.

Риис опустил взгляд. Эта фраза оказалась неприятно точной.

Во дворе Шиара действительно боялась. Не их, не Эсхиана, не силы, которая поднималась из неё. Скорее самой невозможности оставаться в стороне. В её движении не было расчёта. Не было привычной демонстративности. Прежняя Шиара всегда знала, когда на неё смотрят, и умела сделать даже страдание оружием. Сегодня она забыла о зрителях.

И именно это пугало сильнее всего.

— Допустим, — произнёс Риис тише. — Допустим, там не было обмана. Но это не отвечает на главный вопрос.

— На какой?

Риис поднял глаза.

— Кто проснулся в её теле?

В комнате снова стало тихо. Снаружи где-то скрипнула ветка. Ветер, почти угасший после исцеления Эсхиана, теперь осторожно проходил вдоль стен, будто сам дом прислушивался к разговору.

Сахан долго молчал.

— Не знаю.

— Честный ответ. Редкий, почти ценный.

Риис встал и прошёлся по комнате. В движениях снова появилась прежняя лёгкость, но теперь она казалась выученной, как хорошо отрепетированный жест. Он остановился у очага, посмотрел на угли и тихо усмехнулся.

— Я весь день пытаюсь решить, чего боюсь больше: что она действительно стала другой или что прежняя Шиара просто научилась играть лучше.

— Она не играла.

— Ты уже говорил.

— Повторю.

Риис посмотрел на него через плечо.

— И что же? Будем считать, что всё изменилось? Что женщина, которая годами превращала этот дом в поле боя, вдруг проснулась мягкой, потерянной и способной исцелять духовные раны? Прекрасно. Тогда завтра, возможно, с неба начнут падать персики, а наш брачный контракт сам собой исчезнет от избытка милосердия.

При слове «контракт» Сахан чуть заметно напрягся. Риис уловил это, конечно. Он всегда улавливал.

— Вот, — сказал он уже без улыбки. — Именно поэтому мы не можем позволить себе поверить слишком быстро.

Сахан снова отвернулся к окну.

— Контракт не подтверждён.

— Но и не расторгнут.

Этого оказалось достаточно. Дальше Риис мог бы сказать больше — о правах, которых у них не было, о долге, который всё равно держал крепче цепи, о союзе, так и не ставшем настоящим браком. Но после сегодняшнего вечера даже привычные слова звучали иначе, и он впервые не захотел превращать боль в красивую насмешку.

Он провёл ладонью по лицу и на несколько мгновений замолчал.

— Мы даже не стали её мужьями по-настоящему, — сказал он ровнее. — И всё равно, когда она зовёт — мы идём. Когда она падает — подхватываем. Когда она почти уничтожает себя, спасая одного из нас, стоим рядом и думаем не о том, как освободиться, а о том, выживет ли она.

Сахан медленно опустил взгляд.

— Ты хотел бы уйти?

Вопрос прозвучал спокойно, без вызова. Риис открыл рот — и не сразу ответил. Это молчание оказалось куда правдивее любой его шутки.

— Раньше, — сказал он наконец, — я бы ответил быстрее.

Сахан посмотрел на него. Риис усмехнулся, но на этот раз устало.

— Не радуйся. Это не признание нежных чувств. Скорее признак того, что день был слишком длинным.

— Я не радуюсь.

— Да, я заметил. Ты вообще опасно сдержан в проявле-

ниях счастья.

Пауза вышла почти обычной. Почти.

Риис отошёл к окну напротив Сахана, но не стал смотреть наружу. Его взгляд задержался на отражении лестницы в тёмном стекле.

— Она была безумна, Сахан.

Слова прозвучали тихо. Без игры.

Сахан не перебил.

— Не просто вспыльчива. Не просто избалованна. В ней что-то ломалось каждый раз, когда мир не склонялся перед ней достаточно низко. Она могла смеяться, а через мгновение кричать так, будто её режут живьём. Могла разбить чашу о стену из-за одного неверного слова. Могла приказать тебе стоять на коленях до рассвета и забыть об этом через час. А если кто-то пытался говорить спокойно, она воспринимала это как оскорбление.

Риис замолчал. Челюсть у него едва заметно напряглась.

— И теперь та же женщина просыпается, смотрит на нас так, будто видит впервые, боится причинить боль Эсхиану и падает без сознания, потому что отдала слишком много силы.

Он коротко выдохнул.

— Скажи мне, как в это поверить?

Сахан долго смотрел на него.

Потом произнёс:

— Не надо верить сразу.

Риис повернулся.

— Вот как?

— Надо смотреть.

— Лисья мудрость в исполнении ледяной глыбы. День становится всё удивительнее.

— Ты и так смотришь.

Риис усмехнулся, но не стал спорить.

За потолком, на втором этаже, что-то едва слышно скрипнуло. Оба подняли головы одновременно. Звук был слишком тихим, обычным для старого дома, но после всего случившегося даже дерево под ногами казалось способным принести весть.

Никто не спустился. Шиара не проснулась. Сахан первым отвёл взгляд.

— Если прежний нрав вернётся, — сказал он, — мы увидим.

— И что тогда?

— Будем решать.

— Как просто звучит.

— Просто не будет.

Риис тихо хмыкнул.

— Утешил.

Он снова сел за стол, но на этот раз не стал трогать чашку. Руки лежали неподвижно, пальцы чуть раздвинуты, будто он заставлял себя не сжимать их в кулаки.

— А если не вернётся? — спросил он.

Сахан посмотрел на него. Риис не улыбался.

— Если эта Шиара останется? Потерянная, осторожная, с глазами человека, который не понимает, за что его ненавидят. Если она действительно не помнит. Если весь этот вздорный, ядовитый, эгоистичный нрав исчез вместе с памятью... что тогда?

Вопрос повис между ними неожиданно тяжело. Надежда, произнесённая вслух, всегда опаснее страха. Потому что страх привычен. А надежда требует признать, что боль могла быть не последним словом.

Сахан не ответил сразу. Он снова посмотрел на лестницу.

— Тогда будем узнавать её заново.

Риис прикрыл глаза, и на мгновение его лицо стало совсем усталым.

— Ты говоришь так, будто это возможно.

— Возможно многое.

— После сегодняшнего — да. Сложно спорить.

Он откинулся на спинку стула и наконец позволил себе улыбнуться — слабее обычного, тише, почти беззащитно.

— Дух Древа, значит. Наша жена, которая ещё вчера могла устроить истерику из-за неправильно поставленной чашки, сегодня пробуждает силу, о которой лекарь говорит так, будто боится спугнуть собственные слова.

— Лекарь не утверждал.

— О, конечно. Он просто побледнел, погасил свою силу, отступил на шаг и сделал вид, что в его мире всё ещё есть

логика.

Сахан молчал.

Риис снова посмотрел вверх.

— Эсхиан останется с ней?

— Да.

— Не уйдёт?

— Нет.

— Даже если сам едва держится?

— Тем более.

Риис кивнул, будто иного ответа не ожидал. Некоторое время они оба молчали. Потом он тихо сказал:

— Она спасла его.

— Да.

— Не потому, что должна была.

Сахан посмотрел на него внимательнее. Риис сам услышал, как прозвучали эти слова, и усмехнулся — уже без веселья.

— Вот это мне и не нравится.

— Что именно?

— Когда человек делает что-то из долга, с этим можно жить. Долг понятен. Контракт понятен. Даже ненависть понятна, если она повторяется достаточно долго. Но когда тот, от кого ты привык ждать удара, вдруг протягивает руку...

Он не договорил.

Сахан закончил за него:

— Трудно не ждать второго удара.

Риис посмотрел на него. На этот раз без улыбки.

— Да.

Огонь в очаге тихо просел, и комната на мгновение стала темнее. В окне отражались две фигуры: одна неподвижная, как зимнее дерево, другая — внешне расслабленная, но с напряжёнными плечами и слишком внимательным взглядом.

— Мы не будем торопиться, — сказал Сахан.

— Ты решил за всех?

— Нет.

— Звучало именно так.

— Я сказал, что сделаю я.

Риис медленно кивнул.

— Смотреть. Ждать. Не верить слишком быстро.

— Не обвинять без причины.

— А вот это уже сложнее.

— Знаю.

Риис снова улыбнулся, и на этот раз улыбка почти вернулась к прежней форме.

— Когда-нибудь твоё упрямство действительно станет легендой.

— Ты уже говорил.

— Значит, легенда набирает главы.

Сахан не ответил.

Но напряжение в комнате стало немного иным. Не исчезло — для этого было слишком рано. Между ними всё ещё лежали годы боли, незавершённый контракт, имя женщины,

которую они не могли ни принять, ни оставить, и сегодняш-
ний вечер, который не вписывался ни в одно прежнее объ-
яснение.

И всё же в этой тишине появилось что-то новое.

Не доверие. Не прощение. Даже не решение.

Скорее маленькое пустое место там, где раньше стояла
только уверенность в худшем. Риис первым заметил это и,
как всегда, попытался спрятаться за лёгкостью.

— Если завтра она проснётся и потребует, чтобы мы все
немедленно поклялись в вечной любви, я лично напомним те-
бе этот разговор.

— Хорошо.

— И если бросит в меня чашкой?

— Увернёшься.

Риис тихо рассмеялся.

На этот раз — почти по-настоящему.

Наверху было тихо: Эсхиан сторожил сон Шиары. Внизу
догорал очаг, и Сахан с Риисом ещё долго сидели в полу-
мраке, не спеша расходиться. Их разговор уже закончился,
но сказанное не исчезло сразу. Оно осталось между ними —
осторожной, непривычной тишиной.

Дом, слишком долго живший в ожидании крика, впервые
за долгое время будто прислушивался не к ссоре, а к покою.

Глава 4 - После невозможного

Глава 4. После невозможного

На следующее утро Шиара проснулась от света.

Он пробирался в комнату тонкими золотистыми полами, просачивался сквозь щели ставен и ложился на пол неровными тёплыми линиями. Пыль медленно кружилась в этих лучах, такая лёгкая и спокойная, будто за ночь в мире не произошло ничего странного: ни двора, примятого огромным телом змея-дракона, ни зелёного сияния, поднявшегося из глубины её духовного моря, ни рук Эсхиана, удержавших её, когда собственные силы окончательно покинули тело.

В комнате было тихо. Не просто спокойно — пусто. Ни шагов за дверью, ни голоса лекаря, ни шелеста одежды рядом с кроватью. Даже старые половицы, казалось, замерли, позволяя утру войти без привычного скрипа. На миг Шиаре почудилось, что всё случившееся накануне действительно было сном: ярким, тяжёлым, слишком странным, чтобы принадлежать настоящей жизни.

Но тело помнило.

Она медленно села, ожидая привычной слабости после вчерашнего истощения, однако боль не пришла. В мышцах оставалась усталость, только не такая, какой она должна была быть после потери сил. Скорее лёгкая, тянущая, будто тело не болело, а заново привыкало к себе. Каждое движе-

ние отзывалось внутри непривычной ясностью. Кости казались чуть легче, дыхание — глубже, кожа — чувствительнее к прохладному воздуху, просачивавшемуся из щелей между ставнями.

Шиара осторожно провела ладонью по шее. Странное ощущение не исчезло. Внутри больше не было той прежней пустоты, которая встретила её после пробуждения в чужой жизни. Теперь там что-то жило: не шумело, не требовало внимания, не пыталось вырваться наружу, просто присутствовало — глубоко, тихо, терпеливо, словно корень, за ночь нашедший воду под землёй.

В воздухе ещё держался запах леса после дождя, слабый, едва различимый. Шиара сразу узнала его и невольно задержала дыхание. Так пахла её сила. Или то, что проснулось вместо неё.

Она опустила ноги на пол. Дерево под ступнями оказалось прохладным, немного шероховатым, и это простое ощущение почему-то успокоило сильнее любых слов. Пол был настоящим. Утро было настоящим. Комната, старая тумба рядом с кроватью, глиняный таз с водой, оставленный кем-то заранее, — всё это существовало здесь и сейчас, не рассыпалось, стоило только открыть глаза.

Голова едва заметно закружилась, когда Шиара поднялась, но слабость быстро отступила. Она взялась за край тумбы, постояла несколько мгновений, прислушиваясь к себе, затем наклонилась над тазом. Вода была прохладной, чуть

мутноватой от осевших на дно частиц, но от неё тянуло чистой свежестью, будто её действительно набрали на рассвете из родника.

Она зачерпнула воду ладонями и плеснула себе в лицо. Холодные капли пробежали по коже, упали на ворот тонкой рубахи, скользнули к ключицам. Шиара закрыла глаза, позволяя прохладе окончательно прогнать остатки сна. На мгновение всё стало простым: вода, утро, дыхание, мокрые ладони.

Но когда она выпрямилась, чувство чужой перемены вернулось.

Её тело больше не казалось просто телом другой женщины. Оно будто стало иным за одну ночь.

Шиара медленно вытерла лицо чистой тканью, лежавшей рядом с тазом, и только тогда заметила зеркало. Старое, немного мутное, с потемневшей деревянной рамой, оно висело у стены так, что утренний свет падал на него сбоку и делал отражение мягким, почти нереальным.

Она подошла ближе — и замерла.

Из зеркала на неё смотрела молодая женщина, которую Шиара уже видела прежде, но теперь словно впервые рассмотрела по-настоящему. Стройная, хрупкая на вид, с кожей такой светлой и ровной, что она казалась не бледной, а освещённой изнутри. Не болезненной — нет. Скорее слишком чистой, слишком гладкой, словно вчерашняя сила смысла с неё что-то лишнее и оставила после себя пугающую, почти

нечеловеческую свежесть.

Шиара подняла руку и коснулась щеки. Отражение повторило движение. Кожа под пальцами была тёплой, живой, но всё равно чужой. В этом лице не было ни одной знакомой ей черты из прошлой жизни, и всё же теперь оно принадлежало ей. Не той прежней Шиаре, о которой говорили с ненавистью и осторожностью. Не той женщине, чьи воспоминания возвращались обрывками боли, стыда и чужих голосов.

Ей.

Эта мысль оказалась неожиданно тяжёлой.

Волосы рассыпались по плечам и спине густой тёмной волной. Вчера она почти не обращала на них внимания — слишком много случилось, чтобы думать о собственной внешности. Теперь утренний свет скользил по прядям, выхватывал в них мягкие тёплые оттенки, и волосы казались живыми: тяжёлыми, шелковистыми, чуть спутанными после сна, но красивыми той небрежной красотой, которую невозможно создать намеренно.

Шиара провела пальцами по прядям. Они легко прошли сквозь волосы, и вдруг она поймала себя на неприятном ощущении: прежняя хозяйка этого тела наверняка знала, как выглядит. Знала, какое впечатление производит, как повернуть голову, как улыбнуться, как использовать красоту так же уверенно, как другие используют оружие. А она стояла перед мутным зеркалом босая, с влажным лицом и растерянным взглядом — и не знала даже, должна ли радоваться то-

му, что видит.

Потом её внимание привлекли глаза.

На первый взгляд они казались карими — тёмными, глубокими, почти бархатными. Но стоило солнечному лучу коснуться лица, как в радужке вспыхнул иной оттенок. Не яркий. Не открыто красный, каким мог бы быть цвет крови или пламени. Скорее глубокий тёплый отблеск, спрятанный внутри коричневого, будто под тёмной водой лежали раскалённые угли.

Вчера они были такими же?

Шиара не знала. Она слишком мало помнила собственное отражение.

Сердце ударило чуть быстрее. Внутри, там, где жила проснувшаяся сила, что-то отозвалось — не болью, не вспышкой, а лёгким, почти ленивым движением, будто под землёй шевельнулся корень.

Алый отблеск в глазах стал глубже. Всего на мгновение.

Шиара резко отступила от зеркала. Отражение тоже отступило — бледное, прекрасное, испуганное. Она прижала ладонь к груди и несколько секунд просто дышала, пытаюсь успокоиться. Ничего не произошло. Комната оставалась прежней. Солнечные полосы лежали на полу, вода в тазу едва колыхалась, занавеска у окна не двигалась.

И всё же Шиара больше не могла убедить себя, что вчерашнее чудо закончилось во дворе. Оно осталось в ней: в коже, в дыхании, в странном лесном запахе, который всё ещё

не хотел покидать комнату, в глазах, где под тёмной радужной теперь прятался красный отблеск.

Она снова подошла к зеркалу, но уже медленнее, осторожнее, словно боялась не отражения, а того, что оно может рассказать.

— Кто ты? — прошептала Шиара.

Ответа, конечно, не последовало. Только где-то за окном лёгкий ветер коснулся ставен, и золотистые полосы на полу дрогнули, будто утро на мгновение задержало дыхание вместе с ней.

В этот миг тишина комнаты показалась ей уже не пустой, а наполненной чем-то важным и едва уловимым, словно само пространство ждало, что она сделает дальше.

Шиара вышла из спальни и спустилась вниз. Половицы тихо поскрипывали под её босыми ступнями, и этот слабый звук почему-то казался слишком громким в утреннем покое. Она остановилась на пороге общей комнаты.

Здесь тоже было тихо. Утренний свет свободно лился сквозь окна, ложился на пол мягкими полосами, скользил по деревянному столу, по скамье у стены, по ещё не остывшей золе в очаге. Дом выглядел непривычно спокойным, будто после всего случившегося даже стены учились молчать по-новому.

Она подошла к окну — и замерла.

Во дворе, у поленницы, стоял незнакомец.

Он рубил дрова.

Само по себе это зрелище не должно было бы показаться необычным, но что-то в нём заставило Шиару забыть, как дышать. Он двигался не как человек, занятый тяжёлой, будничной работой. В каждом взмахе топора чувствовалась такая точность и естественная собранность, что простое движение превращалось почти в ритуал. Лезвие опускалось быстро и легко, без лишнего усилия, словно сам воздух подсказывал ему, куда направить удар. Ветер скользил вдоль топорища, шевелил ткань его одежды, перебирал тёмные волосы и, казалось, подчинялся ему охотнее, чем любому другому живому существу.

На незнакомце была одежда глубокого зелёного оттенка — не яркого, не нарочитого, а спокойного, словно этот цвет вобрал в себя тень леса после дождя. Высокий, стройный, он не производил впечатления грубой физической силы, и всё же в его фигуре чувствовалась скрытая упругость: нечто хищное, настороженное, готовое в любой миг перейти от неподвижности к стремительному движению.

Шиара смотрела на него, не в силах отвести глаз.

Она не знала этого мужчину. Во всяком случае, не помнила.

Вчерашний день оставил в её сознании слишком много смутных образов: огромное тёмное тело змея-дракона на траве, серебристую дымку превращения, чужие руки, удержавшие её, когда силы окончательно покинули тело. Но человеческое лицо Эсхиана она так и не успела рассмотреть.

Если он был рядом после этого, то в памяти сохранились лишь обрывки: низкий голос, прохладное дыхание ветра, ощущение осторожного движения рядом с кроватью.

Незнакомец во дворе был совсем иным. Настоящим. Ясным. Слишком живым для смутного воспоминания.

Черты его лица казались чёткими, словно вырезанными особенно уверенной рукой, но не жёсткими. В них не было холодной красоты, от которой хочется держаться подальше. Напротив, чем дольше Шиара смотрела, тем яснее чувствовала странное, почти болезненное желание подойти ближе — не потому, что он был красив, а потому, что в нём жило нечто трудно объяснимое. Какая-то тихая отстранённость, не отталкивающая, а манящая, как манит дальний перевал или высокое небо, в котором скрыта неизвестная дорога.

Тёмные волосы, гладкие и прямые, время от времени подхватывал ветер. Несколько прядей падали ему на лоб, тут же ускользали в сторону, и Шиара неожиданно поймала себя на совсем нелепой мысли: ей хочется проверить, правда ли они такие мягкие, какими кажутся. Мысль была настолько внезапной, что она почти сердито отвела взгляд.

Но лишь на миг.

Потому что в следующий момент мужчина снова поднял топор, и это простое движение почему-то оказалось красивее, чем иные нарочно рассчитанные жесты. В нём не было ни стремления произвести впечатление, ни небрежной де-

монстрации силы. Он просто делал то, что было нужно, и в этой непринуждённой точности было больше притягательности, чем в любой сознательной игре.

Вокруг него держалась особая прохлада. Не настоящая, не та, что заставляет зябко повести плечами, а иная — тонкая, свежая, похожая на дыхание горных склонов ранним утром. Она смешивалась с солнечным светом, с запахом дерева, с шелестом листвы, и от этого весь двор казался чуть шире, чем был на самом деле, будто рядом с ним воздух сам вспоминал о высоте.

Шиара не заметила, как подошла почти вплотную к окну. Мужчина остановился. Не резко. Просто в какой-то момент очередное полено уже лежало расколотым у его ног, а сам он больше не двигался. Ветер легко качнул край его одежды. Он поднял голову и посмотрел прямо в окно.

Их взгляды встретились.

Шиара замерла. Расстояние между ними было небольшим, и всё же ей показалось, что воздух стал плотнее. Не тяжёлым — наоборот, слишком прозрачным, как бывает перед грозой или высоко в горах, когда каждый вдох ощущается особенно ясно.

Он смотрел спокойно: без удивления, без смущения, без той настороженной вежливости, которой обычно прикрываются незнакомцы. Так мог смотреть человек, который знал её. И это было самым тревожным.

Шиара отступила от окна. Мужчина всё ещё смотрел на

неё. Не пристально, не грубо, но так внимательно, что ей вдруг стало неуютно от собственной растерянности. Она не понимала, кто он. Не понимала, почему от одного его взгляда внутри появилось странное напряжение, будто память стояла совсем рядом, за тонкой стеной, но не собиралась отвечать.

Потом он спокойно опустил топор у поленницы и направился к дому.

Шиара осталась у окна, не зная, что делать. Уйти обратно в спальню было бы глупо. Остаться — почему-то страшнее.

Она успела сделать всего несколько шагов от окна, когда дверь в общую комнату открылась.

Незнакомец вошёл внутрь, и вместе с ним в дом скользнул прохладный утренний воздух. Вблизи он показался ещё выше. Не массивнее — именно выше, собраннее, словно в нём не было ничего лишнего. На тёмных волосах держались тонкие отблески солнца, рукава зелёной одежды слегка шевельнулись от ветра, и Шиара неожиданно почувствовала запах свежерасколотого дерева.

Мужчина остановился на пороге. Некоторое время они просто смотрели друг на друга. Он молчал. Она тоже.

Первым заговорил он:

— Ты уже встала, — произнёс он негромко.

В его голосе не было упрёка. Только тихая обеспокоенность, сдержанная так бережно, словно он боялся потревожить её резким словом.

Шиара не ответила сразу. Голос был знакомым. Не лицо, не одежда, не взгляд помогли ей узнать его. Именно голос. Этот низкий, ровный, чуть прохладный голос она слышала вчера сквозь слабость и полузабытьё. Он спрашивал лекаря о её состоянии. Он звучал рядом, когда она уже проваливалась в темноту.

И ещё раньше, где-то глубже памяти — не человеческой, а той, что осталась после прикосновения к чужому духовному морю, — шевельнулась тонкая зелёная нить.

Шиара медленно выдохнула.

— Эсхиан?

Имя прозвучало не как уверенность. Как осторожная догадка.

Мужчина чуть склонил голову.

— Да.

Ответ был простым, но голос его стал мягче, будто он понял, что ей понадобилось усилие, чтобы назвать его по имени.

Шиара смотрела на него и никак не могла соединить два образа: огромное тело змея-дракона на траве, тёмную чешую под ладонями, тяжёлое дыхание, разорванное болью духовное море — и этого мужчину в зелёной одежде, спокойного, собранного, почти нереального в утреннем свете.

— Я не узнала тебя, — сказала она наконец.

Эсхиан молчал несколько мгновений, но в его молчании не было ни обиды, ни холодной отстранённости.

— Ты и не должна была, — ответил он тихо. — Вчера я был не тем, кого легко узнать.

— Почему?

Ветер шевельнул занавеску у окна. Где-то за домом тонко скрипнула ветка.

— Потому что ты увидела меня в самый плохой момент, — сказал он. — И всё равно не отвернулась.

Ответ был простым, и в нём было столько спокойной правды, что Шиара неожиданно почувствовала укол в груди. Она вспомнила его духовное море — тьму, боль, усталость, разрушение, которое не хотело становиться яростью. Того, кто сейчас стоял перед ней, невозможно было отделить от вчерашнего змея-дракона. Это был один и тот же человек. Просто теперь его буря снова обрела форму.

Шиара опустила взгляд.

— Прости. Я не хотела смотреть так, будто...

Она замолчала, не зная, как закончить. Будто сравнивала. Будто жалела. Будто боялась.

Эсхиан понял и без слов.

— Не извиняйся, — произнёс он мягко. — Ты смотришь на мир заново. Это не твоя вина.

От этих слов напряжение в груди стало слабее. Шиара медленно подняла глаза.

— А ты? — спросила она тихо.

— Что я?

— Ты тоже смотришь на меня как на человека, который

не помнит?

Пауза оказалась длиннее прежних. Эсхиан не отвёл взгляда.

— Нет.

— А как?

Он не ответил сразу. За окном ветер прошёл по листве, и солнечные полосы на полу чуть сместились.

— Как на ту, кто вчера вошла туда, куда никто не мог войти, — произнёс он наконец. — И вернулась. Хотя могла не вернуться.

Последняя фраза прозвучала тише остальных, и именно поэтому Шиара услышала в ней больше, чем в длинном признании. Не страх. Не совсем. Скорее память о страхе, который он не позволил себе показать.

В комнате стало очень тихо.

Эти слова почему-то прозвучали не как благодарность и не как напоминание о долге. Скорее как признание границы, которую она пересекла, не понимая, что делает. И теперь эта граница осталась позади — невидимая, но настоящая.

Шиара провела ладонью по рукаву, пытаясь скрыть внезапную дрожь в пальцах.

— Я не знала, что делаю.

— Знаю, — сказал он. — Поэтому не стану спрашивать у тебя ответов, которых у тебя пока нет.

Она посмотрела на него с неожиданным облегчением.

— И всё равно это случилось.

— Да. Но сейчас важнее не то, как это случилось. Важнее, как ты себя чувствуешь.

Прямого вопроса в этих словах почти не было, но забота звучала яснее любого вопроса.

Шиара слабо улыбнулась, почти растерянно. Ответы Эсхиана были ясными и точными, но в мягкости его тона появлялось что-то такое, от чего ей становилось неловко.

— Ты всегда так отвечаешь?

Взгляд Эсхиана едва заметно изменился, будто её вопрос его не удивил.

— Как?

— Так спокойно. И так точно.

На этот раз тень улыбки всё-таки коснулась его губ. Очень слабая. Почти незаметная. Но от неё его лицо вдруг стало живым иначе — не мягче, нет, а ближе.

— С тобой, — произнёс он после короткой паузы, — я стараюсь выбирать слова осторожнее.

Шиара неожиданно тихо усмехнулась. Сама не поняла почему. Может быть, потому что ответ оказался слишком прямым и одновременно слишком бережным. Может быть, потому что после вчерашней боли и сегодняшнего странного утра эта короткая фраза вернула происходящему простую человеческую форму.

Эсхиан смотрел на неё молча. И теперь в его взгляде было что-то новое. Не открытая нежность. Не тепло, которое легко назвать. Скорее внимательное, осторожное присутствие,

словно он действительно видел перед собой не прежнюю Шиару, не женщину из чужих воспоминаний, а её — растерянную, босую, с распущенными волосами и вопросами, которых становилось всё больше с каждым вдохом.

— Сядь, пожалуйста, — сказал он. — Ты ещё слишком слаба, чтобы стоять так долго.

Шиара хотела возразить, но тело, словно только и ждало разрешения, вдруг напомнило о себе слабостью в коленях. Она едва успела опереться ладонью о стол.

Эсхиан оказался рядом быстрее, чем она ожидала. Не схватил. Не удержал силой. Просто подставил руку так, чтобы она могла опереться, если захочет.

— Можно? — спросил он тихо.

Это короткое слово почему-то смутило её сильнее, чем внезапная близость. Шиара посмотрела на его руку, потом осторожно положила пальцы на его предплечье. Ткань под ладонью была прохладной, а под ней — живое тепло.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Не за что, — ответил Эсхиан, и на его губах на мгновение появилась едва заметная улыбка.

Слова были простыми, но от них внутри снова дрогнула тонкая зелёная нить. Не резко, не пугающе. Только тихо напомнила, что вчера между ними произошло нечто, чему ещё предстоит найти имя.

Эсхиан помог ей сесть на ближайшую скамью и сразу отступил на полшага, не задерживая прикосновение дольше

необходимого. Шиара была ему за это благодарна, хотя тело ещё помнило его близость: тонкой дрожью в пальцах, слишком быстрым ударом сердца, внезапным теплом под кожей.

Солнечный свет медленно полз по полу, касаясь её босых ног, края зелёной одежды Эсхиана, старых досок у порога. За окном шелестел двор, пахло свежими дровами, ветром и утренней травой. Всё это казалось таким обычным, что почти невозможно было поверить: всего вчера она держала ладонь на чешуе змея-дракона и слышала, как чужая тьма впервые за долгое время перестаёт бороться.

Шиара сидела за столом, стараясь не смотреть на Эсхиана слишком долго. Это оказалось сложнее, чем ей хотелось бы признать. Он стоял рядом — спокойный, высокий, всё ещё немного нереальный в утреннем свете, будто вместе с ним в дом вошёл не только ветер, но и часть неба, холодного, ясного, далёкого.

Вблизи его красота больше не казалась просто красотой. Она была чем-то иным: собранностью, точностью, внутренней тишиной, в которой не было ни суеты, ни желания понравиться.

Эсхиан бросил на неё ещё один взгляд — спокойный, нетребовательный. Он не торопил её, не задавал вопросов и не пытался вытянуть из молчания признания, к которым она сама ещё не была готова. Просто стоял рядом, оставляя ей столько пространства, сколько нужно человеку, проснувшегося в чужой жизни и ещё не успевшему понять, где закан-

чивается страх и начинается доверие.

Шиара украдкой посмотрела на него — и тут же пожалела об этом. Слишком легко оказалось задержаться взглядом на линии его плеч, на тёмных волосах, чуть тронутых утренним светом, на лице, где каждая черта была спокойной, но не равнодушной. Ей вдруг стало жарко. Щёки предательски потеплели, и она поспешно опустила глаза к столешнице, будто старые царапины на дереве могли оказаться самым важным зрелищем этого утра.

Эсхиан, кажется, заметил. Но ничего не сказал.

Только после короткой паузы произнёс:

— Тебе нужно поесть.

Голос прозвучал мягко — не просто тише, чем раньше, а как-то иначе: глубже, теплее, с бархатной осторожностью, от которой Шиара растерянно подняла на него взгляд. В этих словах не было приказа. Даже настойчивости почти не было. Только спокойная забота человека, который уже понял её состояние и не собирался ждать, пока она сама попросит о помощи.

И именно в этот момент её желудок негромко отозвался.

Совсем тихо. Но в комнате было слишком спокойно, чтобы этот звук можно было не услышать.

Шиара застыла. На мгновение ей показалось, что лицо вспыхнуло сильнее, чем солнечные полосы на полу. Она поспешно потупилась, чувствуя себя до смешного неловко. После духовного моря, зелёного света, змея-дракона и всех

невозможных вещей этого мира её подвёл обычный голод.

Это было почти обидно.

Эсхиан не улыбнулся, не отвёл взгляд с нарочитой деликатностью и не сделал вид, что ничего не произошло слишком явно. Он просто чуть склонил голову, словно принял это как естественное подтверждение своим словам, и спокойно сказал:

— Подожди немного. Я принесу поесть.

Шиара открыла рот, чтобы возразить, но он уже повернулся к двери.

— Не вставай, — добавил он мягко, задержавшись на пороге. — Пожалуйста.

Последнее слово прозвучало так неожиданно, что она не нашла, что ответить.

Эсхиан вышел.

Вместе с ним из комнаты словно ушла часть воздуха. Не стало хуже — просто пространство снова сделалось обычным: стол, скамья, утренний свет, тихий очаг, запах старого дерева. Шиара сидела неподвижно, всё ещё чувствуя на предплечье призрачное тепло его руки, хотя прикосновение давно закончилось.

Она медленно выдохнула.

Пожалуйста.

Странное слово. Обычное. Простое. Но от Эсхиана оно прозвучало так, будто он действительно не хотел заставлять её подчиняться. Будто мог попросить — и ждать, что она

сама решит.

В этом мире, где её называли женой, где брачный контракт связывал людей крепче желания, а прошлое прежней Шиары оставляло за собой только боль и недоверие, такая осторожность казалась почти невозможной.

Она провела пальцами по краю стола. Дерево было неровным, в мелких зазубринах, тёплым от солнечного света. Шиара сосредоточилась на этом ощущении, пытаясь унять смущение, но мысли всё равно возвращались к тому, как Эсхиан смотрел на неё. Не как на больную. Не как на обузу. И не как на прежнюю Шиару, от которой все, похоже, привыкли ждать удара.

Как на человека, которому сейчас нужно поесть.

Почему-то именно это простое внимание тревожило сильнее красивых слов.

Отсутствовал он недолго. Дверь открылась почти бесшумно, и в комнату снова вошёл прохладный воздух, смешанный с запахом свежей каши, тёплого хлеба и едва уловимой древесной дымки. Эсхиан держал в руках глиняную миску и небольшой ломоть хлеба, завернутый в чистую ткань. Двигался он так же легко, как во дворе, только теперь в его точности было нечто домашнее, почти тихое.

Он поставил миску перед ней.

Каша пахла просто и удивительно аппетитно: зерном, молоком, каплей мёда или чего-то похожего, чего Шиара пока не знала по названию. От поверхности поднимался пар,

тонкий и белёсый, медленно растворяясь в утреннем свете. Хлеб был ещё тёплым, с плотной корочкой, и от одного его запаха голод стал почти болезненным.

Шиара посмотрела на еду. Потом на Эсхиана.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Ешь, пока тёплое.

Он произнёс это мягко, но в голосе появилась едва заметная твёрдость. Не приказ. Скорее забота, не привыкшая отступать, когда речь шла о чьём-то здоровье.

Шиара осторожно взяла ложку. Ей вдруг стало неловко есть при нём. Не потому, что он смотрел пристально — наоборот, Эсхиан отошёл к окну и отвернулся чуть в сторону, оставляя ей возможность не чувствовать себя под наблюдением. Но его присутствие всё равно заполняло комнату, как ветер заполняет открытое пространство: его не видишь, но знаешь, что он рядом.

Первый глоток оказался горячим. Шиара едва не обожглась, но вовремя остановилась. Каша была простой, немного сладкой, густой — именно такой, какую тело приняло сразу, без капризов и осторожности. Тепло медленно разлилось внутри, возвращая её не к чужим воспоминаниям, не к страху, не к силе, а к самому обычному ощущению жизни.

Она ела медленно. После нескольких ложек слабость в руках стала меньше, а дрожь, которую Шиара пыталась скрывать, почти исчезла.

И только тогда она заметила, насколько тихо в доме.

Не той утренней тишиной, что встретила её после пробуждения, а другой — слишком ровной, слишком пустой для места, где жили сразу несколько человек. За дверью не слышалось шагов. Где-то в глубине дома не скрипели половицы, не звякала посуда, не раздавались приглушённые голоса. Даже со двора, куда выходило окно, доносились только ветер, шелест листвы и редкий стук ветки о стену.

Голосов не было.

Шиара опустила ложку и прислушалась внимательнее, словно могла услышать ответ в самой этой тишине.

— А где Сахан и Риис? — спросила она наконец.

Эсхиан повернулся к ней. Вопрос не застал его врасплох. Скорее он будто ожидал, что рано или поздно она заметит отсутствие остальных. В его взгляде не было удивления, только внимательная мягкость человека, который помнит: для неё здесь всё новое, даже то, что для них давно стало привычным.

— Они ушли на охоту, — сказал он. — Обычно мы делаем это по очереди. Дом стоит не в самом удобном месте, а запасов здесь всегда нужно больше, чем кажется. Когда двое уходят в лес, один остаётся рядом с тобой.

Шиара медленно перевела взгляд к окну.

— На охоту?

Слово прозвучало тихо, почти неуверенно. Ей было странно думать о Сахане и Риисе где-то за пределами дома — среди деревьев, влажной травы и утреннего холода, тогда

как ещё вчера все трое казались неотделимыми от этого места и от случившегося во дворе.

Эсхиан кивнул.

— В облике духовных зверей, — добавил он, продолжая объяснять так же спокойно. — Сахан принимает облик морозного волка, Риис — огненного лиса. Так им легче идти по следу, находить добычу и возвращаться до того, как лес меняет запахи.

Шиара замерла с ложкой в руке.

Морозный волк. Огненный лис.

Слова прозвучали почти буднично, но внутри всё равно что-то дрогнуло. Вчера она видела змея-дракона, касалась его тёмной чешуи, слышала тяжёлое дыхание огромного тела на траве. И всё же мысль о том, что Сахан и Риис тоже могут сбросить человеческий облик и уйти в лес зверями, показалась ей странно новой.

Будто этот мир снова напомнил: он не обязан быть похожим на тот, который она помнит.

— Морозный волк, — тихо повторила она.

Перед внутренним взглядом сразу возник Сахан: его неподвижность, светлые холодные глаза, голос, в котором почти не было лишних интонаций. И рядом с этим образом легко проступил другой — бело-серый зверь, бесшумно идущий между деревьями, оставляя на траве тонкий след инея. Это было слишком естественно. Пугающе естественно.

— А Риис... огненный лис?

На этот раз в голосе Шиары прозвучало почти недоверие. Эсхиан едва заметно смягчился взглядом.

— Да. Он быстрее, чем кажется, и гораздо тише, чем любит показывать. В зверином облике Риис почти не оставляет следов, если сам этого не хочет. Огонь у него не шумный. Скорее живой. Тёплый. Хитрый.

Шиара невольно вспомнила янтарные глаза Рииса, его улыбку, в которой было больше маски, чем тепла, и то, как он умел говорить легко, оставляя за словами слишком много невысказанного. Огненный лис. Да. Это тоже подходило.

— А ты? — спросила она, прежде чем успела остановить себя.

Эсхиан посмотрел на неё, и только тогда Шиара поняла, насколько странно прозвучал её вопрос: ведь его зверя она уже видела. Слишком хорошо помнила длинное тёмное тело на примятой траве, кольца, сжатые болью, прохладную чешую под ладонью, бурю, запертую в слишком тесных берегах, и зелёную нить света, тянувшуюся к ней из глубины тьмы.

Но Эсхиан не стал напоминать ей об этом с упрёком. Не обиделся, не проявил раздражения. Только на мгновение в комнате стало больше воздуха, словно ветер за окном подошёл ближе к стенам.

— Ты уже видела, — сказал он тихо. — Мой зверь — змей-дракон.

Она опустила взгляд, смущённая собственной неловко-

стью.

— Да... прости.

Эсхиан не стал продолжать эту тему.

— Не нужно возвращаться туда сейчас, — мягко произнёс он. — Ты только начала восстанавливаться.

Шиара медленно вдохнула и заставила себя снова посмотреть на миску.

— Хорошо.

Некоторое время они молчали. Потом она всё же спросила:

— Значит, они ушли вдвоём, а ты остался со мной?

— Да, — ответил Эсхиан. — Таков наш порядок. Двое уходят в лес, один остаётся дома. Обычно это просто удобно: кто-то должен присматривать за очагом, домом и запасами. Но рядом с тобой мы тоже всегда оставляли одного из нас.

Он говорил мягко и терпеливо, словно заранее понимал: короткого ответа для неё будет мало. Шиара ведь не помнила ни их привычек, ни причин, ни того, как устроены дни в этом доме.

— Даже раньше? — спросила она тише.

— Даже раньше, — подтвердил он. — Не всегда открыто. Иногда кто-то оставался поблизости, но не входил без нужды. Иногда уходил во двор или к поленнице, чтобы не давить присутствием. Но ты редко бывала совсем одна.

Шиара сжала пальцы на ложке.

— Почему?

Эсхиан не спешил с ответом. В этом молчании не было нежелания говорить. Скорее он выбирал слова, которые не сделают правду грубее, чем она уже была.

— Причины менялись, — сказал он наконец. — Иногда мы боялись, что тебе станет плохо. Иногда — что ты причинишь вред себе. Иногда — что кто-то извне попытается воспользоваться тем, что дом остался без защиты. А иногда... просто потому, что уйти всем сразу было бы неправильно.

Шиара опустила глаза.

Стыд пришёл не резко, а тихо, тяжело, как холодная вода, поднимающаяся к груди. Она не помнила тех дней, но всё равно чувствовала их последствия: в осторожности Эсхиана, в пустом доме, в самом этом порядке, который они выстроили не от спокойной семейной близости, а, скорее всего, от необходимости выжить рядом друг с другом.

— Я не знаю, какой была раньше, — произнесла она почти шёпотом.

— Я знаю.

Шиара вздрогнула и подняла взгляд.

Эсхиан смотрел на неё прямо, но мягко.

— И всё равно сейчас передо мной ты. Та, которая ничего не помнит. Та, которая вчера спасла меня, хотя могла не выжить сама. Я не стану смешивать одно с другим только потому, что так проще.

Она долго не могла ответить. Внутри что-то болезненно сжалось, но не от страха. От облегчения.

— Спасибо, — сказала она наконец.

Эсхиан чуть склонил голову.

— Ешь. Пока каша совсем не остыла.

На этот раз Шиара послушалась. Ей было легче есть, когда он говорил с ней так — не уклоняясь от правды, но и не бросая её в лицо. В каждом объяснении оставалось достаточно места, чтобы она могла дышать.

За окном по-прежнему не было голосов. Только ветер проходил по двору, шевелил траву у поленницы и касался сложенных дров, от которых тянуло свежим древесным запахом. Дом оставался тихим, но эта тишина больше не казалась пустой.

Где-то в лесу морозный волк и огненный лис шли по следу. А здесь, рядом с ней, остался змей-дракон. Не случайно. По очереди. По старому укладу, в котором было больше боли, чем доверия, но всё же — больше заботы, чем она ожидала найти в этой чужой жизни.

Шиара уже почти доела, когда за окном изменился ветер.

Сначала она не поняла, что именно почувствовала. Воздух стал другим: резким, прозрачным, будто кто-то на мгновение распахнул дверь в зимнее утро.

Шиара подняла голову.

Эсхиан тоже повернулся к окну.

— Вернулись, — сказал он.

Шиара с недоумением посмотрела на него.

Шиара медленно встала и подошла к окну. Эсхиан не

остановил её, лишь оказался рядом — достаточно близко, чтобы поддержать, если слабость вернётся. На этот раз она была благодарна ему и за это.

Во дворе, у края деревянного забора, стоял волк.

Огромный.

Светло-серый, почти белый, с густой шерстью, по которой пробегали холодные серебристые отблески. От его лап по влажной земле расходилась тонкая дымка инея, такая лёгкая, что её можно было принять за утренний туман, если бы трава под ним не белела хрупким морозным налётом. В пасти волк держал крупную тушу оленя, но даже с добычей не выглядел ни свирепым, ни грубым. Он стоял неподвижно, спокойно, с той же собранной строгостью, которую Шиара уже начала узнавать.

Сахан.

Она поняла это не сразу. И всё же поняла. Не по лицу, которого сейчас не было. Не по голосу. По неподвижности. По тому, как зверь стоял: прямо, молча, без малейшего желания казаться страшнее или сильнее, чем был. В его светлых глазах не было дикости. Только холодная ясность, от которой сердце почему-то забилося тише.

Рядом с ним из травы бесшумно вышел лис.

Совсем другой.

Тоньше, легче, словно сотканный из рыжего света и живого пламени. Его шерсть отливала медью и золотом, а по кончикам хвостов — Шиара не сразу поняла, один их или

несколько, так быстро они скользнули в воздухе, — пробежали маленькие огненные искры. Они не жгли траву. Не оставляли следов. Только вспыхивали и исчезали, как смех, который не успели произнести вслух.

Лис тоже вернулся не с пустыми лапами: рядом с ним по земле легко скользила вторая добыча, меньше той, что принёс волк, но аккуратно перехваченная огненной петлёй, тонкой и почти прозрачной. Пламя не обжигало шерсть зверя и не касалось травы — лишь удерживало ношу так ловко, будто для Рииса даже охота была способом пошутить над тяжестью.

Лис поднял голову и посмотрел прямо на окно. Шиаре вдруг почудилось, что если бы зверь мог улыбнуться, он бы сделал это именно сейчас.

Риис.

Имя возникло само собой, и вместе с ним пришло странное чувство узнавания. Не память — нет. Память по-прежнему молчала. Но что-то в ней уже начинало собирать людей и зверей в одно целое: холодную тишину Сахана и морозного волка, живую насмешливость Рииса и огненного лиса, спокойный ветер Эсхиана и змея-дракона, чью тьму она вчера держала ладонями.

Шиара стояла у окна, почти не дыша.

За её спиной тихо шелохнулась ткань одежды Эсхиана.

— Теперь ты видишь их, — негромко произнёс он рядом.

Шиара замерла, всё ещё слишком остро ощущая его при-

сутствие за плечом. Эсхиан сразу чуть отступил, давая ей возможность спокойно рассмотреть то, что происходило во дворе.

Этот мир не переставал её поражать. Ещё утром она пыталась узнать собственное лицо в мутном зеркале. А теперь смотрела во двор, где морозный волк и огненный лис возвращались из леса с добычей так естественно, будто в этом не было ничего невозможного.

Волк медленно опустил тушу на землю у поленницы. Осторожно. Почти бесшумно. Потом повернул голову к лису.

Лис, кажется, фыркнул и взмахнул хвостом, позволяя огненной петле исчезнуть. Вторая добыча мягко легла рядом с первой, а в воздухе на мгновение рассыпались несколько золотистых искр.

Даже в зверином облике это выглядело почти насмешкой. Шиара неожиданно улыбнулась. Совсем слабо. Но настоящей улыбкой.

И именно тогда морозный волк поднял взгляд на неё. Недолго. Всего на одно мгновение. Но Шиаре показалось, что в этом взгляде была та же молчаливая внимательность, что и в человеке, стоявшем когда-то у её кровати. Сахан не приблизился. Не сделал ни одного лишнего движения. Просто увидел, что она стоит у окна, живая, на ногах, и будто принял это к сведению.

А огненный лис вдруг легко подпрыгнул на месте, встрях-

нул пушистым хвостом, и в воздухе рассыпались новые искры.

Эсхиан рядом едва слышно выдохнул.

— Риис, — сказал он тише, чем обычно, но в этом одном имени было достаточно предупреждения.

Лис невинно склонил голову.

Шиара не удержалась и тихо рассмеялась.

Смех вышел слабым, почти непривычным, но от него в груди стало теплее. Дом за её спиной больше не казался таким пустым. Двор тоже. Атмосфера вокруг незаметно изменилась.

Морозный волк. Огненный лис. Змей-дракон рядом с ней. Добыча у поленницы. Тёплая каша на столе.

И она сама — женщина, которая всё ещё не помнила прошлого, но уже начинала понимать: эта чужая жизнь не собиралась открываться ей словами. Она будет приходить вот так: через ветер, через звериные следы на влажной земле, через хлеб, разделённый за столом, через добычу, принесённую к дому, через взгляды тех, кто когда-то, возможно, не хотел быть рядом — но всё равно возвращался.

Впервые эта мысль не пугала. В ней было ещё слишком много неясности, слишком много осторожности и боли, но где-то глубоко, под растерянностью, уже начиналась тихая, почти невозможная надежда.







Глава 5 - Зов леса

Глава 5. Зов леса

Двор жил.

После долгой утренней тишины это ощущалось странно. Ещё недавно дом казался пустым, словно после вчерашнего чуда даже стены боялись скрипнуть лишний раз, а теперь за окном снова слышались звуки: негромкие голоса, шорох травы, короткий металлический звон, когда нож касался кости. Шиара сидела за столом, обхватив ладонями тёплую чашку.

Каша была съедена почти до конца, от хлеба осталась только тонкая корочка. Она ела не из послушания и не потому, что так было нужно для восстановления. Она просто проснулась голодной — по-настоящему голодной — так, будто тело, пережив вчерашнее истощение, вдруг решило вернуть себе всё сразу: тепло, силы, вкус, способность спокойно держать ложку в руках. Сытость разливалась внутри мягко и ровно.

Слабость не исчезла полностью. Она ещё оставалась где-то глубоко, но уже не казалась пустой и болезненной. Под ней двигалось что-то живое, тёплое, упрямое. Словно внутри неё расправлялись невидимые листья, слишком долго пролежавшие во тьме. Шиара осторожно вдохнула. В груди стало свободнее.

Эсхиан стоял у окна, немного в стороне от солнечной по-

лосы, падавшей на пол. Он не мешал ей есть, не задавал лишних вопросов и не смотрел слишком пристально, но Шиара всё равно чувствовала его внимание. Оно не давило. Просто было рядом — тихое, внимательное, как ветер, который не видишь, но замечаешь по дрогнувшей занавеске.

— Тебе лучше? — спросил он негромко.

Шиара повернула голову.

— Да, — ответила она после короткой паузы. — Даже лучше, чем я ожидала.

Эсхиан посмотрел на неё внимательнее.

— Быстрое восстановление не всегда значит, что тело готово к нагрузке.

Она слабо улыбнулась.

— Ты сейчас говоришь как лекарь.

— Лекарь сказал бы длиннее.

Шиара не сразу поняла, шутка ли это. Но в уголке его губ на мгновение появилась едва заметная тень улыбки, и от этого его ответ прозвучал теплее. За окном Риис что-то сказал. Слов было не разобрать, но интонация легко прошла сквозь стекло: живая, насмешливая, с той самой лёгкостью, которая, казалось, не исчезала даже рядом с тяжёлой работой. В ответ прозвучало короткое молчание — такое выразительное, что Шиара сразу поняла: это Сахан. Она поднялась и подошла к окну.

Во дворе Сахан уже был в человеческом облике. Он стоял у низкой колоды, на которой лежала принесённая с охоты

добыча, и работал спокойно, без лишних движений. Нож в его руке двигался точно, уверенно, будто даже это дело подчинялось какому-то внутреннему порядку. От него всё ещё тянуло лесом.

Холодной влажной землёй, инеем на траве, звериной тишиной. В человеческом облике Сахан не выглядел опаснее, чем прежде, но после увиденного во дворе Шиара уже не могла отделить его от морозного волка. Теперь его спокойствие стало понятнее. Таким, наверное, и был волк на следу: не злым, не голодным, а сосредоточенным. Риис рядом выглядел совсем иначе.

Он тоже вернулся человеком, но в нём будто ещё оставались искры огненного лиса. Рыжеватый отблеск скользил по волосам, когда он наклонялся к добыче, движения были быстрыми, лёгкими, почти пружинистыми, а улыбка держалась на губах так естественно, словно тяжёлая охота не могла окончательно отнять у него право на шутку.

— Скажи честно, — донёсся его голос со двора, — ты специально выбрал самого тяжёлого зверя, чтобы доказать, что волчье упрямство распространяется даже на добычу?

Сахан не поднял головы.

— Нет.

— Вот поэтому с тобой невозможно спорить. Ты отвечаешь так, будто вопрос был серьёзным.

— Он был бессмысленным.

Риис коротко рассмеялся. Смех легко перескочил через

двор, коснулся стен дома и будто сделал утренний свет живее. Шиара невольно задержалась у окна. Вчера между этими мужчинами лежало столько невысказанного, что дом казался наполненным старой болью. Теперь боль никуда не исчезла, но рядом с ней появилось другое: привычка, уклад, жизнь, которая продолжалась даже после невозможного. Сахан разделявал добычу. Риис шутил. Эсхиан стоял рядом с ней в комнате.

А она смотрела на всё это и пыталась понять, как в чужой жизни может быть столько простых, почти домашних деталей. Ещё вчера она боялась каждого слова, потому что не знала, где в этом доме скрыта опасность. Сегодня опасность не исчезла, но её очертания стали сложнее. Эти люди всё ещё не были ей близкими. Она всё ещё не помнила их прошлого. И всё же смотреть на них теперь было уже не так страшно. Шиара невольно опустила ладонь к груди. Внутри снова шевельнулось что-то тёплое.

Сначала едва заметно. Потом глубже, настойчивее, будто пробудившаяся сила повернулась в сторону окна. Шиара вдохнула — и запах двора вдруг изменился. Свежая кровь добычи. Дымок из очага. Сухие дрова. Трава, примятая звериными лапами. И за всем этим — лес. Он был дальше, за забором, за краем двора, за узкой тропой, откуда вернулись Сахан и Риис. Но именно его запах стал самым ясным: влажная кора, тёмная земля под корнями, листья, ещё не согретье солнцем. Шиара нахмурилась.

Она не могла чувствовать это так отчётливо из комнаты. Не должна была. Эсхиан заметил перемену.

— Что-то случилось?

Она не сразу ответила. Взгляд сам вернулся к лесной тропе за забором. Там ничего не двигалось. Только ветви медленно качались под лёгким ветром, и утренний свет дробился между листьями на тонкие живые полосы.

— Нет, — сказала Шиара тихо.

И сама слышала, что это не совсем правда. С ней не случилось ничего страшного. Не боль, не слабость, не страх. Но что-то внутри неё проснулось внимательнее, будто до этого только дремало после еды и тепла, а теперь вдруг повернулось к лесу. Она положила пальцы на подоконник. Дерево под рукой было тёплым от солнца, старым и сухим. Но даже в нём Шиара на миг почувствовала слабый след жизни — почти стёртый, почти забытый. Этот след отозвался в ней так неожиданно, что она быстро убрала руку.

За окном Риис снова сказал что-то Сахану, но теперь его голос дошёл до неё как издалека. Всё стало приглушённым: стук, шорох, движение во дворе. Лес за забором не издал ни звука громче обычного. И всё же Шиаре казалось, что именно он заполнил всё пространство вокруг. Не голосом и не словами — ожиданием. Она стояла у окна и постепенно понимала: силы вернулись к ней не только для того, чтобы она могла спокойно сидеть за столом и держать чашку. Что-то внутри хотело выйти наружу — к земле, к тени, к живым

деревьям.

От этого желания Шиаре стало не по себе, потому что она не знала, кому оно принадлежит. Ей — или тому, что проснулось в ней после вчерашнего чуда. Шиара попыталась отойти от окна. Не получилось. Точнее, ноги послушались. Она сделала шаг назад, убрала ладонь от подоконника, даже повернулась чуть в сторону стола, где ещё стояла недопитая чашка. Но всё внутри продолжало тянуться туда — за стекло, за двор, к узкой тропе между деревьями. Это было странное чувство: не приказ и не желание в привычном смысле.

Скорее направление. Словно где-то глубоко в груди появилась тонкая нить и мягко потянула её вперёд. Не больно, не резко, но достаточно настойчиво, чтобы Шиара не могла сделать вид, будто ничего не происходит. Она медленно выдохнула.

— Шиара?

Голос Эсхиана прозвучал рядом, но не слишком близко. Он не подошёл вплотную, не заставил её обернуться. Просто позвал — тихо, внимательно, будто проверял, слышит ли она его. Она слышала. На мгновение ей казалось, что вместе с его голосом слышит ещё нечто. Очень далёкий шелест. Невозможно было понять, доносится ли он из леса или рождается внутри неё. За окном ветви качались почти спокойно, но в этом движении было ожидание. Будто деревья не просто росли у края двора, а смотрели. Она нахмурилась. Глупо.

Деревья не смотрят. Но после вчерашнего ей уже было

трудно уверенно говорить, что в этом мире возможно, а что нет. Шиара снова повернулась к окну. Сахан и Риис всё ещё были во дворе. Риис о чём-то говорил, Сахан молчал, нож в его руке двигался точно и спокойно. Всё выглядело обычным. Дом жил. Утро продолжалось. Никто, кроме неё, кажется, не чувствовал, как воздух постепенно меняется. Сначала изменился запах: лес становился ближе.

Влажная кора, тёмная земля, листья, спрятанные в тени. Этот запах не перебивал остальные, не вытеснял двор, дымок очага и свежие дрова. Он просто проступал сквозь них, как рисунок под тонкой тканью. Потом пришло ощущение в груди — лёгкое давление. Не тяжесть. Не боль. Будто внутри кто-то очень осторожно положил ладонь туда, где ещё недавно была пустота, и напомним: здесь теперь есть жизнь. Шиара опустила глаза на свои пальцы.

Они лежали на краю подоконника, хотя она не помнила, как снова коснулась дерева. Подушечки пальцев чувствовали шероховатость старой поверхности, маленькую трещину, засохший след смолы. Дерево было давно мёртвым, отрезанным от корней, но даже в нём что-то едва слышно отзывалось. И если это отзывалось в сухой доске, что же ждало её там, где деревья были живыми? Эта мысль испугала не сильно, но достаточно, чтобы Шиара наконец отдёргнула руку и прижала её к себе. Эсхиан заметил движение.

— Болит? — спросил он.

— Нет.

Она ответила слишком быстро и сама это поняла. Он не стал уточнять сразу. Только посмотрел на неё внимательнее. В его взгляде не было недоверия, но была настороженность человека, который уже видел, как тихий отклик её силы за одно мгновение становится чем-то гораздо большим. Шиара сглотнула.

— Просто... странно.

— Что именно?

Она хотела сказать: всё — этот дом, это тело, этих людей, звериные облики, духовное море, зелёную силу, которая вчера поднялась из неё без спроса, а сегодня вела себя так, будто знала этот мир лучше самой Шиары. Но если сказать всё сразу, получится слишком много и слишком беспомощно. Она снова посмотрела на лес.

— Я чувствую его.

Эсхиан не переспросил. Только чуть повернул голову к окну, и вместе с этим движением в комнате стало тише. Даже голос Рииса со двора будто отдалился.

— Лес? — произнёс он.

Шиара кивнула.

— Наверное.

Слово прозвучало неуверенно. Она и сама не знала, можно ли назвать это лесом. Она не слышала отдельных деревьев, не различала троп, не понимала, где именно находится то, что тянет её к себе. Просто за двором было живое пространство, большое и терпеливое. И её пробудившаяся сила

отвечала ему так естественно, будто всю жизнь ждала этого зова. Шиара медленно провела ладонью по рукаву платья.

— Это не голос, — сказала она тише. — Не слова. Просто... будто мне нужно туда.

Эсхиан молчал. Она почувствовала его молчание очень ясно. В нём не было резкого запрета, но было напряжение. Сдержанное, внимательное. Он не хотел пугать её, но и не мог отнестись к её словам как к обычной прихоти. Шиара сама понимала почему. Ещё вчера она не знала, как пользоваться своей силой. Даже не знала, что она у неё есть. И всё же эта сила вошла в чужое духовное море, исцелила раны Эсхиана, истощила её до беспамятства, а теперь тянула к лесу так настойчиво, будто имела собственную волю.

Она тихо усмехнулась, но улыбка вышла слабой.

— Наверное, я должна испугаться сильнее.

— Ты испугалась?

Шиара задумалась. Страх был. Но не такой, как утром перед зеркалом. Тогда она боялась себя — отражения, алого отблеска в глазах, чужого лица. Сейчас было иначе. Лес не казался угрозой. Он не давил. Не звал резко. Не пытался забрать её. Он ждал. И это тревожило сильнее.

— Не знаю, — честно сказала она. — Мне не страшно идти туда. Мне страшно, что я хочу.

Эсхиан посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то тихое. Не жалость. Скорее понимание.

— Желание не всегда опасно.

— Но это может быть не моё желание.

Слова вырвались сами. После них в комнате стало очень тихо. Шиара опустила глаза. Ей вдруг показалось, что она сказала вслух то, о чём старалась не думать с самого утра. Если сила проснулась в этом теле, значит ли это, что она принадлежит ей? Или прежней Шиаре? Или чему-то ещё более древнему, что жило глубже памяти и теперь выбирало путь за них обеих?

За окном Риис рассмеялся, но смех быстро оборвался. Наверное, Сахан снова ответил что-то короткое и убийственно спокойное. Обычно это могло бы отвлечь Шиару. Сейчас — нет. Лес снова потянул. Тише, чем прежде. Но глубже. В груди откликнулась зелёная нить. Она не вспыхнула, не забилась, не потребовала движения. Просто дрогнула, как тонкий росток под слоем земли, нашедший направление к свету. Шиара закрыла глаза.

На мгновение исчезли стол, чашка, окно, двор. Осталось только ощущение тени под деревьями. Прохладная земля. Корни, уходящие глубоко вниз. Медленное движение сока под корой. Тишина, в которой было больше жизни, чем в любом шуме. Она открыла глаза резко. Сердце билось быстрее. Эсхиан уже смотрел на неё.

— Что ты почувствовала?

Шиара не сразу смогла ответить.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Но там... живое. Очень живое.

Ей стало неловко от этих слов. Они звучали странно, почти по-детски. Но Эсхиан не улыбнулся и не стал поправлять. Он вообще редко относился к её растерянности как к слабости. Просто принимал её слова всерьёз — даже тогда, когда сама Шиара не была уверена, заслуживают ли они этого. И от этого говорить становилось легче.

— Я думаю, если подойду ближе, то пойму больше.

Эсхиан едва заметно напрягся. Она заметила это не по лицу. По воздуху. По тому, как у окна перестала шевелиться занавеска, будто ветер тоже задержался между ними.

— А если поймёшь слишком много? — спросил он.

Шиара подняла на него глаза. Вопрос был спокойным. Но в нём скрывалась память о вчерашнем: о силе, ушедшей слишком глубоко, о её теле, которое не выдержало отката, о руках Эсхиана, подхвативших её после падения. Она не стала делать вид, что не понимает.

— Тогда мне понадобится кто-то рядом.

Эти слова прозвучали тише, чем она хотела. Эсхиан молчал. Шиара почувствовала, как к щекам подступает тепло. Она не собиралась говорить именно так. Не собиралась просить. Не сейчас. Не так. Но лес продолжал ждать за окном, сила внутри продолжала тянуться к нему, а рядом стоял человек, который уже видел её там, где она сама себя почти не понимала. И именно к нему было проще обратиться. Она медленно выдохнула. Потом повернулась к Эсхиану полностью.

— Эсхиан...

Он сразу стал внимательнее. Шиара сжала пальцы в складках платья, чтобы не выдать внезапное волнение. Просьба была простой. Но от неё сердце билось так, словно сейчас она переступит не порог дома, а куда более важную границу.

— Можно мне выйти к лесу? — спросила она осторожно.
— Ненадолго.

Эсхиан не ответил сразу. Шиара успела пожалеть, что спросила так прямо. В комнате всё ещё было тихо, но теперь эта тишина стала другой — внимательной. Будто даже дом прислушался к тому, что он скажет. Эсхиан посмотрел сначала на её лицо, потом на руки. Задержался на пальцах, сжатых в складках платья, и снова поднял взгляд.

— Ты только начала восстанавливаться, — произнёс он.
Голос был спокойным. Не строгим, не холодным. Просто осторожным. Шиара кивнула.

— Я знаю.

— Вчера твоя сила ушла слишком глубоко.

Она невольно опустила глаза.

— Я помню.

Это было не совсем правдой. Она помнила обрывками: тёмную чешую под ладонью, зелёный свет, чужую боль, которая не оттолкнула её. А потом — пустоту, руки Эсхиана, его голос где-то рядом. Эсхиан, кажется, понял, что она имеет в виду.

— Лес может усилить отклик, — сказал он. — Особенно

если твой дух уже тянется к нему.

Шиара медленно вдохнула. Слова прозвучали разумно. Даже слишком разумно. Любой другой на его месте, наверное, просто запретил бы ей выходить. Сказал бы, что она слаба, что это опасно, что ей нужно сидеть в доме и ждать лекаря. Эсхиан не запрещал. И именно поэтому ей стало труднее спорить.

— Мне кажется, — начала она и запнулась.

Он ждал: не подталкивал, не помогал закончить фразу, просто оставил ей время подобрать слова.

— Мне кажется, мне нужно туда, — сказала Шиара тише. — Недалеко. Просто... подойти ближе.

Эсхиан слегка повернул голову к окну. За стеклом качнулись ветви. Утренний свет лёг на подоконник, на её пальцы, на край зелёной одежды Эсхиана.

— Кажется? — спросил он. — Или тянет?

Шиара замерла. От этого вопроса внутри снова дрогнула та самая зелёная нить. Тихо, но так ясно, что притворяться стало бессмысленно.

— Тянет, — призналась она.

Эсхиан молчал несколько мгновений. В его лице ничего резко не изменилось, но Шиара почувствовала, как он стал внимательнее. Словно её ответ подтвердил то, чего он опасался.

— Тогда тем более нельзя идти одной.

Она подняла на него глаза. В этих словах не было отказа

— только осторожность. И от этого в груди стало немного легче.

— Я и не собиралась, — сказала она. — Я хотела попросить тебя.

После этих слов ей вдруг стало неловко. Она не вложила в них ничего лишнего. По крайней мере, старалась не вкладывать. Просто рядом с ним после вчерашнего было спокойнее. Он уже видел её силу. Видел её слабость. Видел то, что она сама ещё не умела понять. И не испугался. А если испугался, то не отступил. Эсхиан опустил взгляд, словно услышал в её просьбе больше, чем было сказано вслух.

— Почему меня? — спросил он.

Шиара не сразу нашлась с ответом. За окном Риис снова что-то сказал, но слова не долетели. Сахан ответил коротко. Двор жил своей обычной жизнью, а в комнате между ней и Эсхианом будто остановился отдельный воздух.

— Не знаю, — честно сказала она. — Наверное, потому что ты был там.

Он понял. Она увидела это по его взгляду. Не в лесу и не рядом с ней во дворе. Там — в той тьме, в том странном духовном пространстве, куда она вошла сама не понимая как. Эсхиан был связан с этим не меньше неё. Может быть, больше. Шиара тихо добавила:

— Если со мной что-то снова случится, ты поймёшь быстрее других.

Эсхиан не ответил сразу. Его молчание не было тяжёлым,

но в нём появилось что-то глубокое. Почти болезненное.

— Я не хочу удерживать тебя против твоей воли, — сказал он наконец.

Шиара медленно выдохнула.

— Я знаю.

— Но если сила поведёт тебя слишком далеко, я остановлю тебя.

Она кивнула.

— Хорошо.

Он посмотрел внимательнее.

— Ты понимаешь, что это значит?

Шиара не отвела взгляда.

— Да.

На самом деле она понимала не всё, но главное — да. Она сама просила его быть рядом не только для прогулки. Просила остановить её, если она перестанет понимать себя. Эта мысль должна была испугать. Но не испугала. Эсхиан ещё несколько секунд смотрел на неё, будто проверял, правда ли она согласна. Потом его взгляд стал мягче.

— Хорошо, — произнёс он. — Но только недалеко. До первой тропы.

Шиара почувствовала, как напряжение в плечах немного отпустило.

— Спасибо.

— Если почувствуешь слабость, головокружение или зов станет сильнее, мы сразу вернёмся.

Она слабо улыбнулась.

— Ты всегда ставишь столько условий?

На этот раз тень улыбки коснулась и его лица.

— Только когда хочу, чтобы ты вернулась обратно целой.

Шиара опустила глаза. От этих слов внутри стало тепло и немного неловко. Не потому, что он сказал что-то слишком откровенное. Наоборот, фраза была почти практичной. Но именно в этой практичности и пряталась забота.

— Я постараюсь быть осторожной, — сказала она.

— Не “постарайся”, — мягко поправил он. — Просто говори мне, если что-то изменится.

Она подняла взгляд.

— Даже если я сама не пойму, что именно?

— Особенно тогда.

В комнате снова стало тихо. Шиара слышала, как во дворе рассмеялся Риис. Сахан что-то коротко ответил, и Риис рассмеялся ещё раз — тише, уже почти себе под нос. Это обычное утреннее движение вдруг помогло ей успокоиться. Дом не рушился от её просьбы. Никто не смотрел на неё как на безумную. Лес всё ещё ждал за забором, но теперь она знала: пойдёт туда не одна. Эсхиан отступил на шаг.

— Сначала тебе нужно привести себя в порядок.

Шиара невольно посмотрела на себя. Простое домашнее платье, распущенные волосы, лёгкая слабость, которую она уже почти перестала замечать. В лес так идти действительно было не слишком разумно.

— Я выгляжу настолько плохо?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу. Слишком сразу. Шиара подняла на него глаза. Эсхиан, кажется, сам понял, что ответил быстрее обычного. Но взгляда не отвёл.

— Просто в лесу ветки не будут смотреть, слаба ты или нет.

Она не удержалась и тихо усмехнулась.

— Это звучит почти как угроза со стороны веток.

— Они часто грубее людей.

Теперь уже Шиара улыбнулась по-настоящему. Ненадолго. Осторожно. Но всё же улыбнулась. Эсхиан смотрел на неё спокойно, и в его взгляде на миг появилось то едва заметное тепло, которое он, кажется, сам не привык показывать.

— Я подожду, — сказал он.

Шиара кивнула и сделала шаг к лестнице. Ноги слушались лучше, чем утром. Слабость ещё оставалась, но больше не казалась непреодолимой. И всё же Эсхиан пошёл рядом — не касаясь, не торопя, просто достаточно близко, чтобы подставить руку, если она оступится. На этот раз это не смутило её так сильно. За окном лес молчал. Но в этом молчании уже был зов. Шиара уже сделала несколько шагов к лестнице, когда снаружи послышался голос Рииса:

— Я правильно услышал, или у нас в доме кто-то собрался в лес?

Шиара остановилась. Эсхиан тоже повернул голову к две-

ри. Риис стоял на пороге, опираясь плечом о косяк. Вид у него был самый невинный из возможных, если не считать улыбки, которая ясно говорила: он услышал достаточно, чтобы теперь не оставить это без внимания. Рукава были закатаны, на пальцах оставались следы воды, будто он только что успел смыть кровь после разделки добычи.

— Если наша жена решила превратиться в лесную фею и начать разговаривать с деревьями, — продолжил он, — я хочу присутствовать. Вдруг деревья окажутся приятнее нас.

Шиара почувствовала, как щёки снова теплеют. На этот раз не от смущения рядом с Эсхианом, а от внезапного желания ответить. Не оправдаться, не спрятаться, а просто сказать что-нибудь в тон. Это было странно. Риис всё ещё держался с ней легко, но не близко. В его улыбке по-прежнему оставалось слишком много привычки. И всё же сейчас в ней не было прежней холодной безупречности. Может быть, потому что он шутил не для того, чтобы отстраниться, а чтобы не показать тревогу. Шиара посмотрела на него осторожно.

— Я не собираюсь становиться феей.

— Обычно именно с этого всё и начинается.

Он сказал это так серьёзно, что Шиара невольно улыбнулась. Риис заметил. Конечно, заметил. Уголок его губ дрогнул чуть заметнее, но он ничего не сказал. Только перевёл взгляд на Эсхиана.

— Ты её отпускаешь?

Вопрос прозвучал всё ещё легко, но Шиара услышала, как

в нём изменился тон. Под шуткой проступила внимательность. Тонкая, лисья, слишком быстрая, чтобы назвать её открытой тревогой.

— Я иду с ней, — ответил Эсхиан.

— До леса?

— До первой тропы.

— И обратно?

— Если потребуется.

Риис слегка прищурился.

— Вот это мне нравится. Ответы короткие, обещания расплывчатые. Почти семейная гармония.

Шиара не удержалась:

— Вы всегда так разговариваете?

Риис повернулся к ней.

— Нет, конечно. Иногда мы молчим и делаем вид, что это глубокое взаимопонимание.

Снаружи раздался спокойный голос Сахана:

— Это и есть взаимопонимание.

Риис закатил глаза.

— Видишь? Совершенно невозможно спорить.

Сахан вошёл следом за ним. Он уже вымыл руки, но от него всё ещё тянуло прохладой леса и свежей землёй. В отличие от Рииса, он не заполнил собой комнату движением. Просто появился — и пространство будто стало тише, собраннее. Шиара выпрямилась. Не от страха. Скорее от ощущения, что рядом с ним лишние слова сами становятся

ненужными.

Сахан посмотрел на неё. Не на волосы, не на платье, не на босые ступни, а на лицо. Как и Эсхиан, он оценивал состояние, только делал это иначе — без вопросов, без видимой тревоги, почти незаметно.

— Ты хорошо стоишь, — произнёс он.

Шиара моргнула. Она не сразу поняла, похвала это или просто наблюдение. Риис тихо фыркнул.

— Ты только что сделал ей комплимент?

Сахан даже не посмотрел на него.

— Нет.

— Жаль. Я уже хотел отметить этот исторический день.

Шиара снова улыбнулась, но улыбка вышла мягче. Сахан говорил мало, и потому каждое его слово весило больше обычного. “Ты хорошо стоишь” — странная фраза, почти сухая. Но в ней было внимание. Он заметил, что она держится крепче, чем утром. И сказал именно это, без лишней жалости.

— Я правда чувствую себя лучше, — тихо сказала она.

Сахан кивнул.

— Вижу.

Он перевёл взгляд на Эсхиана. Между ними на мгновение прошла короткая пауза. Шиара не поняла её смысла, но почувствовала, как воздух стал плотнее. Риис тоже перестал улыбаться так широко. Сахан снова посмотрел на неё.

— Пусть выйдет, — сказал он. — Но не одна.

Эти слова прозвучали почти как разрешение. Шиара неожиданно ощутила облегчение. Она не ждала, что именно Сахан поддержит её желание. Скорее думала, что он первым скажет остаться в доме, лечь, не рисковать, не делать ничего необдуманного. Но он не запретил. Не стал спорить. Просто поставил границу. И эта граница не казалась клеткой.

— Я не уйду далеко, — сказала она.

— Знаю.

Она удивилась.

— Знаешь?

Сахан ответил не сразу.

— Ты попросила.

Всего два слова. Но Шиара поняла. Прежняя Шиара, наверное, потребовала бы. Приказала. Вышла бы, не спрашивая, а потом заставила бы всех оправдываться за попытку остановить её. Она же попросила. И Сахан это заметил. В груди стало тихо и немного больно от этой простой разницы. Риис хлопнул ладонью по косяку, будто решил вернуть комнате прежний ритм.

— Что ж, раз ледяной суд вынес решение, я официально желаю лесу удачи. Ему она понадобится.

— Лесу? — переспросила Шиара.

— Конечно. Он ещё не знает, что к нему идёт женщина, которая вчера исцелила змея-дракона, а сегодня решила выяснить, не родственники ли ей деревья.

Эсхиан посмотрел на него.

— Риис.

— Я уже молчу.

Он действительно замолчал. На два удара сердца. Потом добавил:

— Почти.

Шиара тихо рассмеялась. Смех вышел коротким, немного растерянным, но настоящим. И от этого сама комната будто стала легче. Риис улыбнулся в ответ — всё ещё с привычной насмешкой, но теперь в ней на мгновение мелькнуло что-то почти тёплое. Сахан не улыбнулся. Но его взгляд стал мягче. Совсем немного. Так мало, что Шиара могла бы решить, будто ей показалось. Эсхиан сделал шаг к лестнице.

— Тебе нужно переодеться, — напомнил он.

Шиара кивнула. Теперь, когда все трое знали о её желании выйти, отступать было уже поздно. Но странно — ей больше не хотелось отступать. Лес всё ещё тянул. Тихо, терпеливо. И теперь этот зов не казался таким одиноким. Она поднялась на первую ступень, потом обернулась. Риис всё ещё стоял у двери, будто собирался сказать что-то ещё. Сахан — рядом с ним, прямой и молчаливый. Эсхиан ждал у лестницы, не торопя её. Три взгляда. Три разных молчания.

И впервые Шиаре показалось, что все они не давят на неё, не удерживают и не проверяют прежнюю Шиару через её лицо. Они просто смотрят, что она сделает дальше.

— Я быстро, — сказала она.

— Не спеши, — ответил Эсхиан.

Риис тут же поднял палец.

— А вот это опасный совет. Если дать женщине не спешить перед выходом, лес успеет вырасти в два раза.

Шиара уже поднималась по лестнице, но всё-таки услышала, как Сахан спокойно сказал:

— Он уже вырос.

— С тобой, — вздохнул Риис, — даже шутки становятся практическими замечаниями.

На этот раз Шиара улыбнулась уже себе. Лестница тихо поскрипывала под ногами. С каждым шагом голоса внизу становились глуше, а зов леса — яснее. Но теперь рядом с ним в ней оставалось и другое чувство. Не уверенность — до неё было ещё далеко. Скорее тонкое, осторожное тепло от того, что её просьбу слышали. Когда Шиара скрылась наверху, внизу на несколько мгновений стало тихо. Риис первым перестал улыбаться. Сахан посмотрел на Эсхиана.

— Нужно поговорить.

Когда шаги Шиары наверху стихли, Риис первым оттолкнулся от косяка. Улыбка ещё держалась на его губах, но уже без прежней лёгкости. Она будто осталась там по привычке, а сам он мыслями был совсем в другом месте.

— Только не говори, что решил обсудить с Эсхианом правильную длину прогулки, — произнёс он. — Я не вынесу такого уровня семейной заботы.

Сахан не ответил. И именно это заставило Рииса замолчать. Эсхиан посмотрел на него внимательнее.

— Что ты учуял?

Вопрос прозвучал тихо, но Шиара, будь она рядом, наверняка заметила бы, как сразу изменился воздух в комнате. Не резко. Просто всё стало собраннее: тёплый утренний свет, старый стол, тишина после её ухода — всё будто отступило, оставляя место для того, что Сахан собирался сказать. Сахан подошёл к окну. За ним двор выглядел спокойно. Добыча лежала у колоды, на траве темнели свежие следы, у забора лениво шевелились ветви. Лес за двором не казался ни ближе, ни опаснее прежнего. Но Сахан смотрел именно туда.

— Чужой запах, — сказал он.

Риис больше не улыбался.

— Человеческий?

— Не совсем.

Эсхиан чуть повернул голову.

— Где?

— У северной тропы. Близко к дому.

Риис тихо выдохнул и провёл пальцами по волосам. Жест вышел быстрым, почти раздражённым.

— Я тоже его почувствовал, — сказал он уже без насмешки. — Слабый. Неровный. Будто кто-то прошёл там не телом, а тенью от тела.

Сахан кивнул.

— След свежий.

— Насколько?

— Утренний.

На этот раз молчание стало тяжелее. Эсхиан посмотрел в сторону лестницы, по которой только что поднялась Шиара. Сверху не доносилось ни звука. Наверное, она вошла в комнату и теперь пыталась привести себя в порядок, не зная, что внизу разговор уже перестал быть обычным. Риис проследил за его взглядом.

— Прекрасно, — сказал он тише. — Значит, лес зовёт её ровно туда, где кто-то решил оставить нам неприятный подарок.

— Не обязательно туда, — произнёс Сахан.

— Но достаточно близко, чтобы мне это не нравилось.

— Мне тоже.

У Рииса дёрнулся уголок рта.

— Исторический момент. Мы согласились.

Сахан не отреагировал. Эсхиан всё ещё смотрел на лестницу. В лице его не было тревоги, которую легко заметить. Но ветер у окна стал тише. Даже занавеска, едва шевелившаяся минуту назад, почти замерла.

— Почему ты не сказал ей? — спросил он.

Сахан ответил сразу:

— Она бы испугалась.

— Или отказалась выходить, — добавил Риис.

Сахан посмотрел на него.

— Нет.

Риис приподнял бровь.

— Нет?

— Она всё равно захотела бы понять.

Риис замолчал. Возразить было нечего. Шиара действительно не выглядела человеком, который отступит только потому, что стало страшно. Не сейчас. Не после того, как утром она смотрела на лес так, будто тот звал её по имени, хотя ни один из них этого имени не слышал. Эсхиан медленно выдохнул.

— Значит, лучше, чтобы она вышла под присмотром.

— Да, — сказал Сахан.

Риис скрестил руки на груди.

— Слово “присмотр” ей лучше не произносить. Наша будущая лесная фея может обидеться.

— Она не ребёнок, — спокойно сказал Эсхиан.

— Я заметил. Дети обычно не исцеляют духовное море змея-дракона и не заставляют лекаря выглядеть так, будто у него рухнула вся картина мира.

Несмотря на слова, голос Рииса оставался тихим. Он снова посмотрел в окно, и теперь в его лице не было ни игры, ни улыбки. Только быстрая, внимательная настороженность.

— Запах был странный, — сказал он. — Я не смог его удержать. Слишком мало следа. Как будто тот, кто прошёл там, знал, что его могут искать.

Сахан кивнул.

— Лес скрыл часть.

— Или ему помогли скрыться.

Эсхиан перевёл взгляд на него.

— Ты думаешь, это было намеренно?

Риис пожал плечом, но движение вышло совсем небрежным только внешне.

— Я думаю, после вчерашнего лучше считать намеренным всё, что появляется слишком близко к дому.

С этим никто не спорил. В комнате снова стало слышно, как где-то наверху тихо скрипнула половица. Шиара двигалась по комнате. Возможно, искала гребень или платье. Возможно, всё ещё прислушивалась к лесу, не подозревая, что лес уже ответил чем-то чужим. Сахан посмотрел на Эсхиана.

— Смотри за ней внимательнее.

Эсхиан не отвёл взгляда.

— Буду.

— Если лес снова отзовётся, не дай ей уйти глубже.

Эти слова прозвучали почти как приказ. Но Эсхиан не вспыхнул и не ответил резко. Только некоторое время молчал, словно выбирал между двумя одинаково верными вещами: защитить её и не сломать то доверие, с которым она попросила его пойти рядом.

— Я не стану тянуть её назад силой, если в этом не будет необходимости, — сказал он наконец.

Сахан спокойно принял ответ.

— Если будет необходимость?

Ветер у окна едва заметно шевельнулся.

— Тогда остановлю.

Риис усмехнулся, но без веселья.

— Надеюсь, до этого не дойдёт. Я не уверен, что после вчерашнего наш дом выдержит ещё одно “необходимое” чудо.

Эсхиан посмотрел на него.

— Она выдержала вчерашнее.

— Вот именно это меня и беспокоит.

Риис сказал это почти легко, но никто из них не ошибся в тоне. Сахан снова перевёл взгляд на лес.

— След был у северной тропы. До неё не доходите.

— Мы пойдём только до первой, — ответил Эсхиан.

— И вернётесь до заката.

— Раньше.

— Если почувствуешь ветер не с её стороны, уходите сразу.

Эсхиан кивнул. Риис посмотрел то на одного, то на другого.

— Замечательно. Теперь прогулка звучит так, будто мы отправляем её не к деревьям, а на переговоры с голодной пропастью.

— Ты можешь пойти вместо меня, — сказал Эсхиан.

Риис тут же поднял ладони.

— Нет уж. Она попросила тебя. А я не настолько самоотвержен, чтобы вставать между женщиной и змеем-драконом, который делает вид, что совсем не рад её просьбе.

Эсхиан ничего не ответил. Но Риис вдруг улыбнулся чуть мягче.

— Иди. Только смотри в оба.

— Смотрю.

— Нет, — Риис покачал головой. — Обычно ты смотришь так, будто всё вокруг уже решил заранее. Сейчас смотри иначе.

Эсхиан на мгновение задержал на нём взгляд.

— Как?

Риис убрал улыбку.

— Как будто можешь ошибиться.

Пауза вышла короткой, но настоящей. Даже Сахан посмотрел на Рииса внимательнее. Эсхиан не стал спорить. Только медленно кивнул.

— Хорошо.

Сверху снова послышался лёгкий скрип. Все трое одновременно подняли головы. Шиара ещё не спускалась. Но уже была ближе к двери своей комнаты. Риис первым вернул на лицо улыбку — не такую яркую, как прежде, но достаточно похожую на обычную, чтобы не выдать разговора сразу.

— Ну что ж, — произнёс он вполголоса. — Будем считать, что у нас обычная прогулка. Лес, свежий воздух, возможная чужая тень у северной тропы. Ничего необычного для этого дома.

Сахан посмотрел на него.

— Не говори ей.

— Я похож на человека, который рассказывает женщинам всё самое тревожное перед тем, как они расчёсывают воло-

сы?

— Да.

Риис моргнул.

— Это было обидно.

— Это было точно.

На этот раз даже Эсхиан едва заметно улыбнулся. Напряжение не исчезло, но стало легче дышать. Не потому, что опасность оказалась меньше, а потому что каждый уже занял своё место: Сахан предупредил, Риис заметил лишнее, Эсхиан принял ответственность. Сверху раздался тихий звук — будто гребень упал на пол. Эсхиан сразу повернулся к лестнице. Риис не удержался:

— Похоже, лесная фея вступила в первый бой. С волосами.

Сахан спокойно сказал:

— Иди.

Эсхиан уже шёл к лестнице. Но у первой ступени остановился и оглянулся.

— Если что-то изменится во дворе...

— Позовём, — сказал Сахан.

Риис добавил:

— Или закричим очень мужественно. Зависит от того, что именно изменится.

Эсхиан поднялся наверх. Его шаги были тихими, почти неслышными. Внизу снова остались Сахан, Риис, утренний свет и окно, за которым лес выглядел таким же спокойным,

как прежде. Только теперь это спокойствие уже никого из них не обманывало.

Наверху Шиара стояла перед небольшим мутным зеркалом и пыталась понять, с чего начать. Платье она уже нашла. Оно лежало на стуле у кровати, аккуратно сложенное, будто кто-то заранее подумал, что ей понадобится выйти из комнаты. Простое, светлое, без лишних украшений, но плотнее домашнего. Рядом оказалась тёплая накидка и узкая лента для волос. Всё было приготовлено молча, без объяснений. И именно это смутило Шиару сильнее, чем если бы кто-то принёс одежду лично.

Она переоделась не сразу. Сначала долго смотрела на платье, потом всё-таки сняла домашнее и надела чистое. Ткань легла на плечи мягко, немного непривычно. В прошлой жизни она никогда не носила ничего подобного, но тело знало, как завязать пояс, как расправить складки, как поправить ворот, чтобы он не тянул кожу. Чужие привычки жили в пальцах. Это было неприятно — и полезно. С платьем она справилась. С накидкой тоже. А вот волосы оказались настоящим испытанием.

Шиара взяла гребень со стола и провела им по тёмной пряди. Сначала всё шло легко, но у плеч гребень застрял в спутанном узле. Она осторожно потянула, затем сильнее — и тут же поморщилась.

— Замечательно, — пробормотала она.

Волосы, будто услышав, решили сопротивляться ещё

упорнее. Она попробовала разделить пряди пальцами, но только запутала сильнее. После сна, вчерашней слабости и всего, что произошло во дворе, они сбились тяжёлой тёмной волной, красивой только издали. Вблизи это была не красота, а наказание. Шиара снова потянула гребень. На этот раз слишком резко. Боль кольнула кожу головы, и она невольно выронила гребень. Он упал на пол с тихим деревянным стуком. Шиара закрыла глаза. Ей захотелось рассмеяться.

И почти сразу — расплакаться. Из-за волос. Из-за глупых, спутанных волос, с которыми прежняя Шиара, наверное, справлялась не задумываясь. Из-за того, что тело помнило, как надевать платье, но она сама не знала, как быть хозяйкой этого тела. Из-за того, что лес звал, мужчины ждали, а она стояла посреди комнаты и не могла привести себя в порядок. Раздался тихий стук. Шиара резко открыла глаза.

— Шиара? — голос Эсхиана прозвучал из-за двери. — Можно войти?

Он не открыл дверь сразу, не заглянул и не решил за неё, что имеет право войти. От этого простого ожидания у неё снова стало тесно в груди.

— Да, — ответила она, чуть тише, чем хотела. — Войди.

Дверь открылась. Эсхиан остановился на пороге и сначала посмотрел не на неё, а на пол — туда, где лежал гребень. Потом поднял взгляд. Шиара очень ясно почувствовала, как выглядит: в чистом платье, но с распущенными спутанными волосами, с покрасневшими щеками и слишком раздражён-

ным выражением лица для женщины, которая всего лишь собиралась на короткую прогулку.

— Я справляюсь, — сказала она сразу.

Эсхиан опустил глаза на гребень. Потом снова посмотрел на неё.

— Вижу.

В его голосе не было насмешки. И всё же Шиара услышала в этом “вижу” столько спокойной правды, что невольно прикусила губу.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Но мог бы.

— Мог бы, — согласился он. — Но не стану.

Она посмотрела на него с неожиданным подозрением.

— Почему?

Эсхиан вошёл в комнату и поднял гребень с пола.

— Потому что волосы иногда опаснее веток.

Шиара не удержалась и тихо фыркнула. Смешок вышел короткий, почти сердитый, но он всё равно снял часть напряжения. Эсхиан держал гребень в руке, не подходя ближе без разрешения.

— Позволишь? — спросил он.

Шиара не сразу поняла.

— Что?

— Помочь.

Слово было простым. Но в комнате от него стало тише.

Шиара посмотрела на гребень в его руке, потом на своё отражение в зеркале. Внутри тут же поднялась неловкость. Не резкая, не пугающая — скорее непривычная. Она уже позволяла ему поддерживать себя, когда слабость подкашивала ноги. Но это было другое. Там была необходимость. Здесь — близость, которой можно было избежать. Наверное. Если бы она не устала бороться с собственными волосами.

— Ты умеешь? — спросила она осторожно.

— Не особенно.

Ответ был таким честным, что Шиара растерялась. Эсхиан добавил:

— Но я буду осторожен.

И именно это решило всё. Шиара медленно повернулась к зеркалу и села на край стула.

— Хорошо.

Эсхиан подошёл не сразу. Сначала положил гребень на ладонь удобнее, словно этот простой предмет требовал не меньшей осторожности, чем тонкий клинок. Потом встал за её спиной. Шиара увидела его в зеркале. Высокий, спокойный, в зелёной одежде, с тёмными волосами, чуть тронутыми утренним светом. Он стоял близко, но не слишком. Так, чтобы помочь — и всё же оставить ей пространство. Она была ему за это благодарна. Эсхиан осторожно взял первую прядь.

Его пальцы почти не коснулись её шеи, но Шиара всё равно почувствовала это слишком остро. По коже прошла лёг-

кая дрожь. Она тут же выпрямилась, пытаясь сделать вид, что ничего не произошло. Эсхиан заметил. Конечно, заметил.

— Больно? — спросил он.

— Нет.

— Тогда я продолжу?

Шиара кивнула. Гребень медленно прошёл по волосам. Эсхиан не торопился. Он отделял пряди осторожно, иногда задерживался на спутанных местах и распутывал их пальцами, прежде чем снова провести гребнем. Получалось у него не слишком быстро. Иногда он останавливался, будто боялся дёрнуть сильнее нужного. Но больно не было. И именно это смущало сильнее всего.

Шиара смотрела в зеркало и не знала, куда деть взгляд. На себя смотреть было странно. На него — ещё страннее. Поэтому она выбрала узор на деревянной раме зеркала и попыталась сосредоточиться на нём. Не получилось. Она слишком ясно слышала его дыхание за спиной. Тихое, ровное. Чувствовала, как рядом едва движется воздух. Видела в отражении его руки — сильные, спокойные, удивительно бережные для человека, который ещё вчера был огромным змеем-драконом с тёмной чешуёй и духовным морем, полным бури.

Мысль об этом заставила её сердце дрогнуть. Эсхиан как раз распутывал прядь у её плеча. Его пальцы двигались медленно, почти невесомо. Шиара вдруг подумала, что не знает,

расчёсывал ли кто-нибудь волосы прежней Шиаре. Наверное, да. У женщины с таким лицом, с таким положением и с такой прошлой жизнью наверняка были служанки, украшения, ленты, зеркала лучше этого. Кто-то наверняка касался её волос, заплетал их, укладывал, готовил к выходам, встречам, церемониям. Но Шиаре казалось: если это и было, то иначе.

С привычкой. С обязанностью. Может быть, с осторожностью, продиктованной страхом. А здесь не было ни страха, ни власти, ни ожидания благодарности. Только Эсхиан, который стоял за её спиной и так бережно распутывал волосы, будто они были чем-то ценным. Она опустила глаза.

— Ты слишком осторожен, — сказала она тихо.

— Это плохо?

— Нет.

Он продолжил молча. У окна дрогнула занавеска. Ветер вошёл в комнату, но совсем слабый, почти тёплый. Он коснулся распущенных волос, чуть приподнял несколько прядей и тут же стих, будто тоже не хотел мешать. Внутри Шиары тихо откликнулась зелёная нить. Не как зов леса. Иначе. Мягче. Словно сила узнала присутствие Эсхиана рядом и на мгновение успокоилась. Шиара задержала дыхание.

— Что-то изменилось? — спросил он.

Она едва заметно улыбнулась.

— Ты спрашиваешь это так, будто ждёшь, что я начну светиться.

— После вчерашнего я готов рассмотреть и такой вариант.

Шиара подняла глаза на его отражение. В этот раз улыбка появилась у неё сама.

— Нет. Я не свечусь.

— Хорошо.

— Хорошо?

— В комнате и так достаточно света.

Она не сразу поняла, что он сказал. А когда поняла, щеки снова потеплели. Эсхиан больше ничего не добавил. Просто продолжил расчёсывать её волосы, будто не произнёс ничего особенного. Может быть, для него это и правда было не признанием, не комплиментом, а обычной спокойной правдой. И от этого фраза стала ещё опаснее. Наконец гребень прошёл сквозь волосы свободно.

Эсхиан отложил его на стол и взял ленту. Некоторое время он просто смотрел на тёмные пряди, словно решал, как лучше их собрать. Потом осторожно отвёл волосы назад и перевязал их у основания шеи. Не туго и не нарочито красиво. Просто так, чтобы они не мешали в лесу. Шиара посмотрела на отражение. Она не стала другой, увереннее или похожей на прежнюю Шиару, которая, наверное, знала, как держаться перед зеркалом.

Но теперь лицо казалось спокойнее. Волосы больше не падали на глаза, платье сидело ровно, а внутри вместо раздражения осталась тихая, смущённая благодарность. Эсхиан убрал руки и сразу отступил на полшага.

— Готово.

Шиара поднялась не сразу. Ей хотелось продлить эту короткую паузу. Не прикосновение — оно уже закончилось, а то ощущение, которое осталось после него. Бережность без требования. Близость без давления. Она повернулась к нему.

— Спасибо.

Эсхиан посмотрел на неё. На этот раз улыбка появилась почти ясно. Всё ещё сдержанная, но уже не спрятанная до конца.

— Нам пора.

Практичная, обычная фраза. Но Шиара слышала в ней больше, чем он, возможно, собирался сказать. Она кивнула и взяла накидку. За окном лес всё ещё ждал.

Когда Шиара и Эсхиан спустились вниз, в большой комнате стало немного тише. Не резко: просто разговор, который до этого шёл между Саханом и Риисом, оборвался сам собой. Шиара остановилась на последней ступени и невольно сжала пальцами край платья. Ей показалось, что мужчины смотрят на неё слишком внимательно. Хотя, если быть честной, Риис смотрел скорее с интересом, Сахан — как всегда спокойно, а Эсхиан стоял рядом так, будто вообще не видел причин для её смущения. И именно это смущало сильнее всего.

Риис первым нарушил молчание.

— О, — протянул он, оглядев её с головы до ног. — Теперь лесная фея ещё и подготовлена к торжественному явлению деревьям.

Шиара почувствовала, как щеки снова теплеют.

— Я же сказала, что не собираюсь становиться феей.

— Все так говорят перед тем, как исчезнуть в лесу и вернуться с венком из листьев.

— Если я вернусь с венком, — осторожно сказала Шиара, — ты первый его примеришь.

Риис замер. Потом медленно повернулся к Сахану.

— Ты слышал?

Сахан посмотрел на него.

— Да.

— Она мне угрожает.

— Нет.

— Почему нет?

— Это было предупреждение.

Шиара не удержалась и улыбнулась. Риис приложил ладонь к груди с таким видом, будто его только что смертельно ранили.

— Вот значит как. Я один в этом доме пытаюсь сохранить лёгкость общения, а вы уже объединяетесь против меня.

— Ты сам начал, — сказала Шиара.

Риис взглянул на неё, и в его глазах на миг мелькнуло что-то живое, почти довольное. Будто её ответ оказался именно тем, чего он хотел: не покорной неловкостью, не испуганным молчанием, а маленьким движением навстречу.

— Запомню, — сказал он. — Наша жена опасна не только духовной силой, но и ответными ударами.

Эсхиан спокойно взял со стула её накидку и подал ей.

— Надень.

Шиара приняла накидку, но не сразу справилась с завязками. После сцены наверху пальцы всё ещё были немного неловкими, и лента никак не хотела ложиться правильно. Эсхиан сделал шаг ближе.

— Можно?

Она кивнула. Он поправил завязку быстро, почти буднично. Только пальцы его двигались всё так же осторожно, как несколько минут назад, когда он держал в руках её волосы. Шиара опустила глаза, чтобы не смотреть на его лицо слишком долго. Риис, конечно, заметил и это. Но на этот раз промолчал. Сахан стоял у двери. Его взгляд задержался на Шиаре не так, как взгляд Рииса. Он не рассматривал её. Не отмечал перемен в одежде или волосах. Просто проверял: не слишком ли бледная, ровно ли держится, не дрожат ли руки.

— Слабость есть? — спросил он.

Шиара немного удивилась прямому вопросу.

— Нет. Почти нет.

— Голова?

— Не кружится.

Сахан кивнул. Одного этого короткого движения хватило, чтобы ей стало спокойнее. Не похвала и не разрешение. Скорее молчаливое признание: сейчас она действительно может выйти. Эсхиан открыл дверь. В дом сразу вошёл свежий воздух. Не сильный, но живой. Он принёс запах двора, влажной

земли, дров, отодвинутой к колоде добычи и чего-то ещё — дальнего, зелёного, терпеливо ожидающего за забором. Лес. Шиара почувствовала его сразу.

Зов не стал сильнее резко. Он просто оказался ближе, как если бы дверь открылась не только во двор, но и внутрь неё самой. Где-то в груди тихо дрогнула зелёная нить. Она осталась на пороге. Эсхиан заметил.

— Уже сильнее?

Шиара прислушалась к себе.

— Нет, — сказала она. — Просто яснее.

Риис за её спиной тихо выдохнул.

— Вот это звучит одновременно красиво и очень неприятно.

— Риис, — сказал Эсхиан.

— Я молчу.

— Ты уже сказал.

— Тогда молчу дальше.

Шиара оглянулась на него.

— Ты всегда так много говоришь, когда тревожишься?

Риис поднял брови. На этот раз молчание длилось дольше обычного. Потом он улыбнулся.

— Осторожнее, Шиара. Ещё немного, и я решу, что ты начинаешь меня понимать.

Она не знала, что ответить. В его голосе снова была шутка, но под ней на мгновение проступило нечто другое. Не теплее. Не мягче. Просто честнее. Сахан открыл дверь шире.

— Идите.

Просто одно слово. Но в нём не было торопливости. Только напоминание: если решили выйти, лучше не стоять на пороге слишком долго. Эсхиан первым шагнул во двор, потом обернулся и протянул Шиаре руку. Он не взял её сам. Просто предложил. Шиара посмотрела на его ладонь. Ещё утром такое движение заставило бы её растеряться сильнее. Сейчас тоже заставило, но иначе. Внутри поднялось не беспокойство, а тихое, почти робкое доверие. Она вложила пальцы в его ладонь. Тепло, надёжно, без нажима.

Эсхиан помог ей спуститься с порога на землю и сразу ослабил прикосновение, позволяя идти самой. Шиара была благодарна за это больше, чем могла объяснить. Двор после комнаты казался слишком ярким. Солнце лежало на траве мягкими пятнами. У колоды всё ещё оставались следы охоты, но Риис уже успел отодвинуть добычу в сторону, и взгляд не цеплялся за неё сразу. Воздух пах работой, зверем, свежей землёй и дымом из очага. А дальше, за забором, начинался лес. Шиара невольно остановилась.

Он не выглядел страшным. Деревья стояли спокойно, ветви слегка качались, между стволами ложились полосы света. Обычный лес — почти. Только теперь она чувствовала за этой обычностью дыхание. Не человеческое и не звериное — глубокое, медленное, зелёное. Будто земля под корнями знала о ней больше, чем она сама. Эсхиан встал рядом.

— Недалеко, — напомнил он.

Шиара кивнула.

— До первой тропы.

— И если что-то изменится...

— Я скажу.

Он посмотрел на неё, будто хотел убедиться, что она не просто повторяет его слова. Шиара выдержала взгляд.

— Правда скажу.

Только тогда Эсхиан едва заметно кивнул. Позади Риис прислонился к дверному косяку.

— Ну что ж, — произнёс он, — если деревья начнут задавать вопросы, не отвечай сразу. Сначала уточни, кто их прислал.

Шиара обернулась.

— Разве деревья могут задавать вопросы?

— После вчерашнего я уже ничему не удивлюсь.

Сахан стоял рядом с ним, молчаливый и прямой. Его взгляд на мгновение задержался не на Шиаре, а на линии леса. Очень коротко. Почти незаметно. Но Эсхиан это увидел. Шиара — тоже. Она не поняла смысла этого взгляда, но внутри что-то тихо насторожилось. Не страх — скорее ощущение, что за лёгкими словами и шутками в доме осталось нечто невысказанное. Эсхиан мягко коснулся её локтя.

— Пойдём.

Шиара снова посмотрела на лес. Зов стал тише. И от этого — ближе. Она сделала первый шаг. Потом второй. Трава под ногами оказалась мягкой и чуть влажной. Где-то за спи-

ной Риис сказал что-то Сахану, но слова быстро растворились в воздухе. Дом остался позади не сразу — ещё чувствовались его стены, открытая дверь, взгляды мужчин у порога. Но впереди уже ждала тропа. И лес, казалось, впервые за всё утро перестал просто молчать. Он слушал.

До забора они дошли медленно. Эсхиан не торопил её. Шёл рядом, чуть сбоку, так, чтобы Шиара могла идти сама, но при необходимости сразу опереться на его руку. Он не предлагал помощь вслух. И это было правильно. Ей не хотелось снова чувствовать себя слабой. Хотя слабость всё ещё была. Она пряталась где-то в теле, напоминала о себе лёгкой тяжестью в ногах, но больше не управляла каждым движением. Сейчас сильнее было другое — зов. У калитки Шиара остановилась.

Лес начинался совсем близко. За узкой полосой травы, за старой деревянной оградой, за тропинкой, утоптанной чужими шагами, стояли деревья. Не особенно высокие у края, но дальше, в глубине, стволы становились темнее, гуще, и между ними уже лежала прохладная тень. Обычный лес. Она повторила это про себя почти упрямо. Обычный. Но внутри всё равно дрогнула зелёная нить. Эсхиан открыл калитку.

Дерево тихо скрипнуло, и этот звук показался Шиаре важным. Будто она переступала не простую границу между двором и тропой, а что-то куда более тонкое.

— Всё хорошо? — спросил Эсхиан.

Шиара кивнула.

— Да.

И шагнула за ограду. Сначала ничего не произошло. Свет не вспыхнул, ветер не поднялся, деревья не зашевелились сильнее обычного. Под ногами была та же влажная трава, впереди — та же тропа, рядом — Эсхиан, спокойный и внимательный. Шиара даже успела почувствовать неловкость. Может быть, она всё выдумала.

Может быть, после вчерашнего ей просто казалось, что сила внутри должна вести себя необычно. Может быть, лес был всего лишь лесом, а её желание выйти — обычной потребностью вдохнуть свежий воздух после долгого утра в доме. Она сделала ещё шаг. И тогда лес ответил. Не громко и не явно. Просто воздух вокруг стал глубже.

Шиара остановилась. Вдохнула — и почувствовала запах влажной коры так отчётливо, будто прижалась щекой к стволу дерева. Земля пахла тенью, прошлогодними листьями, корнями, водой, скрытой под слоем почвы. Где-то совсем близко шелестнула трава, но звук не испугал её. Напротив, от него внутри стало тише. Зелёная нить потянулась вперёд. Шиара посмотрела на ближайшее дерево.

Невысокая старая сосна росла немного в стороне от тропы. Кора на её стволе была тёмной, неровной, с застывшими каплями смолы. Ничего особенного. И всё же Шиара вдруг поняла, что хочет коснуться именно её.

— Можно? — спросила она тихо.

Эсхиан проследил за её взглядом.

— Только осторожно.

Она подошла к сосне. Медленно, почти смущённо, будто боялась потревожить живое существо. Подняла руку и коснулась коры кончиками пальцев. Кора оказалась тёплой. Шиара ожидала холода, шероховатости, сухости. Всё это тоже было. Но под пальцами ощущалось другое — не движение в привычном смысле, а медленная жизнь. Глубокая. Скрытая. Такая неторопливая, что человеческое сердце рядом с ней казалось слишком быстрым. Она задержала дыхание. Где-то под корой шёл сок.

Не так, как течёт вода, и не так, как кровь: медленнее, спокойнее. Он поднимался из глубины земли, проходил через ствол, уходил в ветви, в иглы, в солнечный свет. Шиара закрыла глаза. На мгновение ей показалось, что она чувствует не только дерево. Рядом были другие корни. Дальше — ещё. Они не сплетались в слова, не говорили с ней, но весь лес вдруг стал похож на огромное дыхание, где каждое дерево знало о соседнем, а земля хранила все шаги, упавшие листья и прошедшие дожди. Это было красиво. И страшно.

Потому что в этом было слишком много жизни.

— Шиара.

Голос Эсхиана вернул её мягко, но сразу. Она открыла глаза.

— Я здесь, — сказала она.

Он стоял рядом, не касаясь её, но взгляд его был настороженным.

— Что ты чувствуешь?

Шиара не отняла ладонь от коры.

— Не знаю, как объяснить.

— Попробуй.

Она прислушалась.

— Будто дерево живое не только снаружи. Будто я чувствую, как оно... помнит землю.

Слова прозвучали странно. Но Эсхиан не усмехнулся.

— Тебя тянет дальше?

Шиара хотела ответить сразу, что нет. И не смогла. Потому что зов действительно стал глубже. Не сильнее, не опаснее, а именно глубже. Теперь он шёл не от края леса, а откуда-то дальше, из прохладной тени между стволами. Она медленно убрала руку от сосны.

— Немного.

Эсхиан посмотрел в сторону тропы.

— Тогда остановимся здесь.

Шиара повернулась к нему.

— Но я только...

— Ты обещала сказать, если что-то изменится.

Она замолчала. Он не говорил жёстко. Не упрекал. Просто напомнил о том, на что она сама согласилась. И от этого спорить было почти невозможно.

— Я сказала, — тихо возразила она. — Но это не значит, что мне плохо.

— Я знаю.

— И не страшно.

— Это тоже знаю.

Шиара посмотрела на него внимательнее.

— Тогда почему?

Эсхиан не ответил сразу. Ветер прошёл между деревьями, поднял несколько сухих иголок у корней сосны и снова стих. Шиара вдруг заметила, что он смотрит не на неё. А чуть дальше. Туда, где тропа сворачивала за старый кустарник.

— Потому что лес не только тебя слышит, — сказал он.

От этих слов по коже прошёл холодок. Шиара медленно повернула голову. Сначала она ничего не увидела: только деревья, светлые пятна на траве, неровные корни и сухую ветку у тропы. Всё казалось обычным. Потом где-то в глубине леса затихла птица. Не замолчала постепенно — оборвала пение сразу. Шиара почувствовала, как Эсхиан стал ближе. Он не взял её за руку, но теперь стоял так, что между ней и тропой оказался почти незаметный угол его плеча.

— Нам лучше вернуться? — спросила она.

Сама удивилась, что сказала это первой. Эсхиан посмотрел на неё. В его взгляде мелькнуло одобрение. Очень сдержанное, почти незаметное, но Шиара всё равно его увидела.

— Не сразу, — сказал он. — Медленно.

Почему-то именно это “медленно” испугало сильнее, чем если бы он приказал бежать. Шиара отступила на шаг от сосны. Зелёная нить внутри неё дрогнула, словно была недовольна. Не больно и не резко — скорее с сожалением, будто

лес ещё не успел сказать всё, что хотел. Она сжала пальцы.

— Он не хочет, чтобы я уходила.

— Лес?

— Не знаю.

Эсхиан чуть повернул голову, прислушиваясь.

— Тогда тем более уйдём сейчас.

Шиара кивнула. Они сделали несколько шагов назад по тропе. Дом был виден за оградой. Не полностью — только крыша, край стены, открытая дверь, у которой всё ещё стояли Сахан и Риис. Шиара не могла разобрать их лиц, но знала, что они смотрят сюда. Это должно было успокоить. И почти успокоило. Пока взгляд Эсхиана снова не скользнул в сторону. На этот раз Шиара проследила за ним.

У корней старой сосны, немного глубже той, к которой она прикасалась, земля была примята. Очень слабо. Так, что она сама никогда бы не заметила. Но теперь, когда Эсхиан смотрел именно туда, след стал очевиднее. Будто кто-то стоял между деревьями. Недолго, но недавно. Шиара почувствовала, как всё внутри стало тише.

— Это зверь? — спросила она.

Эсхиан не сразу ответил. И этого было достаточно. Ветер на мгновение прошёл по траве, качнул ветви, коснулся её накидки и тут же ушёл дальше, к дому.

— Нет, — сказал он.

Шиара медленно выдохнула. Лес вокруг снова казался обычным. Птицы молчали. Сосна под её пальцами уже оста-

лась позади. Зов внутри не исчез, но стал осторожнее, будто тоже почувствовал чужое присутствие. Эсхиан взял её за руку. На этот раз не спросил. Но прикосновение было лёгким, не властным. Скорее быстрым обещанием: сейчас — нужно. Шиара не стала отнимать ладонь.

— Пойдём, — сказал он тихо.

Они повернули обратно. За спиной лес оставался неподвижным. Но теперь Шиаре казалось, что он больше не просто слушает. Он что-то скрывает.



Глава 6 - Чужой след

Глава 6. Чужой след

До калитки оставалось совсем немного.

Шиара уже видела двор, открытую дверь дома и две фигуры у порога. Сахан стоял неподвижно, прямой и собранный, а Риис рядом с ним больше не улыбался. Даже издалека было понятно: смотрят они не на неё. На лес.

Эсхиан шёл рядом, держа её за руку. Его пальцы не сжимали её крепко, но Шиара чувствовала: стоит ей оступиться — он удержит. От этого становилось чуть спокойнее.

Только лес за спиной не отпускал.

Он молчал слишком ровно. Слишком глубоко.

Шиара старалась не оборачиваться. Она уже сказала, что пойдёт обратно. Согласилась. Поняла. Но где-то внутри зелёная нить всё ещё тянулась назад, к сосне, к корням, к тому странному живому дыханию, которое на миг открылось ей под корой.

Потом позади что-то шевельнулось.

Не ветка. Не птица. Звук был ниже, тяжелее, будто по влажной земле сдвинулось что-то большое.

Шиара остановилась.

— Эсхиан...

Он повернул голову раньше, чем она успела договорить.

В следующую секунду кустарник у тропы вздрогнул.

Несколько сухих веток хрустнули разом, и из тени между деревьями вырвалась тёмная громада.

Шиара вскрикнула.

Она не успела рассмотреть тварь сразу. Только движение — быстрое, тяжёлое, невозможное для такого огромного тела. Чёрная шкура, длинная пасть, блеск клыков, что-то острое на хребте. И глаза. Узкие, мутные, без звериного страха.

Эсхиан отпустил её руку только для того, чтобы в тот же миг оказаться перед ней.

Шиара даже не поняла, как он успел. Ещё мгновение назад он стоял рядом, а теперь заслонял её собой, чуть наклонившись вперёд, словно сам воздух вокруг него стал преградой.

— Назад, — сказал он.

Голос был тихим, но таким, что спорить с ним не хотелось.

Шиара сделала шаг назад. Нога зацепилась за корень, она едва удержалась, но взгляд от твари оторвать не смогла.

Та уже выбралась на тропу.

Ростом почти в два человека, с тёмной шкурой, по которой свет не скользил, а тонул. Вдоль хребта торчали острые шипы — длинные, неровные, похожие на обломки чёрного камня. Пасть была раскрыта, и с клыков тянулись густые нити слюны. Там, где они падали на траву, зелень темнела, сворачивалась и начинала дымиться.

От тела твари исходило слабое марево.

Не жар. Не пар.

Искажение.

Воздух вокруг неё дрожал так, будто сам лес не хотел принимать это существо в себя.

Шиара почувствовала, как холод проходит по спине.

Тварь не смотрела на Эсхиана.

Она смотрела на неё.

Это было самое страшное. Не рычание, не клыки, не ядовитая слюна, прожигающая землю, а то, что среди всего живого вокруг это существо сразу выбрало её.

Эсхиан тоже понял.

Ветер ударил по траве.

Шиара зажмурилась от резкого порыва, а когда снова открыла глаза, перед ней уже не было мужчины в зелёной одежде.

Между ней и тварью изгибалось огромное тело змея-дракона.

Тёмная чешуя вспыхнула холодным блеском. Длинное тело скользнуло по траве, кольца на миг сжались, затем распрямились с такой скоростью, что Шиара увидела только движение — гибкое, стремительное, почти невесомое для существа таких размеров.

Змей-дракон рванулся наперерез.

Тварь бросилась вперёд.

Всё произошло слишком быстро.

Эсхиан ударил первым.

Хвост рассёк воздух, и вслед за движением сорвались тонкие прозрачные клинки ветра. Они врезались в тварь сбоку. Раздался сухой скрежет, будто лезвия прошли не по плоти, а по камню. Тёмная шкура выдержала, но тварь всё же качнулась, сбилась с рывка и зарычала.

Земля под ногами Шиары дрогнула.

Она отступила ещё на шаг.

Сердце уже билось быстро, но страх будто запаздывал. Всё было слишком стремительным, слишком нереальным. Вчера Эсхиан лежал на траве израненным, почти сломленным хаосом внутри собственного духовного моря, а сейчас сам был бурей.

Тварь ударила когтями.

Эсхиан ушёл в сторону одним текучим изгибом. Когти рассекли воздух там, где только что была его чешуя. Змеиное тело скользнуло по земле, хвост снова взметнулся, и новый поток ветряных клинков ударил твари в плечо.

На этот раз она взвыла.

Не от боли.

От ярости.

Шипы на её хребте дрогнули.

Эсхиан резко повернул голову.

В тот же миг несколько чёрных шипов сорвались с хребта твари и полетели вперёд.

Не в него.

К Шиаре.

Она увидела их слишком поздно: тёмные острые линии, рассекающие воздух. Даже руки поднять не успела.

Перед ней метнулась тень.

Хвост змея-дракона ударил по земле, поднимая вихрь. Воздух завертелся плотной стеной, и шипы врезались в неё с глухими ударами. Один пролетел сбоку, совсем близко, и впился в землю у её ноги.

Трава вокруг него мгновенно почернела.

Шиара застыла.

Эсхиан обернулся лишь на краткий миг, но этого хватило, чтобы она поняла: он увидел, как близко прошёл удар.

И после этого бой изменился.

До этой секунды он сдерживал тварь.

Теперь начал убивать.

Змей-дракон рванулся вперёд так быстро, что трава легла волной по обе стороны от его тела. Ветер сорвался вокруг него кольцом, потом вторым, третьим. Клинки больше не летели отдельными ударами — они закружились вокруг твари, тонкие, прозрачные, злые.

Тварь метнулась в сторону, плюнула ядом.

Густая тёмная слюна ударила в землю. Трава зашипела, почва почернела, над тропой поднялся едкий пар. Шиара закашлялась и прикрыла рот рукавом.

Эсхиан прошёл сквозь этот пар, не останавливаясь.

Не прямо.

По дуге.

Его длинное тело скользило вокруг твари, то приближаясь, то исчезая за вихрем поднятой травы и пыли. Это и правда было похоже на танец. Только в каждом движении жила смерть.

Тварь разворачивалась за ним, пыталась ударить когтями, снова плевалась ядом, метала шипы, но всё время опаздывала. На полшага. На одно дыхание. На один поворот гибкого тела.

Эсхиан изматывал её.

Заставлял бросаться. Ошибаться. Раскрываться.

Шиара стояла у тропы и не могла сдвинуться. Она понимала, что должна бежать к дому, что Сахан и Риис наверняка уже мчатся сюда, что Эсхиан приказал ей отступить. Но ноги не слушались.

Мир сузился до тёмной твари, змея-дракона и ветра, который резал воздух так резко, что казалось — сам лес втянул дыхание и больше не решается выдохнуть.

Тварь вдруг пригнулась.

Эсхиан повернул слишком поздно.

Или так показалось Шиаре.

Монстр бросился вперёд, всем весом, с раскрытой пастью и шипами, прижатыми вдоль хребта. На этот раз он не пытался достать змея-дракона когтями. Он хотел прорваться мимо.

К ней.

Шиара наконец смогла пошевелиться.

Сделала шаг назад.

Потом ещё один.

Эсхиан оказался быстрее.

Его тело резко увеличилось, словно ветер сам наполнил каждое кольцо силой. Длинная тёмная спираль сомкнулась вокруг твари в тот самый миг, когда та почти вырвалась за пределы вихря.

Монстр взревел.

Когти ударили по чешуе. Один из шипов с хрустом сломался. Ядовитая слюна брызнула на траву, прожигая землю рядом с кольцами змея-дракона.

Эсхиан не отпустил.

Кольца сжались.

Раздался глухой треск.

Тварь дёрнулась. Ещё раз. Потом её рычание оборвалось.

Марево вокруг тёмного тела дрогнуло, вспыхнуло мутной рябью и начало гаснуть, словно кто-то выдавил из него последнюю чужую силу.

И только тогда Шиара поняла, что всё закончилось.

Слишком быстро.

Слишком резко.

Она стояла на месте, не чувствуя пальцев. В ушах стучала кровь. Дыхание стало коротким, неровным, будто она сама бежала, сражалась, падала и снова поднималась.

Но она не сделала почти ничего.

Только смотрела.

И теперь страх, опоздавший на несколько мгновений, наконец догнал её.

Шиара медленно перевела взгляд на чёрный шип у своей ноги.

Трава вокруг него была мёртвой.

Совсем мёртвой.

Её сердце ударило так сильно, что стало больно.

Со стороны дома раздался звериный рык.

Шиара резко обернулась.

К ним мчались Сахан и Риис.

Первым она увидела огонь.

Он метнулся по траве рыжим росчерком, низко, стремительно, почти не касаясь земли. На миг Шиаре показалось, что к ней несётся не зверь, а сорвавшееся с очага пламя. Потом пламя обрело форму: вытянутая морда, острые уши, гибкое тело, несколько хвостов, за которыми тянулись тонкие языки огня.

Риис.

Огненный лис оказался рядом с ней раньше, чем она успела сделать вдох.

Он не остановился перед ней — проскользнул чуть дальше и резко развернулся, становясь между Шиарой и лесом. Шерсть на загривке поднялась, хвосты раскрылись веером, и воздух вокруг сразу стал горячее. Не обжигаяще, но достаточно, чтобы Шиара почувствовала тепло спиной, лицом, ладонями.

Лис не оглянулся. Только глухо зарычал в сторону деревьев, и в этом звуке не было ни тени привычной насмешки.

Следом по тропе пронёсся Сахан.

Морозный волк двигался иначе. Не рывком пламени, а тяжёлой, точной силой. Каждый прыжок был коротким и мощным, лапы почти бесшумно касались земли, а за ним оставался тонкий след холода. Трава под его лапами темнела от инея, хотя солнце всё ещё лежало на ней тёплыми пятнами.

Он не остановился возле Шиары. Даже не посмотрел на неё. Просто рванул к Эсхиану и мёртвой твари, потому что там всё ещё могла быть опасность.

Шиара поняла это не сразу. Потом поняла — и именно от этого стало страшнее.

Риис защищал её.

Сахан проверял то, что могло подняться снова.

А Эсхиан всё ещё не отпускал мёртвое тело.

Змей-дракон лежал на траве тёмной, напряжённой спиралью. Его кольца сжимали тварь так плотно, что та казалась частью самой земли — сломанной, обездвиженной, чёрной. Марево вокруг неё почти исчезло, но иногда над шкурой ещё пробегала мутная рябь, похожая на последний больной выдох.

Эсхиан поднял голову.

Шиара не знала, смотрит ли он на неё или на лес за её спиной. В облике змея-дракона его взгляд был совсем иным — глубоким, нечеловеческим, слишком спокойным после толь-

ко что случившегося. И всё же она почувствовала: он видит её.

Видит, что она стоит.

Видит шип у её ноги.

Видит, как дрожат её пальцы.

Шиара попыталась вдохнуть глубже.

Не получилось.

Воздух будто застрял в груди.

Перед глазами стояла одна и та же картина: чёрный шип, воткнувшийся в землю рядом с её ногой, и трава вокруг него — мёртвая, сгоревшая не от огня, а от яда.

Если бы Эсхиан не успел...

Мысль не завершилась.

Тело поняло раньше разума. Колени вдруг стали слабыми.

Риис наконец повернул голову. Только чуть-чуть. Настолько, чтобы видеть её боковым зрением, но не оставить лес без внимания. В зверином облике он не мог говорить, но Шиара всё равно поняла жест: стой за мной.

Она сделала шаг ближе к нему.

От огненного лиса тянуло сухим теплом, дымом и чем-то живым, солнечным, будто рядом с ней поставили невидимую защитную стену. Страх не исчез, но перестал расползаться внутри так быстро.

Сахан уже был возле твари.

Морозный волк медленно обошёл тело по кругу. Не приближался слишком резко, не касался сразу. Нюхал воздух,

смотрел на почерневшую траву, на сломанный шип, на мутную рябь, которая всё ещё держалась над шкурой.

Потом волк остановился у головы твари.

Эсхиан разжал кольца.

Медленно.

Осторожно.

Будто и мёртвому телу всё ещё нельзя было доверять.

Тварь тяжело осела на землю. Это был глухой, неприятный звук — не падение зверя, а будто мокрый мешок с камнями ударился о траву. Шиара невольно вздрогнула.

Риис снова тихо зарычал.

Не на неё.

На тело.

Эсхиан поднялся выше, длинное змеиное тело скользнуло по траве, освобождая место Сахану. Чешуя шуршала почти бесшумно, но от этого звука у Шиары по коже прошла дрожь. Она помнила эту чешую под ладонью вчера — холодную, гладкую, израненную.

Сейчас в ней не было слабости.

Сейчас она была бронёй.

Сахан принял человеческий облик рядом с мёртвой тварью.

Превращение было коротким, почти незаметным. Там, где только что стоял морозный волк, уже находился мужчина в тёмной одежде, спокойный, собранный, с холодным взглядом. На траве у его ног тонко белел иней.

Он присел возле тела.

Не дотронулся голой рукой. Сначала поднял с земли короткую ветку и коснулся ею шипа на хребте твари. Кончик ветки почти сразу почернел.

Сахан нахмурился.

Совсем немного.

Но Шиара уже знала: для него это почти как крик.

— Яд, — сказал он.

Эсхиан в облике змея-дракона повернул голову к лесу.

Риис, всё ещё стоявший перед Шиарой, коротко фыркнул, и из его пасти вырвалась тонкая струйка огня. Она тут же исчезла в воздухе.

Сахан осмотрел пасть твари, потом один из сломанных шипов.

— Не трогайте, — сказал он.

Шиара не сразу поняла, к кому обращены эти слова. Наверное, ко всем. Но прозвучали они так, будто прежде всего — к ней.

Она сглотнула.

— Я и не собиралась.

Голос вышел тише, чем хотелось.

Риис повернул голову чуть сильнее.

В янтарных звериных глазах мелькнуло что-то почти человеческое. Не насмешка. Не привычная игра. Быстрая проверка: может ли она говорить, понимает ли, где находится, не падает ли.

Шиара попыталась выпрямиться.

Получилось не сразу.

Сахан поднялся.

— Она не должна была быть здесь.

Эсхиан наконец начал меняться.

Ветер прошёл по траве, поднял сухие иглы, сорвал с ветки несколько листьев. Огромное тело змея-дракона будто растворилось в движении воздуха: чешуя, длинные кольца, тяжёлый хвост — всё сместилось, свернулось, потеряло очертания. На месте зверя остался человек.

Эсхиан стоял рядом с мёртвой тварью.

Очень спокойный.

Слишком спокойный.

Зелёная одежда на нём была рассечена у плеча, ткань потемнела от крови — чёрной или его собственной, Шиара не могла понять. Волосы выбились из привычной гладкости, на лице осталась та же собранность, с которой он утром поправлял ей ленту на волосах.

И это несоответствие ударило сильнее всего.

Тот же человек.

Те же руки.

Только несколько мгновений назад эти руки были кольцами змея-дракона, сжавшими тварь до хруста.

— Ты ранен? — спросила Шиара.

Слова сорвались сами.

Эсхиан посмотрел на неё.

И впервые после боя что-то в его лице дрогнуло.

— Нет.

— Кровь...

— Не моя.

Ответ был коротким, но Шиара всё равно не успокоилась.

Она сделала шаг вперёд, забыв, что перед ней всё ещё стоял Риис. Огненный лис сразу сместился, мягко, но непреклонно перекрывая путь. Не толкнул. Не рычал на неё. Просто оказался на полшага ближе к лесу и чуть развернул хвосты так, что она снова осталась за ним.

Шиара остановилась.

— Риис...

Лис не обернулся.

Эсхиан понял без слов.

— Останься за ним.

Теперь в его голосе не было мягкости. Не грубость. Не приказ ради приказа. Но то самое спокойствие, с которым спорят только глупцы.

Шиара замолчала.

Сахан снова присел возле твари, на этот раз ближе к груди. Провёл рукой над шкурой, не касаясь её, будто проверял воздух. Потом посмотрел на Эсхиана.

— Марево не природное.

— Я почувствовал, — сказал Эсхиан.

— След тот же?

— Да.

Слова были короткими, и от этого становилось хуже.

Шиара смотрела на них, пытаясь уловить смысл. След тот же. Марево не природное. Тварь не должна была быть здесь. Всё складывалось в картину, которую она ещё не хотела видеть.

Это была не случайность.

Она медленно повернулась к лесу.

Деревья стояли спокойно. Свет между ветвями снова стал обычным. Птицы всё ещё молчали, но теперь это молчание не казалось живым ожиданием. Оно было пустым, осторожным, как после крика.

И где-то там, за стволами, по-прежнему тянулось то самое чувство.

Лес.

Зов.

Только теперь Шиара не знала, был ли он приглашением. Или приманкой.

Риис вдруг начал меняться.

Огонь вокруг него дрогнул, собрался ближе к телу, погас мягкими рыжими искрами. Вместо лиса перед Шиарой оказался мужчина. Волосы его были растрёпаны, в янтарных глазах ещё горело звериное напряжение, а привычная улыбка отсутствовала полностью.

Без неё Риис показался старше.

И опаснее.

— Дыши, — сказал он.

Шиара моргнула.

— Что?

— Дыши. Ты задерживаешь воздух.

Она не сразу поняла, что он прав. Только после его слов грудь болезненно сжалась, и она судорожно вдохнула.

Риис не стал её касаться. Просто встал рядом, так, чтобы закрывать от леса не хуже, чем в зверином облике.

— Хорошо, — сказал он уже тише. — Ещё раз.

Шиара вдохнула снова.

Воздух пах ядом, дымящейся травой и холодом, который оставил после себя Сахан. Где-то под этим держался запах леса — влажная кора, земля, зелёная жизнь. Но теперь к нему примешалось что-то чужое.

Горькое.

Неправильное.

Эсхиан перевёл взгляд на Рииса.

— Уведи её в дом.

Шиара сразу подняла голову.

— Я могу идти сама.

— Конечно можешь, — сказал Риис.

Голос у него снова стал почти лёгким.

Почти.

— Поэтому я просто пойду рядом и сделаю вид, что это моя идея.

Она посмотрела на него.

Риис попытался улыбнуться, но улыбка вышла слабой и

недолгой.

Эсхиан не сводил взгляда с леса.

— Сейчас.

Одно слово.

И в нём было достаточно причины.

Риис мягко коснулся локтя Шиары — не удерживая, только направляя.

— Пойдём.

Она сделала шаг.

Потом ещё один.

Тело наконец вспомнило, как двигаться. Ноги были ватными, но слушались. Риис шёл рядом, чуть впереди, всё ещё закрывая её от леса плечом. Шиара чувствовала исходящее от него тепло и почему-то держалась именно за него, хотя он даже не взял её под руку.

У калитки она оглянулась.

Эсхиан и Сахан стояли над мёртвой тварью. Между ними лежала почерневшая трава, сломанные шипы и тёмное тело, над которым ещё едва заметно дрожал воздух.

Сахан что-то сказал.

Слишком тихо, чтобы она разобрала.

Но Эсхиан ответил громче:

— Его привели.

Шиара застыла.

Риис тоже услышал.

Его рука на её локте стала чуть твёрже.

Сахан поднял голову и посмотрел в лес.

— И знали, куда она пойдёт.

Эти слова дошли до Шиары уже у самой калитки.

Тихие.

Ровные.

Страшные именно своей спокойностью.

Она снова посмотрела на деревья.

Лес больше не казался ей только живым. Он не перестал звать — где-то глубоко зелёная нить всё ещё тянулась к нему, тихо и упрямо. Но теперь рядом с этим зовом стояло другое знание.

Кто-то хотел, чтобы она вышла.

И кто-то был достаточно близко, чтобы ждать.



Глава 7 Красные искры

Глава 7. Красные искры

Шиара не сразу поняла, что Риис уже ведёт её к дому.

Ещё мгновение назад она стояла у калитки и смотрела туда, где Эсхиан и Сахан склонились над мёртвой тварью. Трава вокруг почернела от яда, воздух казался тяжёлым, а лес за их спинами стоял слишком тихий — не живой и зовущий, как прежде, а настороженный, будто сам прислушивался к тому, что останется после чужой смерти.

Она хотела обернуться ещё раз.

Риис мягко потянул её за собой.

— Не стоит.

Голос у него был лёгкий, почти прежний, но пальцы на её локте держались крепче, чем требовала простая вежливость.

Шиара моргнула.

— Что?

— Смотреть туда, — пояснил он. — Поверь, эта тварь и при жизни не украшала пейзаж. А сейчас и вовсе проиграла последнюю битву с красотой.

Она посмотрела на него.

Риис шёл рядом, чуть впереди, так, словно одним своим присутствием хотел заслонить её от всего, что могло последовать за ними из леса. Несмотря на всё случившееся, его одежда оставалась безупречной, а на губах держалась неиз-

менная улыбка. Не яркая, не беспечная, как прежде. Скорее нарочно лёгкая — такая, которую держат на лице, чтобы рядом кто-то другой не сорвался.

Шиара поняла это не сразу. А когда поняла, почему-то стало труднее дышать.

— Ты всегда шутишь после нападения? — спросила она тихо.

Риис вскинул брови.

— Нет. Иногда во время. Но сегодня я решил показаться воспитанным.

Ответ был настолько неожиданным, что Шиара невольно задержала на нём взгляд.

Он заметил. Конечно, заметил.

— Вот так лучше, — сказал он. — Смотри на меня. Я намного приятнее мёртвого чудовища. Во всяком случае, в большинстве освещений.

Она не улыбнулась, но уголки губ дрогнули сами собой.

Риис удовлетворённо кивнул, будто именно этого и добивался.

— Прекрасно. Ещё немного — и я смогу заявить, что внёс значительный вклад в твоё душевное равновесие. Сахан, конечно, скажет, что я просто слишком много говорю, но это от зависти. Он всю жизнь мечтал быть таким же разговорчивым.

Шиара невольно оглянулась на двор.

На этот раз Риис шагнул чуть ближе и заслонил ей обзор

плечом. Не резко. Просто оказался там, где нужно.

— Шиара.

Она подняла глаза.

Его улыбка осталась, но взгляд стал внимательнее.

— Дом там, — он кивнул вперёд. — Монстр там. Очень плохой выбор направления, если хочешь прожить спокойный день.

— Спокойный? — переспросила она.

— Ну... почти спокойный. Если не считать твари, яда, превращения Эсхиана, подозрительного следа и того факта, что я до сих пор не поел нормально. Последнее, кстати, может оказаться самым опасным.

Шиара выдохнула. На этот раз почти похоже на слабый смешок.

И сразу испугалась этого звука. После всего, что случилось, смеяться казалось неправильным. Неловким. Даже немного стыдным.

Риис, будто прочитав это по её лицу, фыркнул.

— Не делай такое выражение. Смех после ужаса не считается преступлением. Иногда это единственное, что не даёт ужасу решить, будто он победил.

Эти слова были сказаны легко. Но почему-то именно они задели глубже всех его шуток.

Шиара опустила взгляд на свои руки. Пальцы всё ещё были холодными. На коже остались следы коры, травы и чужой пыли. Она сжала их в кулак, потом разжала.

— Я не успела испугаться, — призналась она.

Риис не ответил сразу.

Они уже подходили к крыльцу. Деревянные ступени казались почти нелепо обычными после чёрной травы и разорванного марева. В доме за дверью было тихо. Эта тишина не пугала, но и не успокаивала до конца.

— Это нормально, — сказал Риис наконец. — Иногда страх приходит позже. Очень невежливо с его стороны, но что поделать.

Она посмотрела на него.

— Ты и страх будешь высмеивать?

— Обязательно. Иначе он слишком быстро начинает считать себя главным в комнате.

Риис поднялся на первую ступень, потом обернулся и протянул ей руку.

Шиара посмотрела на его ладонь. Тёплую. Живую. Со всем не похожую на холодный ужас, который всё ещё стоял где-то за спиной, у леса.

Она вложила пальцы в его руку.

Риис помог ей подняться на крыльцо, но не отпустил сразу. Всего на мгновение задержал её ладонь в своей, словно проверяя, не дрожит ли она сильнее, чем показывает.

— Видишь? — сказал он тише. — Почти добрались. Осталось только пережить лестницу. Надеюсь, она сегодня на нашей стороне.

— Лестница?

— В этом доме я уже ничему не доверяю без предварительных переговоров.

Шиара всё-таки улыбнулась. Слабо. Но по-настоящему.

Риис заметил и на этот раз не стал подшучивать. Только открыл дверь и пропустил её вперёд.

Дом встретил их тёплым полумраком. Деревянные стены хранили дневное тепло, у очага едва тлели угли, а старая лестница поднималась наверх так спокойно, будто за порогом не осталось ничего страшнее обычного вечера.

Шиара остановилась сразу за дверью.

Ей показалось странным, что мир может так быстро стать обычным. Снаружи, у леса, остались Сахан, Эсхиан и чужая смерть на траве. А здесь всё было на своих местах: скамья у стены, стол, глиняная кружка на краю, тонкая полоса света на полу.

Будто ничего не случилось.

Риис закрыл дверь за их спинами и щёлкнул засовом. Звук вышел негромкий, но Шиара всё равно вздрогнула.

— Спокойно, — сказал он. — Это всего лишь дверь. Не монстр. Хотя, признаю, скрипит она иногда так яростно, как не каждое чудовище может.

Шиара медленно повернулась к нему.

Риис стоял рядом, всё ещё улыбаясь. Теперь, в полутёмной комнате, его улыбка казалась мягче. Менее яркой. Огонь в очаге бросал на его лицо тёплый отблеск, и от этого он выглядел почти таким, каким хотел казаться: лёгким, спокой-

ным, уверенным, что всё можно пережить, если вовремя сказать что-нибудь не слишком серьёзное.

— Ты правда можешь шутить обо всём? — спросила она.

— Нет, — ответил он сразу. — О лестницах я шучу только по особым случаям.

Она моргнула.

— Что?

Риис кивнул на ступени.

— Посмотри на неё. Стоит, молчит, делает вид, что непричастна. А ведь именно такие обычно подводят в самый драматичный момент.

Шиара посмотрела на лестницу. Обычную. Старую. Немного потемневшую от времени.

И вдруг поняла, что несколько секунд назад почти перестала дышать. А теперь дышит. Неровно, неглубоко, но всё же дышит.

— Мне нужно подняться, — сказала она.

— Нужно, — согласился Риис. — Но сначала лучше решить, кто из вас двоих сейчас надёжнее: ты или лестница.

— Со мной всё хорошо.

Он чуть прищурился.

— Это сказала женщина, которая полчаса назад разговаривала с лесом, потом едва не стала целью ядовитой твари, а теперь стоит так, будто собирается убедить весь дом в своей полной невозмутимости.

Шиара опустила взгляд.

— Я не разговаривала с лесом.

— Конечно. Лес просто смотрел на тебя с выражением старого знакомого.

Она хотела возразить, но не нашла слов.

Риис заметил это и уже тише добавил:

— Не спорь. У меня сегодня слишком много доказательств и слишком мало терпения.

Лёгкость в его голосе ещё оставалась, но что-то в нём изменилось. Шутка больше не закрывала тревогу полностью. Теперь она только смягчала её края.

Шиара провела ладонью по рукаву платья. Пальцы всё ещё были холодными.

— Я правда могу подняться сама.

— Верю, — сказал Риис.

Она подняла на него глаза.

Он улыбнулся почти беззаботно.

— Но сегодня я уже видел достаточно. Так что с этого дня я отношусь к словам «я могу» с большим уважением. И ещё большим подозрением.

На этот раз Шиара всё-таки слабо улыбнулась.

Но улыбка исчезла почти сразу.

Перед глазами вновь вспыхнула чёрная трава. Шип у самой ноги. Тяжёлые нити яда, падающие с пасти твари. Ей показалось, что запах гари снова добрался до горла.

Она сделала вдох. Не получилось.

Риис перестал улыбаться.

— Шиара?

— Всё хорошо, — повторила она, но голос подвёл её на последнем слове.

Он шагнул ближе. Не резко. Просто оказался рядом раньше, чем она успела отвернуться.

— Нет, — сказал он мягко. — Не очень.

Шиара хотела снова возразить, но в этот миг поняла, что устала. Не телом даже — внутри. Там, где всё утро жила зелёная нить, теперь было странно тихо. Слишком тихо. И в этой тишине что-то мерцало, как уголь под пеплом.

Она не знала, что это.

Риис, кажется, заметил перемену в её лице.

Его взгляд стал внимательнее.

— Посмотри на меня, — попросил он.

Шиара не сразу подняла глаза.

Почему-то стало страшно. Не так, как в лесу. Иначе.

Там страх был понятным: тварь, яд, смерть. Здесь ничего не угрожало ей напрямую. Здесь был только Риис, тёплый полумрак дома и лестница за спиной.

И всё же сердце вдруг ударило сильнее.

— Риис...

— Я знаю, — сказал он тише. — Я не Эсхиан. Обещаю, превращаться в змея-дракона у лестницы не буду.

Она невольно посмотрела на него.

— А во что?

Уголок его губ дрогнул.

— В существо куда более опасное.

Шиара замерла.

Риис наклонился чуть ближе и почти шёпотом добавил:

— В мужчину, который сейчас очень серьёзно волнуется и пытается не выглядеть при этом глупо.

Слова были лёгкими. Но взгляд — нет.

Шиара почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Риис уже не улыбался по-настоящему. Его лицо осталось спокойным, но в глазах появилась та внимательная острота, которую она видела раньше лишь мельком — в лесу, когда он закрывал её собой от тёмной чащи.

— Подожди, — сказал он.

Она не успела ответить.

Он осторожно шагнул перед ней, перекрывая путь к лестнице. Не грубо. Не так, чтобы испугать. Просто не оставляя ей возможности сделать вид, будто ничего не происходит.

Шиара отступила на полшага и почувствовала за спиной стену.

Он стоял слишком близко.

Шиара понимала это совершенно ясно — так же ясно, как чувствовала холод стены за спиной и неровное биение собственного сердца. Риис не касался её, не удерживал, не делал ничего, что можно было бы назвать грубостью. Но само его присутствие оказалось неожиданно плотным, тёплым, почти осязаемым.

Она подняла на него глаза.

— Я правда в порядке.

— У тебя есть удивительный талант говорить это именно тогда, когда выглядишь хуже всего.

— Спасибо.

— Не за что. Я вообще щедр на честность в трудные минуты.

Обычно после такой фразы он, наверное, улыбнулся бы шире. Сейчас только чуть склонил голову, будто всматривался в неё внимательнее.

Шиара почувствовала, как по коже пробежала дрожь.

— Что? — спросила она тише.

Риис не ответил сразу. Его взгляд задержался на её лице, потом — на глазах. Улыбка исчезла окончательно.

— Подними голову.

Она напряглась.

— Зачем?

— Потому что если я скажу «из чистого любопытства», ты мне неверишь.

— А если скажешь правду?

— Тогда, боюсь, ты начнёшь волноваться ещё сильнее.

Шиара хотела отвести взгляд, но Риис уже медленно поднял руку. Не резко. Не требуя. Его пальцы замерли у её подбородка, оставляя ей возможность отстраниться.

Она не отстранилась. Сама не поняла почему.

Тогда он осторожно коснулся её лица и чуть приподнял подбородок. Прикосновение оказалось тёплым. Очень тёп-

лым — после её холодных пальцев, после ледяного испуга, после вида чёрной травы у леса.

Шиара задержала дыхание.

— Смотри на меня, — сказал Риис.

Голос у него был уже совсем другим. Без насмешки.

Она подчинилась.

Несколько мгновений он молчал. Просто смотрел ей в глаза — так пристально, что Шиаре стало не по себе. Не от страха. От того, что между ними вдруг не осталось привычной лёгкости, за которую можно было бы спрятаться.

Риис нахмурился. Совсем чуть-чуть. Но она заметила.

— Что ты видишь? — спросила она.

Его пальцы на её подбородке едва заметно напряглись.

— Красный.

Шиара не сразу поняла.

— Что?

— В глазах. Вспышки.

Она моргнула.

— Красные?

— Да.

Внутри что-то неприятно сжалось.

Шиара вспомнила зелёный свет во дворе, влажный запах леса, тонкие нити силы, которые тянулись к ранам Эсхиана. Всё, что просыпалось в ней прежде, было живым, мягким, глубоким. Зелёным.

Но она вспомнила и другое: утром, когда впервые рас-

смастривала своё отражение, в её глазах уже мелькал алый отблеск.

— Но моя сила... — начала она и замолчала.

Неужели это неправильно?

— Была зелёной, — закончил Риис. — Я помню.

Он сказал это спокойно, но в глазах его появилось выражение, которое совсем не подходило к привычной улыбке. Быстрая настороженность. Почти тревога.

— Может, это из-за твари? — спросила Шиара.

— Может.

— Или из-за страха?

— Может.

— Ты говоришь так, будто не веришь ни в одно из этих объяснений.

Риис посмотрел на неё чуть дольше.

— Я говорю так, потому что пока не знаю, во что верить.

От этих слов стало почему-то холоднее.

Шиара попыталась отступить, но за спиной была стена.

Риис сразу убрал бы руку, она это почувствовала. Стоило только отвернуться, оттолкнуть, сказать «нет» — и он отошёл бы.

Но она не сказала.

Потому что вместе с тревогой пришло другое ощущение.

Едва заметное.

Сначала похожее на тепло его пальцев. Потом — на слабое движение где-то глубже, там, где жила её сила. Не зелёная

нить, которая тянулась к лесу. Не мягкий отклик, который просыпался рядом с Эсхианом.

Иное.

Более тёплое.

Более беспокойное.

Словно под корнями вдруг вспыхнул маленький уголёк.

Риис тоже замер.

Его взгляд изменился.

— Шиара...

Она хотела ответить, но не смогла.

В комнате стало слишком тихо. Очаг почти не горел, лестница не скрипела, за дверью не слышалось ни шагов, ни голосов. Даже дом будто отступил, оставив их двоих у стены, в мягком полумраке, где слишком ясно чувствовалось каждое дыхание.

Пальцы Рииса всё ещё касались её подбородка.

Лёгкое прикосновение.

Почти невесомое.

Но Шиара ощущала его так остро, словно между кожей и кожей прошла тонкая искра.

Внутри снова дрогнуло тепло. На этот раз сильнее.

Шиара невольно прикрыла глаза, и в тот же миг ей показалось, что под ногами больше нет деревянного пола. Не исчез совсем — просто стал далёким. Как звук, который слышишь сквозь сон.

А впереди, где-то совсем близко, вспыхнул огонь.

Не обжигающий. Живой.

Он не приближался, но и не отступал. Просто смотрел на неё из темноты — золотисто-рыжий, гибкий, настороженный.

Шиара не знала, откуда поняла, что это лис.

Огненный. С тремя хвостами.

Он стоял на самом краю чужого духовного моря и смотрел на неё так внимательно, будто тоже не мог решить, опасна она или нет.

А где-то внутри неё тихо шевельнулся Дух Древа.

Он не проснулся резко.

Он поднялся медленно, словно зелёная тень из глубины, где до этого было тихо и темно. Шиара не чувствовала ни страха, ни боли. Только странное, почти невозможное любопытство — не своё даже, а той живой силы, что смотрела на огонь так, будто давно знала его язык.

Огненный Лис замер.

Пламя вокруг него дрогнуло. Три хвоста вспыхнули ярче, разливая по темноте тёплый свет. Он не бросился вперёд, не оскалился, не отступил. Просто стал внимательнее.

Шиара почему-то поняла: он не пускает её глубже. Но и не прогоняет.

Дух Древа осторожно вытянулся навстречу. Не ветвью даже — тонкой зелёной нитью, мягкой, живой, влажной от соков. Она коснулась края огня и не сгорела.

Шиара вздрогнула.

В реальности это, наверное, было едва заметно: лёгкое движение плеч, быстрый вдох. Но там, на краю чужого духовного моря, отклик прошёл глубже. Огонь скользнул по зелёной нити, лизнул её жаром, и вместо боли пришло тепло.

Не разрушительное. Не опасное. Живое.

Лис сделал шаг ближе.

Пламя на его груди стало тише. Не слабее — именно тише, словно перестало метаться и начало дышать ровнее. Дух Древа потянулся ещё немного. Зелёные нити мягко легли у его лап, потом поднялись выше, осторожно обвивая огненный свет.

Не как путы.

Скорее как лес обнимает костёр ночью: не тушит, не забирает жар, только держит вокруг него живую тень, чтобы пламя не пожрало всё вокруг.

Шиара перестала чувствовать стену за спиной.

Исчез пол под ногами.

Исчезло тепло пальцев Рииса на её подбородке.

Остался только огонь перед ней и тихое движение Древа внутри. Всё остальное — дом, лестница, полумрак, закрытая дверь — стало далёким и неважным, словно происходило с кем-то другим.

Лис больше не смотрел настороженно.

В его взгляде всё ещё оставалась осторожность, но уже без прежнего напряжения. Он словно прислушивался к зелёным нитям, а они, в свою очередь, прислушивались к нему. Там,

где огонь касался Древа, свет становился теплее. Там, где Древо ложилось рядом с огнём, пламя переставало рваться в стороны.

Шиара не понимала, что делает. И, кажется, Риис тоже.

Она не видела его лица в реальности, но чувствовала, как по их общей границе проходит дрожь. Не испуг. Не отказ. Скорее удивление, слишком глубокое, чтобы его можно было закрыть улыбкой.

Дух Древа потянулся к Лису ещё ближе.

Огненный зверь тихо выдохнул.

Этот выдох коснулся Шиары изнутри — жаром, запахом дыма, сухой травы, солнца на камнях. И вместе с ним пришло ощущение чужого живого сердца: быстрого, сильного, осторожно спрятанного под слоем смеха и насмешки.

Шиара на мгновение забыла, что должна бояться.

Лис опустил голову.

Зелёные нити коснулись его шеи, прошли по огненной шерсти, и пламя под ними не погасло. Оно стало мягче. Глубже. Будто нашло форму, в которой ему больше не нужно было доказывать, что оно способно сжечь.

Дух Древа ответил тихим движением. Не радостью. Не торжеством. Узнаванием.

И в этот миг Шиара почувствовала, что в реальности между ней и Риисом почти не осталось расстояния.

Сначала это пришло как тепло.

Потом как дыхание рядом.

Потом как чья-то ладонь у её спины — уже не просто поддерживающая, а тянущая ближе, осторожно, почти вопросительно.

Шиара открыла глаза.

Риис смотрел на неё без улыбки. Впервые за всё время — совсем без улыбки.

И от этого его лицо показалось ей другим. Не легче. Не мягче. Настоящим.

Она хотела спросить, что происходит. Хотела отступить. Хотела сказать, что не понимает.

Но Дух Древа всё ещё тянулся к Огненному Лису, а Лис не уходил. Его пламя дышало рядом с её зелёными нитями, и это дыхание было таким тёплым, что мысли распадались, не успев стать словами.

Риис склонился к ней.

Или это она сама подалась вперёд.

Шиара не поняла.

Их губы соприкоснулись сначала почти невинно.

Лёгкая, осторожная ласка, такая тихая, что её можно было бы принять за случайность. Только случайность не заставляет сердце ударить так сильно. Не обжигает дыхание. Не заставляет Дух Древа внутри неё расправиться навстречу огню, будто это прикосновение было не первым, а давно ожидаемым.

Риис замер на мгновение, словно тоже ждал, что она отстранится.

Шиара не отстранилась.

И тогда всё изменилось.

Его рука легла на её талию крепче, вторая скользнула к её спине, и в следующий миг он притянул её к себе так резко, что у неё перехватило дыхание. Стена снова оказалась за её спиной, но теперь уже не холодной преградой, а единственным, что удерживало мир на месте.

Риис поцеловал её по-настоящему.

Не осторожно. Не почти.

Жарко, открыто, жадно — словно огонь, который слишком долго держали под пеплом, наконец нашёл сухую траву и сорвался наружу. В этом поцелуе не осталось ни прежней насмешки, ни лёгкости, ни выверенной вежливости. Только пламя. Живое, нетерпеливое, опасное.

Он целовал её так, будто хотел выпить её дыхание, его губы жадно сминали ее, а горячий язык скользил по ним словно по самому вкусному лакомству. Порождая внутри Шиары пламя.

Будто его собственный огонь узнал в ней то, чего сам Риис ещё не успел понять.

Шиара должна была испугаться. Наверное.

Но страх не пришёл сразу.

Его тепло почти сжигало ее, тело дрожало и трепетало в его жгучих объятиях. Этот жар, растекающийся под кожей, заставляющий пальцы сжаться на ткани его одежды. Мир сузился на этих ощущениях, его дыхание, жаркие жадные

губы и горячий язык сплетающийся с ее. Она чувствовала его близко — слишком близко, до дрожи, до слабости в коленях, до невозможности понять, где заканчивается духовный отклик и начинается обычное человеческое желание.

Огненный Лис внутри чужого моря вспыхнул ярче.

Дух Древа не отступил.

Зелёные нити обвили пламя смелее, и огонь ответил им не болью, а жаром, от которого всё внутри Шиары стало мягким и податливым. Её дыхание сбилось. Она уже не знала, отвечает ли на поцелуй сама или за неё отвечает та сила, которая тянулась к Риису глубже, чем она могла позволить себе понять.

И всё же она продолжала отвечать.

Неумело. Растерянно. Но ответила.

Риис будто почувствовал это — и поцелуй стал ещё горячее. Его пальцы на её спине сжались, прижимая её ближе, почти вплавляя в собственное тепло. Он был похож на пожар, пожирающий всё на своём пути: осторожность, страх, остатки мыслей, слабую попытку помнить, что так нельзя, что они не должны, что снаружи всё ещё лежит мёртвая тварь и кто-то привёл её к дому.

Всё исчезло.

Остались только его губы. Его дыхание. Его огонь.

И Шиара, которая на несколько долгих мгновений позволила себе раствориться в этом жаре.

Потом что-то внутри неё дрогнуло.

Не Дерево. Не Лис.

Она сама.

Как будто тонкая нить, удерживавшая её в этих ощущениях, вдруг натянулась слишком сильно и оборвалась.

Мир вернулся сразу.

Стена за спиной. Тяжёлое дыхание Рииса рядом. Его рука на её талии. Её собственные пальцы, всё ещё сжимавшие ткань его одежды.

Шиара резко открыла глаза.

И поняла, что стоит прижатая к стене, в объятиях мужчины, которого ещё недавно пыталась понять, боялась и не могла назвать своим.

Ужас вспыхнул не снаружи. Внутри.

Она оттолкнула Рииса.

Не сильно. Но достаточно, чтобы он сразу отпустил.

Он не сказал ни слова. Не удержал. Не попытался вернуть её к себе. Только отступил на полшага.

Шиара не смотрела ему в глаза. Не могла.

Её губы горели, дыхание путалось, сердце стучало так быстро, будто бой в лесу только теперь догнал её по-настоящему.

Она развернулась и бросилась к лестнице.

Ступени скрипнули под ногами. Дом качнулся в полумраке. Шиара почти не чувствовала, как поднимается вверх, только держалась за перила, потому что колени были слишком слабыми.

Внизу Риис остался молчать.

И это молчание почему-то преследовало её сильнее любого слова.

Шиара вбежала в свою комнату и закрыла дверь.

Не хлопнула. Просто прижала её ладонью, будто боялась, что громкий звук разрушит остатки самообладания.

Потом повернулась и прислонилась к двери спиной.

Тишина комнаты приняла её сразу.

Здесь не было Рииса. Не было его рук, его дыхания, его огня, который пожирал осторожность так же легко, как пламя пожирает сухие листья. Только старая кровать, край покрывала, мутное зеркало и её собственное дыхание — неровное, горячее, чужое.

Шиара закрыла глаза.

Губы всё ещё помнили.

Она подняла руку, почти коснулась их пальцами — и тут же опустила, словно поймала себя на чём-то постыдном.

Нет.

Она испугалась не только Рииса.

Она испугалась того, что не хотела остановиться сразу. Того, что её сила тянулась к его огню. Того, что на несколько мгновений ей было хорошо там, где должно было быть страшно.

Внутри было тихо. Слишком тихо.

Дух Древа не звал к лесу. Не отзывался зелёным светом. Не шевелился мягкими корнями под кожей.

Он словно замер.

А где-то под этой тишиной всё ещё тлело красное.

Шиара открыла глаза и медленно посмотрела на зеркало.

Мутное стекло отражало её неровно, будто не хотело показывать всё сразу. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы заставить себя подойти ближе.

Она остановилась напротив.

Из зеркала на неё смотрела молодая женщина с бледным лицом, растрёпанными тёмными волосами и слишком большими глазами.

В этих глазах горели красные искры.

Не ярко. Не как пламя.

Скорее как угли под пеплом — глубоко, опасно, упрямо.

Шиара задержала дыхание.

Внизу, за дверью и лестницей, дом оставался тихим.

Но теперь эта тишина уже не казалась спокойной.

Зелёная сила внутри неё молчала.

А красный отблеск в глазах всё ещё горел.